

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Общество ингерманландских финнов «Инкерин Лиитто»
Центр коренных народов

О.И. Конькова, В.А. Кокко

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ

Очерки истории и культуры

Санкт-Петербург
2009

УДК 391/397(=511.111)(470.2)

ББК 63.5(2)

К 65

Академическая научно-популярная серия
«КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»

*Книга издана при поддержке Комитета
по информационно-аналитическому обеспечению
Ленинградской области и ОАО «Компания Усть-Луга»*

Под общей редакцией
д.и.н. *Е.А.Резвана*

Конькова О.И., Кокко В.А.

К 65 Ингерманладские финны. Очерки истории и культуры. СПб.:

МАЭ РАН, 2009. — 164 с.; илл.

ISBN 978-5-88431-143-5

Книга известного этнографа Ольги Игоревны Коньковой и председателя Санкт-Петербургского Общества ингерманландских финнов, кандидата географических наук Владимира Адольфовича Кокко продолжает новую академическую серию «Коренные народы Ленинградской области» и посвящена истории и культуре ингерманландских финнов, происхождение и история которых неразрывно связаны с пограничными северо-западными землями России. В книге впервые сведены воедино самые различные данные о сложной судьбе этого народа, о его традиционных занятиях, необычных народных костюмах, о народном календаре и праздниках, о фольклоре, языке и вере. Научный подход к рассмотрению истории и культуры ингерманландских финнов, с одной стороны, и яркий живой стиль изложения, с другой стороны, делает эту книгу интересной как для профессиональных исследователей и студентов, так и для краеведов и всех интересующихся историей Северо-Запада России и культурой населяющих его народов.

Рисунки
О.И. Коньковой, Л.В. Пости, Л.А. Сакса

На обложке — рисунок «Ингерманладские финны» Карлиса Хунса, 1862 г.;
орнаменты вышивок рубах финнов-эурямейсет.

Дизайн обложки *Л.А. Сакса*

ISBN 978-5-88431-143-5

© О. И. Конькова, В.А. Кокко, 2009

© Е. А. Резван, ред., 2009

© О. И. Конькова, Л. В. Пости,

Л. А. Сакса, иллюстрации, 2009

© МАЭ РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ИСТОРИЯ	7
История ингерманландских финнов в XVII-XIX веках.....	7
История ингерманландских финнов в XX веке.....	12
Начало национального возрождения	26
Отвечая на вызовы времени.....	29
Современное положение	31
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР	36
Формирование национального характера	36
Этническая самоидентификация	38
САМОНАЗВАНИЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ	42
Самоназвания.....	42
Этнографические группы	44
ХОЗЯЙСТВО И ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ	47
ДЕРЕВНИ И ДОМА	60
Деревни	60
Жилые и хозяйственные постройки	62
ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ	71
ОДЕЖДА	74
Мужская одежда	74
Женская одежда	75
Одежда финок-эурямёйсет.....	75
Одежда финок-савакот	82
СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ	88
Родильная обрядность	88
Свадебные обряды.....	93
Похоронные традиции	97
КАЛЕНДАРЬ И НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ	100
Январь	101
Февраль	103

Март	107
Апрель.....	111
Май	112
Июнь.....	115
Июль-август.....	119
Сентябрь	119
Октябрь	120
Ноябрь	120
Декабрь.....	123
ФОЛЬКЛОР	128
ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА	138
Ингерманландские диалекты	138
Художественная литература.....	141
РЕЛИГИЯ	145
ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЧТЕНИЯ	152
ССЫЛКИ	155

ВВЕДЕНИЕ

Как красива Ингерманландия! Рас-
сечённые реками леса, широкие про-
сторы древних полей, глухие заросшие
озёра, высокие холмы, с вершин ко-
торых видны самые далёкие деревни,
огненные закаты над Финским зали-
вом и ладожские осенние бури — это
и есть Ингерманландия.

Это название получила часть совре-
менной Ленинградской области еще
в конце XVI века, во времена шведско-
русских войн. Произошло оно от швед-
ского слова «ланд» («провинция»,
«земля») и «ингермаа» — древнего на-
звания Ижорской земли на местных
языках. С 1617 года Ингерманландией
стала официально называться завоё-
ванная шведами территория от реки
Нарвы на западе до реки Лавы на вос-
токе, от лужских болот на юге до лем-
боловских холмов на севере. Здесь из-
давна проживали два древних коренных
народа — водь и ижора, сюда в XI веке
пришли славяне. Смутное время и вой-
ны razорили эту землю, многие её райо-
ны обезлюдели. На опустошенные
земли переселялись новые жители —
финны. Они поднимали брошенные и
заросшие земли. Они расчищали леса
под новые поля. Они строили крепкие
финские дома. Они давали земле но-
вую жизнь, потому что земля для фин-
на — главная ценность после Бога. По
происхождению эти финны были каре-
лами, в XIII веке попавшими под власть
Швеции. Древней родиной многих из
них были северо-западные и северные
районы Карельского перешейка и вос-

точной Финляндии. Они сохранили многие древние черты своей культуры: старинные одежды, древние калевальские руны, свой устойчивый непреклонный характер и трудолюбие. Во многих деревнях финны жили совместно с ижорами и русскими. Жили дружно, перенимали лучшее, всегда сохраняя своё, исконное.

Так, с XVII века Ингерманландия стала родиной ингерманландских финнов. Родиной более чем двадцати поколений удивительного народа, чья судьба складывалась по-разному. XVIII век, с его строительством новой столицы, приходом крепостного права и появлением русских переселенцев, сменился веком XIX, когда ингерманландские финны составили крепкую крестьянскую основу окрестностей столицы и стали одним из самых грамотных народов России. Жизнь Петербурга и губернии была невозможна без сдержанных и всегда знающих себе цену финских крестьян, без крепких охтенских молочниц, без залихватски проносящихся по питерским проулкам финских извозчиков.

XX век принёс ингерманландцам столько бед, что слова «репрессии» и «высылки» стали частью национальной культуры. Вместо прежних 125 тысяч ингерманландских финнов в 1920-е годы сейчас в Ингерманландии проживает всего 12 тысяч.

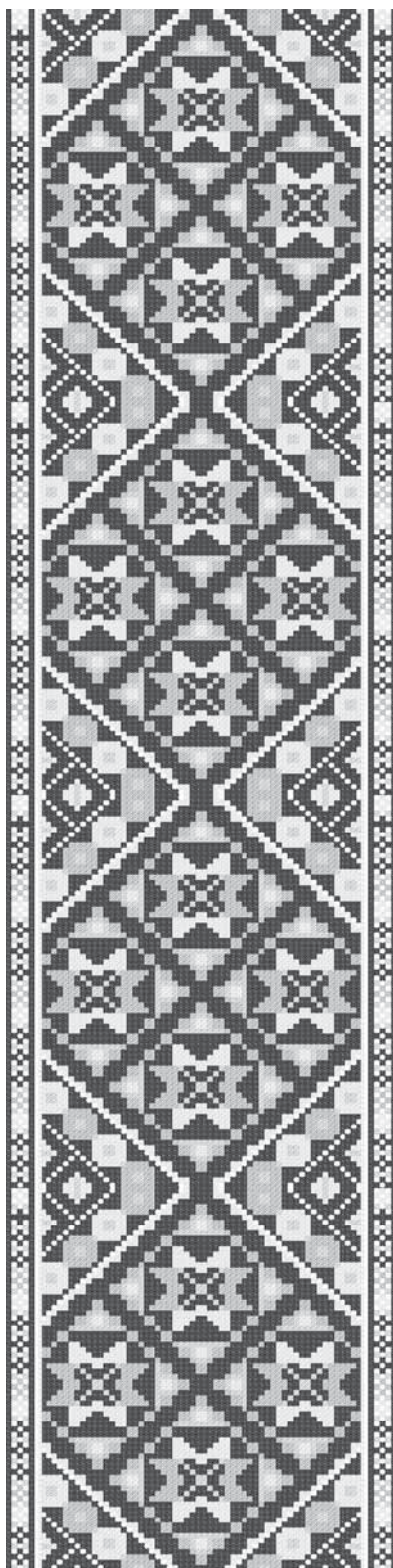
К ингерманландским финнам можно относиться по-разному. Можно прославлять их исключительную трудоспособность и невероятное упорство. Можно посмеиваться над их медлительностью и излишней аккуратностью. Но нужно знать народ, главными чертами которого всегда были труд, вера и преданность своей земле. Поэтому мы написали эту небольшую книгу, где затронули только основные вехи истории, коснулись лишь главных сторон культуры ингерманландских финнов. Очень многое осталось недосказанным, но мы постарались сделать главное — приблизить к вам этот народ, сделать его сложную историю и неизвестную культуру более понятной.

Мы благодарны всем поколениям ингерманландских финнов, несмотря на все страдания и горе, сумевшим сохраниться как народ. Мы признательны сотням исследователей Ингерманландии, посвятившим своё время, а, порой, и жизни изучению её истории и культуры — благодаря им мы сейчас можем узнать сами и рассказать другим о самом важном и интересном в жизни ингерманландских финнов. Мы говорим спасибо всем тем, кто сейчас вкладывает силы в дело сохранения самого народа и его уникальной культуры.

Мы приносим слова признательности тем, благодаря кому в наше трудное время была издана эта книга — Правительству Ленинградской области, ОАО «Компания Усть-Луга» и Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Ольга Конькова и Владимир Кокко

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ В XVII-XIX ВЕКАХ

Начало самостоятельной истории ингерманландских финнов связано с событиями русско-шведских войн конца XVI — начала XVII века. После разгрома Новгорода, учинённого в 1570 году Иваном Грозным, Россия ослабла, и Швеция не замедлила воспользоваться сложившейся ситуацией, атаковав в 1577 году русские рубежи. По условиям Тязвинского мира 1595 года шведы ушли, но ненадолго. В смутное время они вмешались во внутренние дела России, и войска под командованием Якоба де ла Гарди захватили в 1611 году Новгород. Царь Михаил — первый русский царь из рода Романовых — вынужден был в 1617 году заключить со Швецией тяжёлый для России Столбовский мир, по которому большая часть северо-западных земель русского государства (Ижорская земля с городами Орехов, Ям, Копорье, Ивангород, а также Корельский уезд) перешла под шведскую власть.

Именно на эту территорию двумя мощными волнами в течение XVII века сначала из западных приходов Карельского перешейка, а затем, в основном, с севера Карельского перешейка и из восточных районов Финляндии переселилось около 20 тысяч финнов-лютеран.¹ Большинство переселенцев были безземельными крестьянами, в Ингерманландию их влекли более

плодородные земли, освобождение от рекрутской повинности и большие налоговые льготы. Вначале миграция была стихийной, и шведские власти даже противодействовали ей. Но потом такое переселение стали поощрять, так как новая шведская провинция *Ингерманланд* (*Ingermanland*) была опустошена многочисленными войнами, а большая часть местного православного населения бежала в русские земли. Финны-лютеране встретили в Ингерманландии древние прибалтийско-финские народы — ижору и води. На протяжении последующих веков финны ассимилировали некоторую часть ижор и води, создав новый самостоятельный народ — ингерманландских финнов.

Администрация в Ингерманландии была устроена по шведскому образцу, действовали шведские законы, крестьяне были лично свободны, некоторые владели собственными наделами, другие арендовали их. В 1611 году у места впадения реки Охты в Неву шведы основали новый город Ниеншанц (по-шведски — *Nyen*, по-фински — *Nevanlinna*, по-русски — *Шанцы*), ставший в 1642 году столицей провинции *Ингерманланд* и во второй половине XVII века значительным торговым портом.

Законы Швеции того времени были суровы, полноценными гражданами считали только лютеран, остальные должны были платить специальный налог. В отношении финноязычных карел, ижор и вожан проводилась политика принудительной лютеранизации. Ещё 1585 годом датированы первые сведения о лютеранском приходе в Копорье, но вскоре его деятельность была прекращена. Первый постоянный лютеранский приход в Ингерманландии возник на Карельском перешейке в Лемболове (*Lempaala*) в 1611 году.² От этой даты отсчитывает свою историю Евангелически-лютеранская Церковь Ингрии. Стремительно росло при шведском владычестве число лютеранских приходов, в 1630 году их было 8, а в 1655 году уже 36!³ Православные же приходы закрывались.

После неудачной для России попытки взять военный реванш в 1656-1658 годах отток православных на Русь только увеличился. Их были многие тысячи, поэтому русский царь выделил для поселения, прежде всего карел, бежавших с Карельского перешейка от шведской власти, специальный район близ Твери. Так было положено начало формированию Тверской Карелии. На опустевшие земли Ингерманландии вновь стали переселяться финны. К концу XVII века из примерно 50 тысяч жителей Ингерманландии 72% были финны-лютеране, остальные — православные, среди которых примерно половину составляли ижоры и вожане.⁴ Больше всего финнов обосновалось в восточных ингерманландских землях. Вся Ингерманландия в шведское время делилась на большие административные образования — лены, и в Ореховецком лене численность финнов достигла 92 %. И лишь на западе, в Ивангородском лене православные жители остались в большинстве — их было 54 %.

Россия не могла смириться с утратой выхода к Балтийскому морю. Царь Пётр I начал в 1700 году Северную войну и в первом сражении под Нарвой потерпел от шведов поражение, потеряв практически всю свою артиллерию. Сумев быстро мобилизовать новую армию, Пётр I снова вторгся в Ингерманландию и осенью 1702 года после осады взял крепость Нотебург (Орешек). В начале мая 1703 года пал и Ниеншанц. А в конце мая ниже по течению Невы был заложен новый город Санкт-Петербург, который изначально планировался как столица будущей империи. Ингерманландия превратилась из окраинной шведской провинции (её порой называли «Шведской Сибирью») в геополитический центр набирающей силу империи. В 1704 году сдалась крепость Нарва, и шведский период в истории Ингерманландии завершился. В 1712 году Санкт-Петербург стал российской столицей, и сюда были переведены как официальные службы, так и императорский двор. Сама Северная война окончилась лишь в 1721 году подписанием Ништадского мира. По его условиям не только Ингерманландия, но и Южная и Приладожская Карелия перешли под власть России, и окружавшая Санкт-Петербург Ингерманландская губерния вошла в состав России и была переименована в Санкт-Петербургскую. Финское крестьянство, которое проживало в Ингерманландии уже более столетия, не ушло в Финляндию вслед за духовенством, дворянами и шведской администрацией, а связало свою жизнь с Россией (см. цветные иллюстрации I и II).

Основание Петербурга и включение Ингерманландии в состав Российской Империи — переломный момент в истории её финского населения. С одной стороны, крестьяне-лютеране стали крепостными, а те, что жили в близлежащих к Петербургу деревнях, приписывались к царскому двору. С другой стороны, столица создавала для местных финнов совершенно новые благоприятные условия социально-экономического развития. Стремительно менялся этнический состав населения Ингерманландии, сюда для строительства столицы привозили «крестьян-переведенцев» из внутренних губерний России, не только русских, но и, например, татар. В качестве специалистов Пётр I привлекал в Петербург немцев, голландцев, итальянцев.

В 1732 году из 59 тысяч крестьян в Ингерманландии было 23 тысячи финнов-лютеран.⁵ Лютеране вызывали расположение царской семьи: великий князь Павел Петрович (будущий император Павел I) открыл на свои средства в 1782 году в Колпанах (*Kolppana*) первую начальную школу с финским языком обучения,⁶ а императрица Анна Иоанновна подарила в 1733 году финнам-лютеранам участок земли под строительство церкви в центре Петербурга. Но делами лютеранских приходов серьёзно заниматься было некому, в 1730 году во всех финских приходах оставалось всего 10 пасторов. В 1803 году лютеранские приходы в Рос-

сии получили собственного епископа. В 1820-30-х годах этот пост занимал финн Сакари Сюгнеус. Под его руководством был наведен порядок в управлении приходами Ингерманландии. После смерти Сюгнеуса, в 1832 году в России был принят новый церковный закон, по которому, в частности, была учреждена лютеранская консистория для управления всеми лютеранскими приходами империи. Главенствующее положение (в силу своего количественного превосходства) в консистории получили немцы, и рабочим языком консистории стал немецкий.

В первой половине XIX века первые шаги в Ингерманландии сделало школьное образование на финском языке. Колпанская школа получила в 1800 году собственное здание близ только что возведённой новой каменной церкви. Школа давала лишь самые начальные знания: там учили финский и русский язык, изучали Библию, но писать учили только тех, кто этого хотел. Деятельность Колпанской школы давала, однако, бесценный опыт для приходов, а её первые учителя Пиетари Райкерус и Абрахам Куйванен вошли в историю как первые ингерманландские просветители. В 1839 году приходская школа была открыта в приходе Хиетамяки (*Hietämäki*), в 1842 году в приходе Тюрё (*Tyrö*), в 1844 году в приходе Св. Марии в Петербурге и в 1847 году в Дудергофе (*Tuutari*).

Наряду с постоянными финансовыми трудностями, финноязычные школы Ингерманландии столкнулись с проблемой нехватки учителей. Этот вопрос разрешился только в эпоху реформ Александра II, когда в России было отменено крепостное право, введена независимая система судопроизводства, а также местное самоуправление — земства. Попечение над школами было отдано в руки новообразованных земств. Во многих земствах Ингерманландии финны были в большинстве и могли успешно решать вопросы развития школ. В 1863 году, 15 сентября под Гатчиной в Колпанах открылась ингерманландская учительская семинария. Её первый директор — Фредрик Оскар Гроудстрём — за 16 лет сумел заложить прочные основы её деятельности. Языком обучения в семинарии был финский, учащихся учили религии, финскому и русскому языкам, истории, географии, ботанике, природоведению, арифметике, чистописанию, рисованию, пению и игре на органе. Срок обучения составлял три года. Первый выпуск учителей 1866 года дал Ингерманландии двух выдающихся людей: композитора Моозеса Путро и учителя, народного просветителя Абрахама Тииснекка. Значение Колпанской семинарии в деле просвещения ингерманландских финнов и формирования собственной интеллигенции трудно переоценить.

После открытия семинарии количество финских школ в Ингерманландии резко увеличилось, и к 1888 году их было уже 38.⁷ В конце XIX — начале XX века усилилась русификаторская политика, которая затронула также и Финляндию. В Колпанской семинарии с 1891 года большинство предметов стали преподавать

10-й выпуск Колпанской семинарии. 1900 год. Музейное Ведомство Финляндии.

по-русски. В 1913 году в 229 школах, в которых обучалось 8 тысяч финских детей, также основным языком преподавания стал русский, финский же преподавался как предмет, уроки религии проводились, однако, по-фински.⁸

Пасторами лютеранских приходов велась большая просветительская работа среди крестьян. В конфирмационных школах, в которых вся местная финская молодежь, начиная с 15-16 лет, должна была пройти обучение, учили не только Катехизису, но и просто читать. Пастве прививались правила хорошего поведения и трезвого образа жизни. Пасторы обучали новейшим технологиям и распространяли среди крестьян литературу по сельскому хозяйству, иногда даже организовывали образцовые хозяйства. Вместе с отменой крепостного права это дало прекрасный результат — выросла производительность крестьянских хозяйств и благосостояние ингерманландских финнов. Прогресс этот иллюстрируют, в том числе, и цифры роста численности финского населения в Ингерман-

ландии. В 1848 году финнов здесь было 80 тысяч, а в 1897 — уже свыше 130 тысяч!⁹ Финны практически повсеместно жили в западной, центральной и северной частях Санкт-Петербургской губернии (см. цветную иллюстрацию III).

Конец XIX — начало XX века стали временем появления финской периодической печати и зарождения литературы на финском языке в Ингерманландии. Первая местная газета на финском языке *Пиетарин Саномат* (*Pietarin Sanomat*) вышла в Петербурге в 1870 году, но просуществовала менее года. Затем было ещё несколько попыток финляндских финнов начать постоянный выпуск финской газеты в столице. Собственно ингерманландская газета появилась в 1884 году, называлась она *Инкери* (*Inkeri* — так по-фински называлась Ингерманландия). В начале XX века регулярно стали выходить две ингерманландские газеты: консервативная *Ууси Инкери* (*Uusi Inkeri* — *Новая Ингерманландия*) и почти социал-демократическая *Нева* (*Neva*). В обеих газетах широко обсуждался вопрос о том, где родина ингерманландских финнов, как следует относиться к Финляндии? Преобладали мнения о самобытности ингерманландских финнов, подчеркивалось, что родина это «здесь», а Финляндия — это «там». Популярностью пользовались календари-ежегодники, выпуски которых тиражом около 30 000 экземпляров 40 лет готовил Пааво Ряйккёнен. На страницах ингерманландской периодической печати появлялись стихи, небольшие рассказы. Так закладывались основы художественной литературы ингерманландских финнов.

Важнейшим событием в культурной жизни финнов Ингерманландии было проведение 8-9 июня 1899 года Первого Ингерманландского песенного праздника. Он прошёл в Пудости Скворицкого прихода и был организован по инициативе композитора Моозеса Путро. Одиннадцатью годами раньше, на 25-летие Колпанской семинарии им была написана песня *Ноусэ Инкери* (*Nouse Inkeri* — *Вставай, Ингерманландия*), которая впоследствии стала национальным гимном ингерманландских финнов. Организатором праздника в Пудости было общество трезвости *Инкери* (*Inkeri*). В конце XIX — начале XX века насчитывались уже десятки общественных объединений ингерманландских финнов: музыкальных, просветительских, спортивных, обществ трезвости и добровольных пожарных дружин.

ИСТОРИЯ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ В XX ВЕКЕ

Уже с конца XIX века возможности национального развития Ингерманландии стали сдерживаться. Были ограничены гражданские права финского языка: в школах сокращалось время на изучение финского языка, во многих учебных

заведениях языком преподавания становился русский. Во время первой мировой войны половина всех финских учителей была призвана в действующую армию.

По мере обострения кризиса в российском обществе, общественное движение ингерманландских финнов всё больше политизировалось. Газета *Neva* и активисты национального движения с восторгом приняли февральскую революцию. В апреле 1917 года около 200 делегатов участвовали во всеингерманландском съезде. Съезд выступил за переход в «финских» школах на преподавание на финском языке, за расширение подготовки учителей и за местное самоуправление в заселённых финнами районах Ингерманландии. Курс на местное самоуправление, а по существу, на национально-культурную автономию, был подтверждён на последнем III съезде ингерманландских финнов в марте 1918 года. Все съезды избирали руководящие органы во главе с многолетним редактором газеты *Neva* Каапре Тюнни, ставшим признанным лидером национального движения.

Большевистская революция и гражданская война развели финнов-ингерманландцев по разные стороны баррикад. Часть была в стане большевиков, поддавшись на страстную агитацию укрывшихся в Советской России «красных финнов» — в Петрограде их было около 6 тысяч.¹⁰ Другие крестьяне взялись за оружие после большевистских экспроприаций продовольствия и скота осенью 1918 года. В наступавших летом 1919 года на Петроград белых частях были отряды ингерманландских финнов. В Северной Ингерманландии недовольство крестьян-ингерманландцев подогревали финские «национальные активисты», вдохновлённые идеей «Великой Финляндии». После кровавого похода по Лемболову (*Lempaala*), Никулясам (*Miikkulainen*) и Вуолам (*Vuole*) так называемый Северо-Ингерманландский полк закрепился на крошечном участке земли близ деревни Кирьясало. Этот полк ушёл в Финляндию лишь после заключения мирного договора между Советской Россией и Финляндией. Около 8200 ингерманландских финнов, преимущественно крестьян, бежали от революции и ужасов гражданской войны в Финляндию.¹¹

Мирный договор между РСФСР и Финляндией был заключён 14 октября 1920 года в Тарту. Осенью того же года мирный договор в Тарту Советская Россия подписала также и с Эстонией. По этому договору узкая полоса земли между восточным берегом реки Нарвы и рекой Лугой была включена в состав Эстонии. Часть лютеранского прихода Кузёмкино (*Kosemkinä*) на 20 лет превратилась в «Эстонскую Ингерманландию» с численностью финского населения около 1,5 тысяч человек. К тому времени «ингерманландский вопрос» уже вышел на международный уровень, и обойти его вниманием уже было невозможно. В день подписания мирного договора делегация РСФСР сделала официальное заявле-

ние, приобщённое к договору, где гарантировала право финского населения Петроградской губернии на обучение на родном языке, его право на местное самоуправление и официальное использование финского языка в соответствии с Конституцией РСФСР, защищавшей права национальных меньшинств.¹² Поверив в возможность лучшего будущего на родине, более 3 тысяч ингерманландских финнов возвратились в 1921-25 годах из Финляндии в родные деревни.¹³

В 1920-е годы в Ингерманландии действительно началось национальное строительство. При губернском отделе народного образования был образован финский отдел, который организовал переход на финский язык преподавания в начальных школах в районах с преобладанием финского населения. Создавались учебные программы, издавались учебники. Закрывшаяся в 1919 году Колпан-

Ученики начальной школы дер. Хювиля (Поляны) прихода Марккова.
10 мая 1932 года. Личный архив Н.Тузберг.

ская семинария возродилась в 1920 году в виде учительских курсов, а позднее — как Гатчинский Финский педагогический техникум, где готовили учителей для финских национальных школ. В середине 1920-х годов техникум переехал в Ленинград и расширил деятельность: наряду с финским, в нём открыли ижорское и эстонское отделение.

В 1923 году в Рябово (*Rääpyvä* — ныне город Всеволожск) открылся финский сельскохозяйственный техникум, его бессменным директором был Николай Пеллинен. Финские отделения появились в Педагогическом институте им. Герцена, на рабфаке Ленинградского университета, в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. В 1934 году на финском языке работало 254 школы. Такого размаха образование на финском языке (хотя оно было сильно политизированным) в Ингерманландии не имело ни до, ни после этих лет.

В Ленинграде в 1920-е — первой половине 1930-х годов выходило свыше десятка периодических изданий на финском языке, в том числе газета *Vapaus* (*Vapaus* — *Свобода*), печатавшаяся временами до 4-х раз в неделю. Множество всевозможных курсов и ассоциаций объединил финский Дом народного просве-

Финские колхозники на сборе моркови. 1932 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

щения в Ленинграде. Был создан финский театр. В 1929 году в Ленинграде началось радиовещание на финском языке. Основанное в 1923 году финское издательство *Ки́рья (Kirja — Книга)* выпустило за годы своего существования 944 издания: газеты и журналы, детские, молодежные и женские издания, учебники для финских, ижорских, карельских и вепсских школ, художественную литературу.¹⁴

Численность финнов-ингерманландцев по официальным данным переписи 1926 года была около 115 тысяч человек. В губернии сформировали национальные сельские советы, в том числе 55 финских, был образован Куйвазовский (позднее — Токсовский) национальный район.¹⁵ В этих национально-административных образованиях финский язык имел официальный статус. В годы коллективизации в Ингерманландии появились финские национальные колхозы. Вся эта советская национальная политика 1920-х годов получила название политики «коренизации». Суть коренизации сводилась к воспитанию новых, лояльных большевикам элит в среде многочисленных нацменьшинств России.

Гораздо сложнее складывалась при советской власти судьба финских лютеранских приходов. В 1918 году прежняя, руководимая немцами консистория прекратила существование, и Евангелически-лютеранская Церковь Ингрии обрела самостоятельность. С 1924 года Высший Церковный Совет Ингерманландии возглавлял пробст Селим Ялмари Лауриккала. Следствием непримиримой позиции советской власти в отношении религии стали репрессии против лютеранских священников и попытки закрытия церквей ещё в 1920-е годы. К началу 1930-х годов в лютеранских приходах Ингерманландии сложилась острая нехватка духовенства, один пастор обслуживал по несколько приходов.

Первый действительно тяжёлый удар по жизненному укладу ингерманландских финнов был нанесён в годы принудительной коллективизации сельского хозяйства в 1930-31-х годах. Коллективизация сопровождалась кампанией раскулачивания, и многочисленные зажиточные хозяйства ингерманландских финнов, по мнению властей, подлежали экспроприации в первую очередь. 18 000 финнов-ингерманландцев были раскулачены и высланы на Кольский полуостров и на строительство Беломорского канала.¹⁶ Жёстко репрессировались священники, которых объявляли сторонниками кулаков. Закрытые церкви превращали в клубы и дома культуры. Несколько сотен финнов-ингерманландцев бежали от коллективизации в Финляндию, и Правительство Финляндии, единственное в мире, выступило в 1931 году с нотой протеста МИДу СССР по поводу нарушения прав финского населения Ленинградской области в ходе коллективизации.

Ээро Пеллинен, родился в 1940 году в семье финнов, высланных в Казахстан.
Пос. Пахта-Арал. 1947 год. Личный архив Э. Пеллинен.

Следующая волна гонений и депортаций обрушилась на ингерманландских финнов в 1935-36-х годах. Убийство Кирова Сталин использовал для начала политики большого террора. Власти «вдруг» обнаружили, что «неблагонадёжные финны» составляют более 80% населения Карельского перешейка вдоль границы с Финляндией. В марте 1935 года было принято решение об очистке 22-х километров пограничной полосы от «кулацких и антисоветских элементов». Финское население приходов Лемболово (*Lempaala*), Никулясы (*Miikkulainen*), Вуолы (*Vuole*), а также частично приходов Белоостров (*Valkeasaari*) и Токсово (*Toksova*) подлежали депортации. Всего за 1935-36-е годы из Ингерманландии было выселено 26-27 тысяч финнов.¹⁷ Местами ссылок были, в основном, Южный Казахстан и Средняя Азия. С 1936 года слово «финн» в СССР стало ассоциироваться с понятием «враг народа».

Под риторику о принятии в СССР «самой демократичной в мире Конституции» в 1937 году в стране был начат невиданный прежде кровавый террор. По всей стране было арестовано свыше 1,5 миллиона человек — представители всех национальностей, из них 681 тысяча расстреляна.¹⁸ Точных данных о количестве

Пётр Маннинен с другом в Красной Армии (репрессированы в начале Зимней финской войны). 1939 год. Личный архив В. Молодчина.

репрессированных в 1937-38-х годах финнов-ингерманландцев до сих пор нет. Количество расстрелянных, вероятно, составляет 3-5 тысяч человек.

Итогом этих двух кровавых лет для ингерманландцев было то, что они лишились всех очагов национальной культуры. Преподавание во всех национальных школах было переведено на русский язык, закрыты все газеты и журналы на финском языке, расформирован финский театр, закрыты все (!) лютеранские церкви и репрессированы все (!) пасторы, практически уничтожена национальная интеллигенция. Были упразднены национальный район и национальные сельские советы. Финский язык объявлялся «буржуазным» и «фашистским».

Вторая мировая война довершила трагедию ингерманландских финнов. В ноябре 1939 года их мобилизовали в финскую «народно-освободительную армию»

Служба у памятника финнам, погибшим в годы сталинских репрессий, в Левашово под Петербургом. Фотография В. Кокко. 2008 год.

Отто Куусинена, но её история быстро закончилась так же бесславно, как история самой Зимней войны.

С началом наступления фашистской армии на Ленинград, 25 августа 1941 года Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление о выселении из прифронтовой полосы всего финского и немецкого населения.¹⁹ Всех финнов (88,7 тысяч человек) планировалось депортировать в Казахстан, однако 8 сентября кольцо блокады вокруг города замкнулось, и план этот остался не выполненным, однако от него не отказались. Как только у органов НКВД появилась возможность, 23-28 марта 1942 из кольца ленинградской блокады через Ладожское озеро было вывезено в Сибирь около 30 тысяч финнов. С находившейся в блокаде территории было депортировано всё (!) финское население. Их везли в вагонах через половину страны, затем на баржах по Лене

и Енисею к побережью Ледовитого океана, где они были по сути дела брошены на произвол судьбы.²⁰

Тысячи не вынесли долгой дороги, тысячи погибли в местах ссылок от голода, болезней и непосильной работы. Не забыли «органы» и призванных в Красную Армию финнов, их в 1942 году из действующих частей переводили в так называемую «трудармию», одно из подразделений ГУЛАГа. Право защищать Родину с оружием в руках оставили только кадровым военным финской национальности. Один ингерманландский финн, погибший летом 1941 года в Карелии, Пие-тари Тииккиляйнен был удостоен звания Героя Советского Союза.²¹

Большая часть Ингерманландии оказалась оккупированной немецко-фашистскими войсками. В своих мечтах о мировом господстве лидеры Третьего Рейха

Карина Лаппалайнен, высланная в Тюменскую область.
Пос. Кимкясуй. 1948 год. Личный архив С. Трегуб.

видели Ингерманландию колонизированной немцами. Ни русское, ни финское население Ленинградской области им не было нужно.

Германией было достигнуто соглашение с финскими властями об отправке в Финляндию финского населения Ингерманландии. Всего в 1943-44 годах из Ингерманландии в Финляндию было перевезено около 60 тысяч финнов, а также ижоры и вожане. Путь эвакуированных лежал через Эстонию и концентрационный лагерь в Клооге.

Эстония привлекала финнов-ингерманландцев в годы оккупации как страна, в которой была работа и хлеб. Туда перебирались финны из Западной Ингерманландии, нанимаясь в батраки к зажиточным крестьянам. Там оставались ингерманландцы, спрыгивая с поездов, перевозивших эвакуированных, или бежав из

Нищий мальчик из прихода Молосковицы в военное время.
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

лагеря Клоога. Таким образом, в Эстонии во время войны осело около 3 тысяч ингерманландских финнов.²²

Отправке в Финляндию подлежали также советские граждане финской национальности, находившиеся в фашистских концентрационных лагерях или на принудительных работах в Германии. Туда же из оккупированной Ленинградской области был отправлен и сформированный немцами из ингерманландцев-коллаборационистов охранный Восточный батальон 664 (*Ost-Bataillon 664*).

После прохождения финских карантинных лагерей эвакуированных ингерманландцев распределяли на заводы, фабрики, фермы. Финляндия, находивша-

Ингерманландцы в Гатчине перед отправлением в Эстонию.
Фотография Е. Мякинена. 1943 год. Журнал «Suomen kuvalehti» N30 от 24.07.1943.

Отплытие из Эстонии в Финляндию. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

яся в состоянии войны с Советским Союзом, остро нуждалась в рабочей силе. Время, проведённое в Финляндии, ингерманландские финны вспоминают по-разному. Кто-то запомнил унижение со стороны финских «хозяев», кто-то помнит только тяжёлый труд, кто-то — дружеские отношения с финнами и их всестороннюю поддержку, многие впервые за долгие годы колхозной жизни и военных будней досыта наелись. Десятки тысяч ингерманландцев в Финляндии фактически были спасены от ужасов войны и голодной смерти. Подходившие по возрасту к службе в армии могли добровольно пойти на фронт. Свыше тысячи ингерманландских финнов отправились служить в ряды финской армии.

Летнее наступление советских войск в 1944 году сокрушило финскую оборону, и 19 сентября Финляндия вышла из войны, подписав с СССР Московское перемирие. Согласно статье 10-й договора о перемирии, Финляндия обязывалась вернуть в СССР «военнопленных, а также интернированных и насильственно уведённых советских граждан». Возглавлявшаяся Ждановым Контрольная комиссия, которая прибыла в Хельсинки, чтобы следить за выполнением условий перемирия, указала, что этот пункт касается всех ингерманландцев.

Те, кому возвращение на родину не сулило ничего хорошего, бежали с семьями в Швецию, где оказалось в общей сложности до 5 тысяч финнов-ингерманландцев. Благодаря капитану Уно Хаммарстрёму, им удалось получить статус политических беженцев. Центром их расселения в начале 1950-х годов был город Бурос на юге страны. Однако шведского гражданства ингерманландцам не предоставляли до середины 1950-х годов, поэтому существовала опасность, что шведское правительство выдаст их СССР. Боязнь оказаться в руках советских «компетентных органов» заставила сотни человек бежать из Швеции дальше, в Канаду, Южную Африку, Австралию...

Зимой 1944-45 годов около 56 тысяч ингерманландских финнов решили вернуться на Родину. Официальные советские лица давали заверения, что все вернутся в родные места. Но 81 эшелон, вёзший ингерманландцев из Финляндии, прошёл мимо Ленинграда: сталинское руководство не пустило их в родные деревни. Трудно представить себе, какой ужас и отчаяние испытали возвращавшиеся, поняв, что пути домой нет. Все репатрианты были определены на спецпоселение в различные области России: в Ярославскую (5995 семей, в них 19236 человек), Калининскую (4393 семьи, в них 14169 человек), Новгородскую (3147 семей, в них 10513 человек), Великолукскую (1796 семей, в них 5577 человек), Псковскую (1973 семьи, в них 6335 человек). Многие ингерманландцы, в нарушение 36 статьи, пытались вернуться домой, но возвращавшихся ссылали обратно. Многие искали пристанища в Эстонии, но и там «неблагонадёжным финнам» не было места, их разыскивали и высылали. Удавалось закрепиться только в районе Кохтла-Ярве, где была острая нехватка рабочих на сланцевых шахтах. Наконец, 7 мая 1947 года Советом Министров СССР было принято Постановление № 5211/рс, которое официально запрещало финнам проживание в Ленинграде и Ленинградской области.²³ Исключение делалось только для ветеранов войны, награждённых орденами и медалями, и членов их семей. После массовых депортаций финнов из Ленинграда и области в 1947 году в Ингерманландии осталось чуть более 6 тысяч финнов-ингерманландцев.²⁴

В 1949 году руководство тогдашней Карело-Финской ССР выявило в республике не только нехватку рабочей силы, но и просто дефицит финнов, считавшихся «титульной национальностью» в республике. Около 20 тысяч ингерманландцев были завербованы в течение года в Карелию на тяжёлые физические работы, в основном в леспромхозы. При леспромхозах возникали посёлки, например, Чалны, Матросы, почти сплошь населённые финнами. Рассеяние по свету малочисленного народа продолжалось.

Возвращение на родину, в Ингерманландию, стало возможным только после смерти Сталина. В 1950-е — начале 60-х годов в Ленинградскую область возвра-

тилось около 20 тысяч финнов. Их перестали считать врагами народа, прописывали в родных деревнях, стали допускать в средние, позднее и в высшие учебные заведения. Но возрождением финской культуры, обучением финскому языку власти в исторической Ингерманландии заниматься не собирались. Существенно лучше дела с финским языком и культурой обстояли в Карелии. Там в университете готовили специалистов по финскому языку, его изучали в некоторых школах, выходила газета *Neuvosto-Karjala* (Советская Карелия) и журнал *Punalippi* (Красное знамя). На местном радио и телевидении выходили передачи

Юхо Суси из дер. Корканмяки прихода Венйоки на лесоповале в Карелии в 1950-е годы. Архив А. Сурво.

на финском языке. Работал финский театр. Советскому Союзу нужна была политическая витрина, которой бы завидовали «эксплуатируемые трудящиеся» Финляндии. В силу этих политических амбиций СССР, центр финского языка и культуры в России из Ингерманландии переместился в Карелию.

Здесь, в Карелии, в 1950–60-е годы сформировалась влиятельная ингерманландско-финская интеллигенция: учёные, преподаватели, литераторы, деятели искусств, журналисты. Немало ингерманландских финнов сделали карьеру в госаппарате республики. Тут же оформилась и «рабочая элита» ингерманландцев: трое из них Юхо Хуттунен, Нина Мякярйнен и Айно Корхонен стали Героями социалистического труда.²⁵ В значительной мере благодаря общественному влиянию финнов-ингерманландцев, имевшемуся в Карелии, культура этого народа пережила советскую эпоху.

Финская культура и язык во всех местах проживания в СССР поддерживалась верующими ингерманландцами. И в ссылки, и после возвращения на родину они продолжали собираться на молитвенные собрания, которые, в отсутствие священников, вели порой женщины-проповедницы. Усилиями верующих удалось добиться открытия в Петрозаводске в 1964 году первого после войны финского лютеранского прихода. В 1976 году приход открылся и в Пушкине под Ленинградом.

Специальных программ, нацеленных на реабилитацию репрессированных народов, в Советском Союзе не предпринималось. В условиях «брежневского застоя» под слова о формировании в СССР новой общности людей «советский народ» ингерманландские финны были фактически обречены на тихую ассимиляцию. В России, как и в русскоязычной Северо-Восточной Эстонии, они постепенно становились русскими, в других районах Эстонии постепенно «эстонизировались». Казалось, что этот народ обречён кануть в историческое небытие, окончательно утратив своё национальное самосознание.

НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Шанс для нового развития национального движения дала ингерманландским финнам перестройка. В Карелии безразличные к судьбе своего народа ингерманландцы группировались вокруг журнала *Punalipri* (*Красное знамя*). В основном усилиями двух сотрудников журнала — Тойво Флинка и Сантери Пакканена — в августе 1987 года вышел «ингерманландский номер» *Punalipri*, где впервые была правдиво представлена трагедия, постигшая народ в советское время; содержались размышления о его сегодняшнем дне и перспективах на будущее.²⁶

Значение этого номера журнала для пробуждения ингерманландских финнов трудно переоценить.

Через год, 15 октября 1988 года в Ленинградской области, в Тайцах собрался учредительный съезд ингерманландского общества. Собравшиеся с жаром говорили о судьбе ингерманландских финнов, обсуждали проект устава будущей организации. Было принято, по предложению пастора Арво Сурво, решение назвать её *Inkerin Liitto* (Ингерманландский Союз). 30 января 1989 года пришло сообщение, что добровольное общество ингерманландских финнов «Инкерин

Августовский «ингерманландский» номер журнала *Punalippu* за 1987 год.

Лиитто» официально зарегистрировано Исполкомом Леноблсовета на основании Постановления ВЦИК СССР «Об общественных организациях и их объединениях» 1932 года.²⁷ «Инкерин Лиитто» стал на всём Северо-Западе России первым национальным объединением, которое получило возможность действовать легально (см. цветную иллюстрацию IV). Осенью 1988 года были зарегистрированы ингерманландские общества в Эстонии. А через год, осенью 1989 года, был образован Ингерманландский Союз Финнов Карелии.

В своём уставе «Инкерин Лиитто» декларировал, что главной задачей общества является «сохранение ингерманландских финнов как этнической общности на родной земле».²⁸ Одной из первых акций «Инкерин Лиитто» было проведение в июне 1989 года летнего праздника *Юханнус (Иванов День)* в Колтушах. Традиция проведения летних организованных песенных праздников у ингерманландских финнов восходит к 1899 году, когда первый такой праздник был проведён в Пудости близ Сквориц. Везде, где проживают ингерманландцы, такие праздники стали главными днями в году. В 1988 году в Колтушской средней школе по инициативе общества началось факультативное преподавание финского языка. Через год специализированные школы, где финский язык вводился как главный иностранный, стали образовываться в Ленинграде. «Инкерин Лиитто» в своих местных отделениях в Ленинграде, Гатчине и Колтушах открывал кружки по изучению финского языка для взрослых. В Гатчине усилиями Виктора Хюрене-на удалось наладить издание газеты *Omal maal (На своей земле)*.

Следует особо подчеркнуть, что количество членов «Инкерин Лиитто» росло в первые годы стремительно, все были охвачены настоящей эйфорией национального подъёма. В 1991 году на летний праздник Юханнус в Токсове собралось свыше 8 тысяч участников!

О том, что все ингерманландские финны стремятся вернуться на родину предков, во всяком случае, в «Инкерин Лиитто» в конце 1980-х — начале 1990-х годов никто не сомневался. Письма, которые общество получало из разных концов Советского Союза, безусловно, свидетельствовали об этом. В список своих задач «Инкерин Лиитто» тогда неизменно включал необходимость создания компактных финских поселений в Ингерманландии, в которых могли бы селиться желающие вернуться на историческую родину. Но в ход событий вмешалась «большая история». Экономика СССР рушилась на глазах, и люди стремительно теряли сбережения, накопленные десятилетиями упорного труда. Их переезд в Ингерманландию за собственный счёт стал невозможен.

В апреле 1990 года довольно неожиданно для самих финнов-ингерманландцев президент Финляндии Мауно Койвисто заявил, что отныне финнов с пространства СССР можно рассматривать как репатриантов. В то время, когда СССР

вступил в фазу кризиса, Финляндия предоставила ингерманландским финнам право переезда на постоянное место жительства. Помимо благородной заботы о соплеменниках на Востоке, Финляндия имела и другие, более прагматичные, причины обратить свой взор на ингерманландских финнов. В финской экономике тогда сложился дефицит трудовых ресурсов, который можно было компенсировать за счёт ингерманландцев. Кроме того, с крушением Советского Союза, Финляндия нуждалась в новом имидже своей восточной внешней политики, репатриация финнов с территории бывшего СССР могла этому содействовать. Сразу выяснилось, что огромное количество финнов бывшего СССР желают уехать в благополучную Финляндию, а не вступать на путь борьбы за «сохранение ... этнической общности на родной земле» — путь этот казался долгим, тернистым и не вполне ясным.

С самого начала подъёма национального движения ингерманландских финнов выявились два его ведущих направления: светское, связанное с обществом «Инкерин Лиитто», и религиозное, начавшееся с воссоздания в Ингерманландии лютеранских приходов. В конце 1980-х — начале 1990-х годов один за другим регистрируются вновь старые финские лютеранские приходы в Ингерманландии. Уже в 1991 году на деньги, собранные в Финляндии и Швеции, удаётся восстановить финскую церковь в Губаницах (см. цветную иллюстрацию XXII), а в 1992 году освящается новопостроенная церковь в Колтушах (см. цветную иллюстрацию XXI). С 1 января 1992 года Евангелически-лютеранская Церковь Ингрии на территории России официально становится самостоятельной (до этого ингерманландские приходы образовывали отдельное пробство Евангелически-лютеранской Церкви Эстонии). К началу 1992 года в Ингерманландии было 7 финских лютеранских приходов. В том же году вышли первые номера журнала *Церковь Ингрии* (журнал издаётся в двух версиях, на финском и русском языках). Когда в 1996 году в высший иерархический сан епископа Церкви Ингрии был возведён ингерманландский финн Ааррэ Кугаппи, Церковь объединяла уже около сорока приходов.

ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Первая половина 1990-х годов была периодом подъёма национального движения ингерманландских финнов, которое обуславливалось, прежде всего, стремлением самих ингерманландцев к сохранению своей идентичности, их резко возросшей мотивацией остаться финнами. Отчасти эта мотивация была протестной, ответом на перенесённые во времена репрессий унижения и лишения. Поэтому

борьба за политическую реабилитацию ингерманландских финнов стала одной из главных задач национального движения.

Выяснилось, что формально репрессивные акты, включая пресловутое Постановление Совета Министров СССР № 5211/рс от 07.05.1947 г., запрещавшее финнам проживание в Ленинграде и Ленинградской области, не отменены! Конструктивно сотрудничая с ингерманландскими союзами, Миннацу удалось подготовить компромиссный проект постановления, который фактически без дискуссий 29 июня 1993 года был одобрен Верховным Советом Российской Федерации.²⁹

Постановление «О реабилитации российских финнов» содержало признание за репрессированными права на возвращение в «места традиционного проживания» (пункт 2) и обязывало местные власти содействовать в этом желающим вернуться. В пункте 6-м Постановления было предусмотрено «разработать ... комплексную программу национально-культурного возрождения российских финнов». Постановление отменяло все принятые ранее акты, ущемлявшие права финнов.

Хотя эти пункты остались лишь на бумаге, нельзя сказать, что Постановление не сыграло заметной роли. Прежде всего, оно имело огромное моральное значение: пусть поздно, но государство принесло, таким образом, свои извинения финнам. Были отменены позорные репрессивные акты, ускорилась выдача финнам удостоверений жертв политических репрессий.

Экономика страны тем временем продолжала рушиться. В самом отчаянном положении оказались престарелые. Стремясь помочь нуждающимся, приход Св. Марии в Петербурге в 1991 году открыл на собственные средства небольшой пансионат для одиноких престарелых (он просуществовал около года). А в 1992 году начался большой совместный проект по созданию в Ингерманландии сети домов по уходу за престарелыми. Участниками четырёхстороннего проекта стали Министерство соцобеспечения и здравоохранения Финляндии, Комитеты социальной защиты населения правительств Ленинградской области и Петербурга, общество «Инкерин Лиитто» и Церковь Ингрии. По условиям проекта, дома строились в районах проживания ингерманландских финнов, но должны были оказывать помощь всем нуждающимся престарелым, проживающим в зоне их обслуживания. Было построено 5 таких учреждений (в Колтушах, Губаницах, Тайцах, Мартышкине и в Петербурге). Вслед за этим дома обслуживания престарелых появились в Кикерине и Терволове.

В те же годы совместно с Сельскохозяйственным Центром Южной Карелии (Финляндия) были предприняты первые шаги по поддержке фермеров-ингерманландцев. Работой этой руководил доцент Аграрного университета Александр

Пюльзю, кроме прочего, основавший один из лучших сегодня в стране специализированный журнал «Сельскохозяйственные вести».

Во второй половине 1990-х годов эйфория национального подъёма сменилась спадом. Рыночные механизмы экономики заставляли каждого думать, прежде всего, о хлебе насущном. Предприятия по всей стране останавливались, а на тех, что работали, задерживали или вообще не выплачивали зарплату. Интерес к национальной проблематике явно ослабевал. Решение всех своих проблем многие ингерманландцы видели в переезде в Финляндию.

Выход общества из кризиса оказался быстрее, чем можно было ожидать — сказались опыт и демократические традиции «Инкерин Лиитто». Уже в 1998 году благодаря возобновившемуся сотрудничеству с Ингерманландским союзом Швеции, начался проект «Ингерманландия 1998-2000». Его средства направлялись на культурную деятельность общества, содействующую сохранению финского самосознания. Успешное завершение проекта открыло перспективу продолжения масштабного сотрудничества и с финляндским государством. Ингерманландские финны заняли достойное место в семье зарубежных финнов, заместитель председателя «Инкерин Лиитто» Владимир Кокко был в 1998 году избран вице-спикером Парламента зарубежных финнов от региона Восточная Европа.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

По переписи населения 2002 года в России сейчас проживает 34364 финнов (в том числе 314, признавших себя именно ингерманландскими финнами). В пределах исторической Ингерманландии насчитывается 11 256 финнов,³⁰ что составляет менее 0,5% населения этого региона. Не менее 8 тысяч ингерманландских финнов продолжают жить в местах депортаций, в Сибири, на российском Севере, в Казахстане и Таджикистане. При такой статистике перспектива полной ассимиляции народа уже в ближайшие десятилетия представляется вполне вероятной.

В ходе переписи населения 2002 года вопрос о родном языке не ставился, поэтому официальных данных о владении ингерманландцами в России финским языком нет. По приблизительным оценкам, лишь каждый пятый ингерманландский финн трудоспособного возраста в Петербурге и Ленинградской области способен объясниться по-фински.

Везде, где проживают ингерманландские финны, они составляют меньшинство. И для национальных объединений в этих сложных условиях важнейшей становится работа по сохранению языка и культурного наследия ингерманланд-

Численность ингерманландских финнов в мире (тыс. чел.) ³¹

	Россия (в том числе Ингерманландия)	Эстония	Финляндия	Швеция	Др. страны	Всего
1897	130,0 - (130,0)		-	-	-	130,0
1926	115,0 (115,0)	1,5	3,0	-	-	119,5
1939	132,0 (101,0)	2,0	5,0	-	-	139,0
	СССР					
1959	88,0 (23,0) 16,5		3,0	5,5	1,0	97,5
1970	80,5 (24,0) 18,5		3,0	6,0	1,0	90,5
1979	73,0 (21,0) 17,5		2,5	5,5	0,5	81,5
1989	64,0 (17,0) 16,5		2,5	5,0	0,5	72,0
2002	32,5 (11,3)	11,0	16,5	3,5	3,5	67,0

(Данные о численности ингерманландских финнов в Финляндии и Швеции оценочные, в этих странах не ведётся учёт населения по национальности)

ских финнов. В 2008-09 учебном году благодаря Обществу ингерманландских финнов «Инкерин Лиитто» финский язык преподавался на территории Ингерманландии в 12 группах (в среднем по 20 человек в каждой). Острой является в Петербурге и Ленинградской области проблема подготовки учителей финского языка. Так как проблему эту не решают местные вузы, «Инкерин Лиитто» организует курсы повышения квалификации учителей. В Санкт-Петербурге и в Карелии в некоторых школах финский язык можно изучать как иностранный. Конституционное право ингерманландских финнов на обучение на родном языке в России остаётся не реализованным.

При «Инкерин Лиитто» много лет проводится большая постоянная работа по сохранению и развитию культуры ингерманландских финнов. Особая забота — хор ингерманландских финнов *Пиетарин куоро* и фольклорный ансамбль *Корпи*, которыми руководит Ольга Конькова.

Силами «Инкерин Лиитто» в 2006 году в Петербурге создан мобильный музей «Коренные народы Ингерманландии», который экспонируется в знаменитой «Кунсткамере». Работает группа реконструкции народного костюма. Созданы кружки лоскутного шитья, ткачества, плетения кружев. Регулярно собирается клуб любителей финского языка и поэтическая группа. Объединение молодых национальных фотографов *Ууси каартти* (*Uusi Kaarti — Новая Гвардия*) организует выставки. Ведётся большая работа по изучению и сохранению народных традиций ингерманландских финнов, по исследованию истории ингерманландских деревень и их жителей. Ижорско-финский исследовательский центр (*Inkerin nimikeskus*) и многие активисты проводят краеведческую работу на всей территории Ингерманландии. Во многих деревнях организованы «национальные школы» — учебные программы по культуре и истории народов Ингерманландии.

Народный ингерманландский хор *Пиетарин куоро*. 2005 год.

Важное место в культурной работе принадлежит совместному проведению праздников. На *Калеваланпяйвя* (День Калевалы — 28 февраля) проводятся концерты и детские конкурсы, посвящённые финской культуре. В течение года «Инкерин Лиитто» организует народные праздники, такие как *Ласкиайнен* (финская Масленица) — с катанием с гор и песнями у праздничного костра.

Создаются и новые праздники — *Инкеринпяйвя* (День Инкери — 5 октября), где соревнования по национальному финскому виду спорта «киданию сапога» перемежаются народными играми, танцами и песнями. На *Йоулу* (Рождество) и *Пяасияйнен* (Пасха) организуются мастерские, в которых всех желающих обучают, как проводить праздник по-фински, как самостоятельно украсить к нему дом (см. цветную иллюстрацию XX). Во многих деревнях, где ещё живут финны, устраиваются местные деревенские праздники и дни ингерманландской культуры. Но главное финское культурное событие года — *Юханнус* (Иванов день). Этот праздник проходит в ближайшую субботу перед Ивановым днём (24 июня) при большом стечении народа в разных приходах Ингерманландии. Юханнус со-

Ласкиайнен — финская Масленица под Токсово.
Фотография А. Кузнецова. 2007 год.

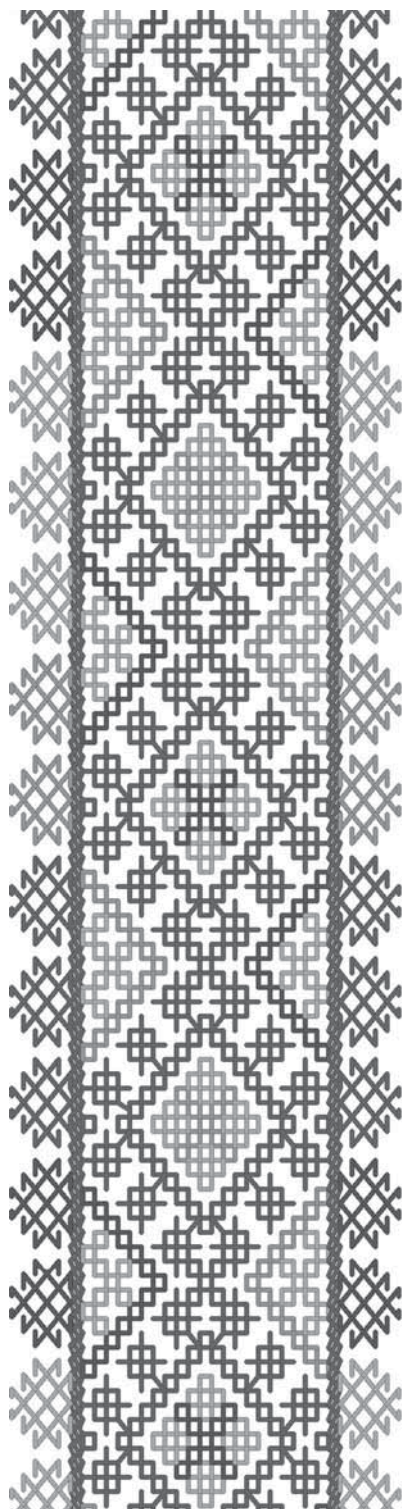
бирает под открытым небом сотни зрителей и десятки талантливых исполнителей и творческих коллективов — церковные хоры Скворицкого, Гатчинского и Колтушского приходов, народный ингерманландский хор *Пиетарин куоро* и фольклорную группу *Корпи*, ансамбли *Сойкка* и *Суола я пиппури* из Петербурга, *Пиени полку* из Соснового Бора, ингерманландские коллективы из Карелии, Эстонии, Твери (см. цветную иллюстрацию XIX).

В Петербурге с 2000 года при «Инкерин Лиитто» действует Центр трудоустройства. Накоплен опыт позитивного сотрудничества с местными органами социальной защиты населения и службами занятости. До конца 2007 года «Инкерин Лиитто» много лет плодотворно сотрудничал с Министерством труда Финляндии. Союз оказывает большую юридическую помощь ингерманландским финнам в делах по реабилитации. «Инкерин Лиитто» занимается детской (организуются, например, языковые лагеря в Финляндии) и спортивной работой (проводятся соревнования по метанию сапога и «финским» городкам).

Ассимиляция — один из факторов, который может привести к полному исчезновению ингерманландских финнов в России. Другой фактор — отъезд финнов-ингерманландцев в Финляндию. С 1990 года финны, проживающие на прострaнстве бывшего СССР, получили право на репатриацию в Финляндию. Этим правом воспользовались уже около 10 тысяч граждан России. Для «Инкерин Лиитто», ставящего своей главной целью сохранение ингерманландских финнов как народа на родной земле — это вызов. Общество рассматривает отъезд в Финляндию как личный выбор каждого, не поощряя его и не препятствуя ему. В очереди на репатриацию из России в Финляндию в начале 2007 года стояло 6,8 тысяч человек. Экономический подъём в России последних лет многих склонял к мысли, что покидать Россию не имеет смысла. По данным Министерства труда Финляндии, почти каждый второй очередник на репатриацию, приглашённый на собеседование по этому поводу в петербургское Генконсульство Финляндии, на него не является, фактически отказываясь от переезда в Финляндию.

Как ингерманландские финны могут ответить на «вызовы времени»? Можно компенсировать уменьшение числа финнов «качеством» национальной работы. Можно доказывать своей деятельностью, что у финнов-ингерманландцев, которые могут играть уникальную роль в налаживании контактов между Россией и Финляндией во всех сферах деятельности, есть хорошие жизненные перспективы в России.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Национальный характер ингерманландских финнов, как и любого другого народа, формировался под воздействием условий жизни в конкретных природных и социально-политических условиях и изменялся, испытывая влияние культур соседних народов. Важно отметить, что национальный характер не является чем-то раз и навсегда данным, он меняется вместе с изменениями внешних обстоятельств жизни конкретного народа.

Из Финляндии предки ингерманландских финнов принесли присущие финнам особое упорство *sisy* (*sisu*), трудолюбие, бережливость. В суровых природно-климатических условиях северной страны без этих качеств на гранитах и болотах урожая не вырастишь, и скудных припасов не сохранишь. Важной частью ментальности финнов-ингерманландцев было их религиозное лютеранское мировоззрение, которое удачно подкрепляло эти упомянутые природные качества. Согласно лютеранскому вероучению, только трудящийся достоин вознаграждения, а богатство не рассматривается как грех, напротив, богатейший потому и богатеет, что ему «даёт Бог».

Из всего этого происходит особое отношение ингерманландских финнов к труду, отмечавшееся всеми исследователями и русскими, жившими с

финнами по соседству. Всё в финских хозяйствах делалось основательно, к труду относились честно и работали все. Особенно тщательно относились женщины к дойке коров, поэтому молоко от финок-молочниц высоко ценилось за чистоту и жирность. В пасторатах преподавали прогрессивные методы земледелия и животноводства, рассказывали, как можно рационально хранить и перерабатывать сельхозпродукцию. Финским крестьянам была доступна популярная литература по сельскому хозяйству. Строго осуждалось лютеранством пьянство, поэтому и алкоголя финны употребляли меньше других. Результат — зажиточность многих финских крестьянских хозяйств под Петербургом, которая стала весьма распространённым явлением после отмены крепостного права.

Однако уже в XVIII веке национальный характер ингерманландских финнов приобрел новые черты, отличные от тех, что были у их предков, выходцев из Финляндии. И связано это с тем, что крестьяне-финны попали в крепостную зависимость или стали дворовыми, т.е. приписанными непосредственно к императорскому двору. Изменился вид сельских поселений: хутора, почти повсеместно, сменили деревни, люди стали жить близко друг от друга, а налоги платить всей деревней. Так постепенно характерный для финнов индивидуализм стал угасать, а коллективизм, как черта национального характера, крепнуть. Годы советской власти коллективизм этот в финнах-ингерманландцах только укрепили, теперь эта черта, пожалуй, наиболее ярко отличает финна из Ингерманландии от финляндского финна.

Советские годы ознаменовали коренную ломку всех устоев крестьянской жизни во всей стране. Конечно, сказались они и на мировоззрении и ментальности финнов-ингерманландцев. Несмотря на горячую приверженность финских крестьян лютеранству, десятилетия государственного атеизма многих оторвали от церкви, от религии предков.

Но ещё большее потрясение было связано с цепью репрессий «сталинского периода», которые проводились государственным аппаратом по национальному признаку. Тотально репрессированный и депортированный с родины народ был настолько запуган, что люди стали бояться выражать свою национальную принадлежность. Детей многие умышленно не выращивали финнами, т.к. финнов репрессируют. В людях возникло чувство, которое можно определить как «синдром репрессированного народа». Этот «синдром» передаётся из поколения в поколение. Отвечая на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя репрессированным или дискриминированным?» люди, родившиеся после смерти Сталина и лично репрессий не испытывавшие, говорят: «Да». Некоторые исследователи отмечают даже, что это — ставшее частью менталитета горькое чувство — является сегодня, когда ингерманландские финны живут рассеянно в разных странах, одним из факторов, поддерживающих его единство!

Ингерманландки на празднике *Инкеринпяйвя* в Токсово.
Фотография О. Коньковой. 2008 год.

Жизнь в рассеянии означала для многих финнов-ингерманландцев постепенную ассимиляцию в культуре большинства. Отсутствие связей с родиной предков, постепенная утрата языка влекли за собой и угасание наиболее ярких отличительных черт национального характера. Перспективы сохранения национальной самобытности этого народа сегодня во многом определяются эффективностью культурной работы ингерманландских союзов и иных общественных объединений ингерманландских финнов.

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Важным представляется вопрос, как, каким образом ингерманландские финны в наши дни осознают себя как самостоятельный народ, что, по мне-

нию самих людей, стоит за словами «ингерманландские финны» (см. цветные иллюстрации V–VIII). Заметим, что ингерманландские финны как на территории собственно Ингерманландии, так и в других областях России, даже в ответ на официальные вопросы переписи, связанные с национальностью, определяли себя, прежде всего, «финнами» или «русскими», и, только в редких случаях, «ингерманландскими финнами» или «ингерманландцами». Так, при неофициальной численности финнов в России в 90 000 человек, при переписи лишь 34 364 человека признали себя «финнами» (это составляет 38,2% от общего числа «реальных» финнов), а из последнего числа только 314 человек заявили в переписной анкете, что они — «финны-ингерманландцы», «ингерманландцы», «инкерилляйны» (это составляет 0,9% от общего числа финнов в России).³²

Этносоциологическое исследование, проведенное в 2007 году в Петербурге и Ленинградской области, показало, что современное этническое самоопределение ингерманландских финнов строится на основе нижеследующих признаков.³³

Язык. Этническая идентичность современных ингерманландских финнов связана не столько с реальным использованием финского языка, сколько с его символической ролью в процессах формирования чувства родственности. Так, 100% опрошенных считают финский язык главным признаком ингерманландских финнов. При этом в своих семьях 100% подростков и 93,8% взрослых используют русский язык. Следует отметить ещё один важный аспект придания значимости финскому языку: реальным языком ингерманландских финнов являются ингерманландские диалекты, довольно сильно разнящиеся с современным финским литературным языком, но при этом 100% подростков признают в качестве основного языка ингерманландских финнов именно финский литературный язык, у взрослых с этим мнением согласны 81,3%. Приведём характерные примеры: «Родной язык нашего народа — финский, такой же, как в Финляндии... Ингерманландские диалекты — это неправильная испорченная в деревнях финская речь... Необразованные деревенские ингерманландцы исковеркали её»; «Ингерманландцы говорят на собственных диалектах, но все считают, что основной язык ингерманландских финнов — финский, хотя учат его заново».

Миф о происхождении. Исследование выявило, что практически все опрошенные (87,5% подростков и 81,3% взрослых) придерживаются двух мифологем в вопросах происхождения ингерманландских финнов. Первой мифологеме следуют 68,8% подростков и 62,5% взрослых. Согласно ей, все ингерманландские финны суть прежние обитатели Финляндии, истинные финны, которых в XVII веке шведы насильно переселили в Ингерманландию. Эта мифологема служит прочным основанием для финской самоидентификации большинства

и формально мотивирует необходимость их переезда «на родину», в Финляндию: «Нас насильно шведы переселили... Мы такие же финны, только угнанные»; «Мы настоящие финны и просто возвращаемся на родину, а ингерманландцами нас просто так называют, потому что не знают истории».

Вторая мифологема менее популярна, её придерживаются 18,8% подростков и 18,8% взрослых. Они полагают, что ингерманландские финны — древнейшее население Ингерманландии, они живут там издавна, и все земли северо-запада России по происхождению — финские: «Мы — самый древний народ... Финны жили в Ингерманландии издавна... Славяне пришли значительно позже»; «Финны зародились на нашей земле... До Петра I там жили только финны».

Историческая память. По мнению 56,3% опрошенных подростков и 100% взрослых, именно историческая судьба является одним из главных признаков единства ингерманландских финнов. При этом важно отметить, что молодое поколение гораздо хуже своих родителей информировано об истории ингерманландских финнов: на вопрос о знании основных событий истории народа, лишь 35,3 % подростков ответили, что знают их, но при этом смогли назвать лишь общероссийские события (революция, гражданская война, репрессии, Великая Отечественная война). Положительно на подобный вопрос ответили 87,5% опрошенных взрослых, но на вопрос о конкретизации событий ответом служили те же общероссийские события, к которым были добавлены «расстрелы», «высылки», «запреты на проживание на родине». Симптоматично, что в оценке основных событий ингерманландской истории чаще всего упоминаются «репрессии» (100%), «высылки» (88,9%), «запреты на проживание на родине» (66,6%). Таким образом, представление об общей истории как одном из этнодифференцирующих признаков имеет у ингерманландских финнов явную «негативно-страдательную» окраску. В целом история ингерманландских финнов оценивается как «тяжёлая» (90,6% опрошенных), «история страданий» (18,8%), «несчастливая» (6,2%). При этом 88,9% всех опрошенных отметили, что лично их репрессии не коснулись.

«Национальный характер». Учитывая, что, по мнению большинства современных этнопсихологов, «национальный характер» — трудно уловимый и трудно определяемый признак этничности, мы приведем здесь лишь некоторые результаты исследования. В целом, 43,8% подростков и 68,8% взрослых признали «национальный характер» в качестве важного признака «ингерманландства». Приоритет был отдан ниже перечисленным качествам «настоящего ингерманландца»: трудолюбие — 87,5%, хозяйственность — 62,5%, сдержанность — 59,4%, честность — 43,8%, ответственность — 37,5%, религиозность — 28,1%, скрытность — 18,8%, упорство — 15,6%, простодушие — 12,5%, тугодумие — 12,5%.

Религия. В вопросах определения важности этого признака исследования

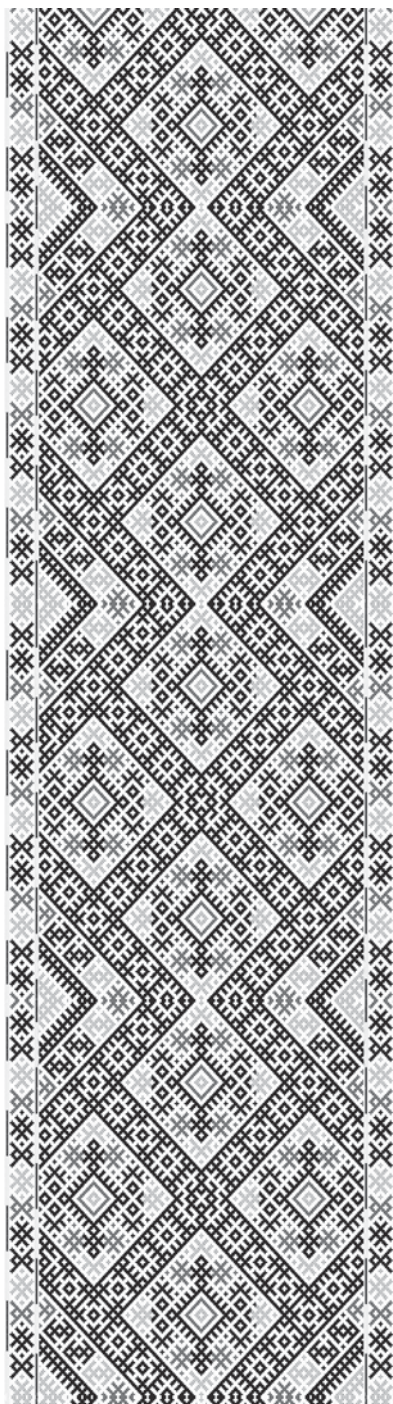
выявили значительную разницу в двух возрастных группах. Так, лишь 18,8% из группы опрошенных подростков признали, что лютеранство является важной чертой ингерманландской идентичности. В то же время, 56,3% из группы взрослых признали этот признак существенным: «Важно, что мы являемся лютеранами, это всегда отделяло нас от русских и других народов». Подобная разница в оценке религиозного признака вполне объяснима: для представителей старшего поколения именно лютеранство долгое время (весь советский период) было одним из главных консолидирующих факторов: «В советское время вера всех нас объединяла... Я финский язык учила по Библии... Финны в нашей деревне тайком собирались и слушали службы по финскому радио».

Культура. Довольно большое число респондентов отметили культуру как важный признак ингерманландской идентичности (62,5% подростков и 59,8% взрослых). Но нам представляется, что это заявление носит стереотипно-декларативный характер, так как на вопрос «каковы особенности культуры ингерманландских финнов?» практически не было получено ясных ответов: так, только 12,5% подростков и 25% опрошенных взрослых отметили финские праздники, 6,3% подростков и 18,8% взрослых — финские песни, 12,5% взрослых — финский костюм.

Ингерманландские парни за работой. Фотография О. Коньковой. 2008 год.

САМОНАЗВАНИЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

САМОНАЗВАНИЯ

Сами ингерманландские финны чаще всего называют себя *суомалайсет* (*suomalaiset* — *финны*). Впервые это самоназвание в варианте «свома лаинны» отметил ещё в 1790 году знаменитый исследователь народов Санкт-Петербургской губернии Фёдор Туманский.³⁴

Реже звучит самоназвание *инкерин суомалайсет* (*inkerin suomalaiset* — *ингерманландские финны*), известное лишь с конца XIX века. Его возникновение, вероятно, связано с наблюдавшимся в то время подъёмом национального самосознания финнов в Ингерманландии (см. очерк «История»). Этот этноним неохотно используют в приходах на Карельском перешейке от Мииккулайнен до Лахти, признавая, что так их называют ошибочно, потому что, по их мнению, *Инкери* (*Inkeri*) — это местность к югу от Невы, а их район расселения называется *Карьяла* (*Karjala*), т.е. Карельский перешеек.³⁵ Совсем редко используется этноним *инкериляйсет* (*inkeri-läiset* — *ингерманландцы*). Его знают по всей Ингерманландии, но так называют себя местные финны лишь в приходах Спанккова и Тюрё. Показателем редкости употребления двух последних самоназваний служат и материалы последней переписи 2002 года: из 34 364 человек, назвавших себя «финнами» только 314 человек признали себя «финнами-ингерманландцами» и «ингерманландцами».

Совсем в редких случаях ингерманландские финны, подчёркивая свою принадлежность к лютеранской церкви, использовали название *лутэрилайсет* (*luterilaiset* — лютеране).

Свой язык ингерманландские финны повсеместно называют *суомэн киэли* (*suomen kieli* — финский язык), гораздо реже — *инкерин киэли* (*inkerin kieli* — ингерманландский язык) или *инкерин муррэ* (*inkerin murte* — ингерманландский диалект).

Соседнее русское население в XVIII — XIX веках называло местных финнов *маймистами* (от финского слова *maatmies* — крестьянин), *толопанцами* (?) или даже *латышами* (имея ввиду приверженность финнов к «латинской» вере). Но чаще всего их называли *чухонцами*, не вкладывая в это именование никакого обидного смысла. Лишь в XX веке у этого названия, наряду с прозвищем *чухны*, появилось определённое уничижительное значение. Для просвещённой публики финнов Петербургской губернии открыл в 1833 году академик Российской Академии наук финн А.Ю.Шёгрэн, который впервые выделил среди них две этнографические группы: финнов-*савакот* (*savakot*, в единственном числе — *savakko*) и финнов-*эурямёйсет* (*äyrämöiset*, в единственном числе — *äyrämöinen*).³⁶ В русском варианте надолго закрепились названия *саваки* и *эвремейсы*.

На своём диалекте финны-эурямёйсет называли себя *экрямёйсет* (*äkrämöiset*) или *эгрямёйсет* (*ägrämöiset*). К началу XX века этот этноним в Северной Ингерманландии уже почти не употребляли.³⁷ Но ещё 20 лет назад это самоназвание помнили пожилые люди в некоторых приходах Центральной и Западной Ингерманландии, но относили это слово «к старине», признавая, что отличались эурямёйсет лишь своеобразной одеждой. Любопытно, что во многих местах финны-эурямёйсет (по происхождению) называли себя савакот: «Моя мама была эурямёйнен, а я савакко», «старики были все эурямёйсет, а молодежь — савакот», «у нас эурямёйсет нет, отцы были эурямёйсет». С уходом традиционной одежды финнов-эурямёйсет у местного населения создавалось впечатление, что «эурямёйсет все вымерли».³⁸

В настоящее время самоназвание *савакот* сохранилось лучше, но, прежде всего, его помнят в приходах Кельтто и Венёки.

Но чаще ингерманландские финны использовали самоназвания, образованные от имени того прихода, где они проживали. Так, жители прихода Лемпаала называли себя *лемпаалойст* (*lempaaloist*), Кельтто — *кельттолайст* (*kelttolaist*), Раяпювя — *раяпювёйст* (*riäpyvöist*), Тюрё — *тюррёйст* (*tyrröist*) и т.д.

Следует рассказать ещё об одной группе названий ингерманландских финнов — шуточных названиях жителей целых приходов и отдельных деревень. Так, для жи-

телей прихода Туутари использовали прозвище *варильщики кошек* (*kissan-keittäjii*), Ярвисаари — *свинодралы* (*sian-kettäii*), Венйоки — *крутильщики бычьих хвостов* (*härän-hännän-kiertäjii*), Хиетамяки — *застпелившие пирог* (*piirakan-ampijii*), Тюрё — *продавшие покойников* (*ruumiin-puottajii*), Лииссиля — *утопившие петуха* (*kukon-upottajii*), Сойккола — *душители рыб* (*kalan-kuristajii*), Скуоритса — *пожиратели картофеля* (*lohkovatsoi*), Спанккова — *пожиратели простокваши* (*jatak-kovatsoi*), Марккова — *каша в шанках* (*huttu-hattuloi*). В наши дни с этими названиями местные финны порой связывают различные занимательные истории и случаи, но, вероятно, эти прозвища имеют древнее происхождение. Некоторые из них, имеющие аналогии в отдалённых местах Карельского перешейка, могут указывать на старинные пути миграций ингерманландских финнов.³⁹

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Ингерманландские финны до начала XX века сохраняли подразделение на две этнографические группы: эурямёйсет (*äyrämöiset*, *ägrämöiset*) и савакот (*savakot*). Финны-эурямёйсет по происхождению — карелы и являются выходцами из старинного финского прихода Эуряпяя (*Äyräpää*), который находился в западной части Карельского перешейка (современный Выборгский район Ленинградской области). Вторая группа, финны-савакот, получила своё название от восточно-финской земли Саво. Но изучение потоков миграций XVII века ясно показало, что, переселение шло в основном с севера Карельского перешейка и из восточных районов Финляндии, но переселялись также жители из окрестностей реки Кюми, относящейся к Уусимаа, и из более отдалённых мест.⁴⁰ Таким образом, савакот — это понятие собирательное, которым называли всех переселенцев, перебравшихся в Ингерманландию из более отдалённых частей страны, чем приход Эуряпяя.⁴¹

Знаменитый географ и исследователь расселения народов России академик Петр Кёппен в своём «Пояснительном тексте» к «Этнографической карте Санкт-Петербургской губернии» чётко разделял местных финнов на две группы. По его данным середины XIX века, к эурямёйсет принадлежало почти всё финское население приходов Северной Ингерманландии (приходы Лемпаала, Вуоле, Мииккулайнен, Токсова и Хаапакангас) и два прихода Центральной Ингерманландии (Тюрё и Лииссиля). Также финны-эурямёйсет составляли половину населения в приходах Туутари и Хиетамяки. Их можно было встретить в приходах Сойккола, Каприо, Серепетта, Ропсу, Скуоритса, Колппана, Коприна, Инкере, Венйоки и Валкеасаари.⁴²

Финны-савакот населяли в основном центральные и восточные районы Ингерманландии — приходы Кельтто, Валкеасаари, Лахти, Ряпяювя, Венйоки, Марккова, Ярвисаари, Купанитса, Молосковитса, Каттила, Новасолкка. В приходах Скуоритса, Коприна, Серепетта, Ропсу, Колппана и Инкере савакот проживали совместно с эурямёйсет, но при этом составляли большинство. Как уже было отмечено, в приходах Туутари и Хиетамяки эурямёйсет и савакот было почти поровну. Незначительное число савакот проживало также в приходах Лемпаала, Хаапакангас, Тюрё и Каприо (см. цветную иллюстрацию III).⁴³

Различия между этими двумя этнографическими группами до начала XX века были велики. Наиболее ярко они проявлялись в традиционной культуре и «национальном» характере». Несмотря на отсутствие достаточных исследований, следует отметить, что с антропологической точки зрения финны-эурямёйсет выглядели по сравнению с финнами-савакот более единой группой, с характерными более «резкими» и крупными чертами лица. Не случайно в деревнях говорили, что лица эурямёйсет «вырублены топорами». Савакот же с этой точки зрения представляли собой смешанную группу.

Эурямёйсет, как переселенцы из ближайших к Ингерманландии местностей, считали себя коренными местными жителями, а савакот — пришлыми. Эурямёйсет признавали себя хранителями старых традиций, говоря, что «унаследованное от отцов свято: простые обычаи, язык, одежда».⁴⁴ Именно поэтому у них дольше сохранялась старинная одежда, архаичный «калевальский» фольклор, игра на традиционном музыкальном инструменте *кантеле*, обычаи, гадания. В некоторых районах проживания эурямёйсет особенно долго бытовали старинные избы, топившиеся по-чёрному. Вплоть до начала XX века финны-эурямёйсет придерживались старинных свадебных обрядов, более того, они даже воздерживались от браков с савакот. Молодые мужчины-эурямёйсет, проживающие в версте от деревень савакот, отправлялись свататься в эурямёйские деревни за десятки вёрст.⁴⁵

По записям исследователей Ингерманландии конца XIX века, когда девушка-эурямёйнен все же выходила замуж за мужчину-савакко, она учила своих детей, что они должны искать себе в будущем пару среди эурямёйсет.⁴⁶ Савакот, по их мнению, были слишком склонны к восприятию новшеств и, что особенно осуждалось, нестойки в вопросах веры. Порой говорили, что савакот, «как молодая поросль, которую качают все ветра».⁴⁷

Финны-савакот, в свою очередь, считали себя более образованными, более активными, они легче шли на контакты, быстрее усваивали современную культуру и были активны в торговле. При этом они признавали финнов-эурямёйсет замкнутыми, скрытными и упрямыми. В смешанных эурямёйско-савакских

приходах во время службы в церкви эурямейсет и савакот садились по разные стороны от центрального прохода.

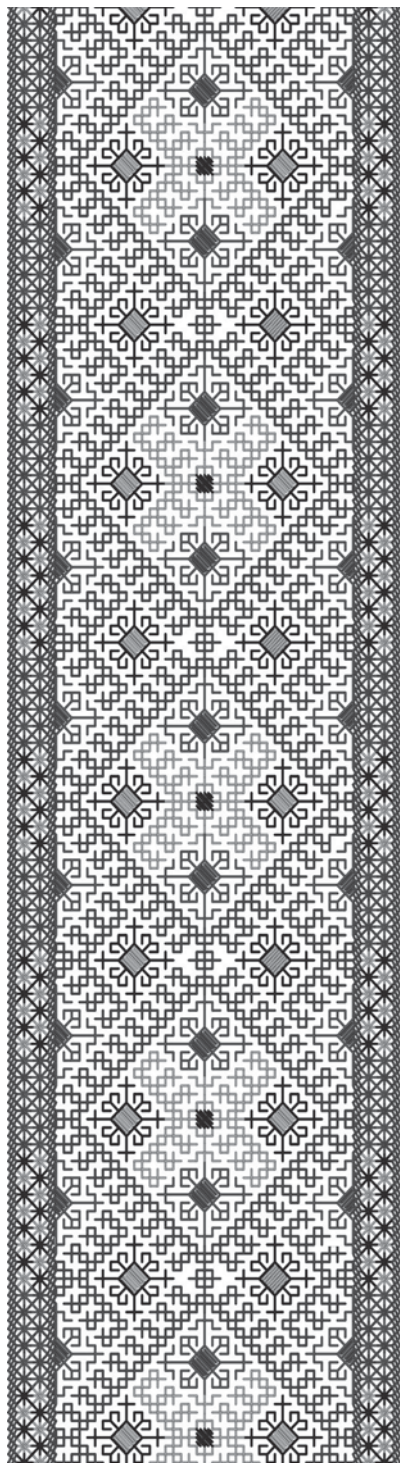
Особенно долго различия между эурямейсет и савакот сохранялись в народной одежде (см. главу «Одежда»), диалектах (см. главу «Язык»). Отличия были даже в традиционной еде, например, пироги отличались формой, толщиной и даже способом зашпывания краев!⁴⁸ Однако к настоящему времени эти отличия исчезли практически полностью, и разделение на этнографические группы отсутствует.

Особо выделяется самая западная группа финнов, живущих на Кургальском полуострове и южнее, между реками Лугой и Россоной в приходе Косемкина. Согласно документам, в XVII веке сюда шло переселение с северного берега Финского залива — с территории Финляндии из окрестностей нижнего течения реки Кюми, хотя есть сведения и о более западных районах эмиграции. По местным преданиям, основу местного финского населения составляют «разбойники», бежавшие из Финляндии в XVII веке, и именно поэтому нижнелужские финны считают себя смелыми, сильными, независимыми и по любому вопросу почти всегда имеют «собственное мнение». По своим особенностям диалект местных финнов близок диалектам районов, расположенных на северном берегу Финского залива (прежде всего, к диалекту финляндского прихода Виролахти), и имеет черты, сближающие его с местными ижорскими и водскими говорами. Ранее это население причислялось к финнам-савакот.

Финки-эурямейсет и савакот на свадьбе в дер. Малккила (часть дер. Ала-Пурскова) прихода Скуоритса. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

ХОЗЯЙСТВО И ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Основным занятием ингерманландских финнов издавна было земледелие, причём отмечалось, что «чем больше финнов в данной местности, тем больше и пашни».⁴⁹ Почвы в Петербургской губернии в целом невысокого качества, их приходилось постоянно удобрять: в некоторых деревнях крестьяне привозили на свои пашни навоз даже из Кронштадта и петербургских конных казарм.⁵⁰ Но всё равно урожай обычно был втрое и очень редко вчетверо против посеянного. Кроме того, местное крестьянство страдало от малоземелья: в ближайших окрестностях Петербурга душевые наделы составляли около 4 десятин, на Карельском перешейке они были примерно в два раза больше, но в некоторых местностях и совсем ничтожны — 2,5 десятины.⁵¹ В Ингерманландии долго сохранялся двухпольный севооборот, и ещё в 1840-е годы во многих местах под пашню выжигали лесные участки.⁵²

В XVIII веке ингерманландские финны выращивали рожь, ячмень, овёс, гречиху и горох, лён и коноплю. При этом финны довольно быстро реагировали на потребности столицы. Так, к концу XIX века во многих финских хозяйствах (особенно в Ораниенбаумском и Петербургском уездах) стали расширять посевы овса, ведь он требовал меньше затрат на труд, а урожай давал большой. И в то время каждый знал, что «в столичном городе овес копорский предпочтен всем и платится дороже».⁵³

Для «собственного потребления» финны выращивали капусту, брюкву, лук, на лесных пожогах сеяли репу. На песчаных почвах некоторых северо-восточных районов, а также в округе Волосова хорошо родился картофель, и к середине XIX века он стал истинно «финским» овощем. Картофель шел не только в пищу, но и на корм скоту. В некоторых районах к северу от Невы (в приходах Кельтто, Токсова и др.) его выращивали и для продажи на рынке, а также поставляли на местные винокуренные заводы для изготовления спирта, картофельной муки и патоки — и это делало местных финнов одними из самых зажиточных в Ингерманландии.⁵⁴ Также финны выращивали на продажу смородину, малину, крыжовник, клубнику, реже вишню и яблоки.

Чрезвычайно важным стал для ингерманландских финнов молочный промысел. Потребности Петербурга быстро росли, и всё больше финских крестьянских хозяйств производили и продавали молочные товары на столичных рынках. Но ещё в середине XIX века молоко приходилось возить в город на телегах, и трудно было уберечь его от скисания, если хозяйство находилось далеко от города (хотя крестья-

Сев. Сохви Мустонен из Спанккова (Шпанькова).
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

Финны после дневной дойки коров. Окрестности Петербурга.
Фотография В.А. Каррика. 1885 год.

яне обкладывали бидоны льдом и мхом). Поэтому лишь финны из пригородных деревень возили в столицу цельное молоко, а те, кто жил далее 50 верст от Петербурга, доставляли сливки, сметану и творог. Были и другие трудности: например, в северных ингерманландских деревнях хозяева держали по 2-3 коровы, но вывезти молоко было крайне трудно, так как Финляндская железная дорога (С.-Петербург — Гельсингфорс) проходила по берегу Финского залива далеко от их хозяйств. С появлением новых железных дорог многое изменилось: к северу от Невы молоко стали перевозить по Ириновской железной дороге. Балтийская железная дорога связала со столицей Царскосельский и Ямбургский уезды, и местные финны каждый день грузили на «молочный» поезд, выходивший рано утром из Ревеля, свои бидоны с молоком и сливками.⁵⁵ Часто финны сдавали молоко в специальные молочные магазины и торговцам молоком на Охте и на Сенной, и в так называемые «молочные фермы», где собственных коров не было. И вплоть до конца 1930-х годов по-прежнему из ближайших окрестностей города шли пешком финские молочницы — «охтенки» — неся на коромысле несколько бидонов молока и разнося его по домам.

«Охтенка» — финка, продающая молоко в Петербурге.
Фотография В.А. Каррика. 1885 год.

Такое развитие молочного животноводства вызвало у ингерманландских финнов необходимость изменений в хозяйстве. Резко увеличилось травосеяние: например, в Царскосельском уезде к началу XX века доля хозяйств, занимающихся травосеянием, увеличилась в 3 раза. Многие стали применять новые для своего времени приёмы: так, например, в Северной Ингерманландии в деревне Никулясы крестьянин И. Ряккеля завез 7 тысяч возов торфа на свой участок в 1 десятину и уже через год снял 1 тысячу пудов кормовых трав.⁵⁶ Для улучшения работы хозяйств и внедрения новой техники крестьяне начали создавать крестьянские товарищества, сельскохозяйственные общества, хозяйственные снабженческие и сбытовые кооперативы. Первое общество земледельцев появилось в 1896 году в Лемболове (*Lempaala*), а в 1912 году их было уже 12.⁵⁷ Эти объединения покупали совместно сельскохозяйственные машины, проводили консультационную работу, организовывали выставки и учебные курсы.

Большую часть выращенного ингерманландские финны продавали на рынках — именно они во многом «кормили» Петербург. Для этого действовала хорошо развитая сеть перекупщиков, которые подвозили продукцию из западных частей губернии и ближайших районов Финляндии. Известно, в частности, что финляндские крестьяне привозили свои товары в Гарболово, Куйвози, Осельки, Токсово, а там сдавали их местным финнам, знавшим русский язык, а те уже направлялись на столичные рынки.⁵⁸

Финны Кургальского и Сойкинского полуостровов и северного берега Финского залива ловили морскую рыбу для продажи в городе, причём зимой везли её замороженной, а с весны до осени — живой, в бочках. Самый значительный лов шёл зимой подлёдными неводами. В реке Луге отлавливали миногу — её очень охотно покупали и в Нарве, и в Петербурге. На реках и озерах рыбу ловили, в основном, для себя.

Многие ингерманландские финны занимались извозом, уезжая порой на долгое время в Петербург работать городскими извозчиками, а также и на вывозе снега. Большинство же работали лишь зимой, особенно на масленичной неделе, когда главным развлечением петербуржцев было катание на санях. Оно носило имя «катание на вейках», и происходило это название от финского слова *вейкко* (*братец*) — так обращались к финским извозчикам, которые могли прокатить любого горожанина через всю столицу, а, порой, и в Царское Село и Петергоф. «Вейку» сразу узнавали и по его красному поясу, трижды опоясывавшему кафтан, и по нарядному убранству его лошади, и по призывному специально выученному крику по-русски: «Вейка, вейка, вокруг фонаря копейка!». И в масленичную неделю обычные извозчики работу себе не находили. Езда начиналась

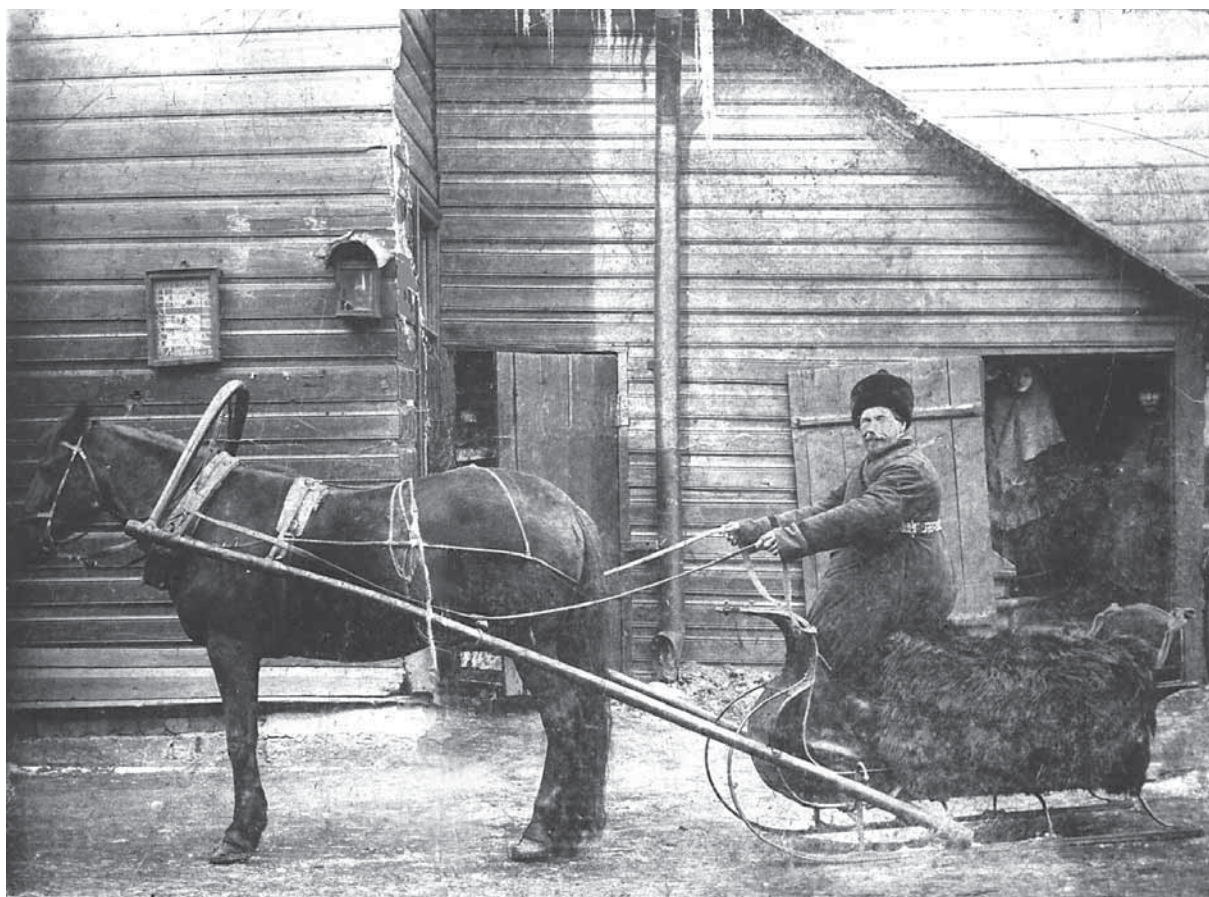
Финны на рынке в Петербурге. Фотография В.А. Каррика. 1885 год.

Проверка сетей в дер. Випия (Выбье) прихода Косемкина на Кургальском полуострове.
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

в воскресенье в 12 часов, одновременно с выстрелом пушки на Петропавловке. Лучшими седоками были военные и состоятельные люди, ведь обычно езда стоила до 2-3 рублей в час.⁵⁹ Именно для таких катаний некоторые финны даже держали в городе собственные дворы и 2-3 лошади.⁶⁰

Многие ингерманландские финны привозили на рынки Петербурга лесные ягоды. Так, в 1882 году в Матокской волости были собраны подробные сведения по сбору ягод: в 12 селениях этой волости промыслом занималась 191 семья, и даже в тот год (неурожайный на ягоды) было собрано 1485 четвериков (1 четверик = 26,239 литра) лесных ягод на сумму 2970 рублей. Сбор грибов давал значительно меньший заработок, чем сбор ягод, но иногда можно было заработать хорошие деньги и этим промыслом. Так, например, в приходе Вуоле один двор сбывал на столичных рынках до 5 возов грибов. Когда урожай грибов был так

Извозчик из дер. Финские Голубовицы прихода Купанитса.
1935 год. Личный архив Л.А. Осиповой-Мельде.

Финны на заготовке дров. Фотография В.А. Каррика. 1885 год.

велик, сбор грибов оказывался выгоднее хлебопашества. Иллюстрацией «финского» характера грибной продажи в Петербурге служат и известные строки из стихотворения Некрасова «О погоде»: «Тут бедняк итальянец с фигурами, тут чухна, продающий грибы». Везли финны на рынок также дрова и тёс, оглобли и веники, сено и солому, мочало и осиновую кору. На рынках можно было увидеть финские деревенские молочные продукты, мясо, особенно телятину и свинину, осенью — домашнюю птицу. Чтобы не тратить денег на доставку, хозяйственные финны гусей перегоняли в город «своим ходом», предварительно покрыв им лапки дёгтем и песком, чтобы птицы не стёрли в пути перепонки.⁶¹

Дровяная биржа у Тучкова моста в Ленинграде. Фотография А.А. Беликова.
1929 год. Архив Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Были развиты и лесные промыслы: повсеместно заготавливали дрова, и у Тучкова моста в Петербурге располагалась знаменитая дровяная биржа, где целыми днями финны разгружали свои парусники.

Собственно ремёсел и кустарных производств в ингерманландских деревнях насчитывалось более 100 видов.⁶² Метёлочный промысел практиковался исключительно в Токсовской волости в селениях Койвукюля, Турново, Хепоярви, Химмакала, Лепсарь, и Варракала, где 285 семей приготавливали 330100 штук метёлок в год. Порой целые деревни получали дополнительный доход из заготовки и продажи банных веников. Во многих деревнях были мастера-сапожники и башмачники. Почти в каждой деревне можно было найти и хорошего кузнеца, который мог изготовить всё: от крюка, на который крепилась детская люлька, до кованого намогильного железного креста. В каждом приходе были свои мастера-бондари, точив-

шие и клепавшие мелкую деревянную посуду. В низовьях Луги работали местные финны-плотники, которые делали лодки и парусники, к северу от Петербурга — колёсники, изготавливавшие и продававшие тележные колёса.

Занимались ингерманландские финны и таким уникальным промыслом, как сбор муравьиных яиц, которые употреблялись для корма птиц и рыбок. Особенно широко сбор был распространён в Северной Ингерманландии. Делалось это следующим образом: найдя муравейник, вблизи очищали и утаптывали землю (делали ток), выкапывали вокруг канаву, которую наполняли водой, чтобы муравьи не расползлись. Затем просеивали весь муравейник через решето на ток, а сверху насыпали сухие листья. Муравьи немедленно начинали таскать яйца из мусора под листья. Крестьяне приходили через несколько часов и забирали уже сложенные яйца. Муравьиные яйца сбывались в Петербурге, а оттуда шли даже за границу.⁶³

И на Финском заливе, и на Неве, и на Ладожском озере среди ингерманландских финнов был развит судовой промысел (владение судном и работа на нём, работа на судне по найму, конная тяга судов по каналам). Летом рыбаки, имевшие парусники, доставляли в Петербург лес, камень, гравий и песок для нужд столичного строительства. Перевозились грузы также на телегах и санях.

Ходили по ингерманландским деревням и мастера из Финляндии, которые выполняли плотницкие и столярные работы (в том числе делали мебель для крестьянских домов); были среди них также сапожники и портные.⁶⁴

Уровень жизни многих ингерманландских финнов в конце XIX — начале XX века был столь высок, что для работы в хозяйстве привлекали наёмных работников. Почти в каждой деревне, особенно в Северной Ингерманландии, можно было встретить людей из Финляндии: кто был в батраках, кто пастухом в стаде, кто табунщиком, многие занимались рытьём канав. Особенно много было батраков из восточно-финской провинции Саво: «Бедные люди оттуда бросаются сюда, так как здесь платят во много раз больше».⁶⁵ Ещё недавно жители прихода Кельтто вспоминали, как стремились батраки из Финляндии жениться на богатых местных невестах, «даже носили красные рубахи и громко распевали песни».

В XX веке коллективизация и события 1930-х годов в корне подорвали традиционную систему хозяйствования ингерманландских финнов. «Рассеяние» ингерманландцев по всему пространству Советского Союза привело к включению их в новые виды деятельности в зависимости от регионов проживания. Но везде, при любой работе, ингерманландские финны сохраняли свои «национальные» качества, такие как исключительное трудолюбие, упорство, аккуратность и ответственность. Именно поэтому среди ингерманландских финнов были и лучшие в Узбекистане уборщики хлопка, и лучшие лесорубы в Карелии.

В послевоенные годы изменилась и структура расселения ингерманландцев. Многие, кому не удалось вернуться в родные деревни и дома, предпочли осесть в городах. Кроме того, общая урбанизация населения СССР и, позднее, России, а также кризис сельского хозяйства в стране привели к тому, что произошёл значительный отток финнов, особенно молодого поколения в города. И уже к началу XXI века вместо прежнего исключительно сельского финского населения мы

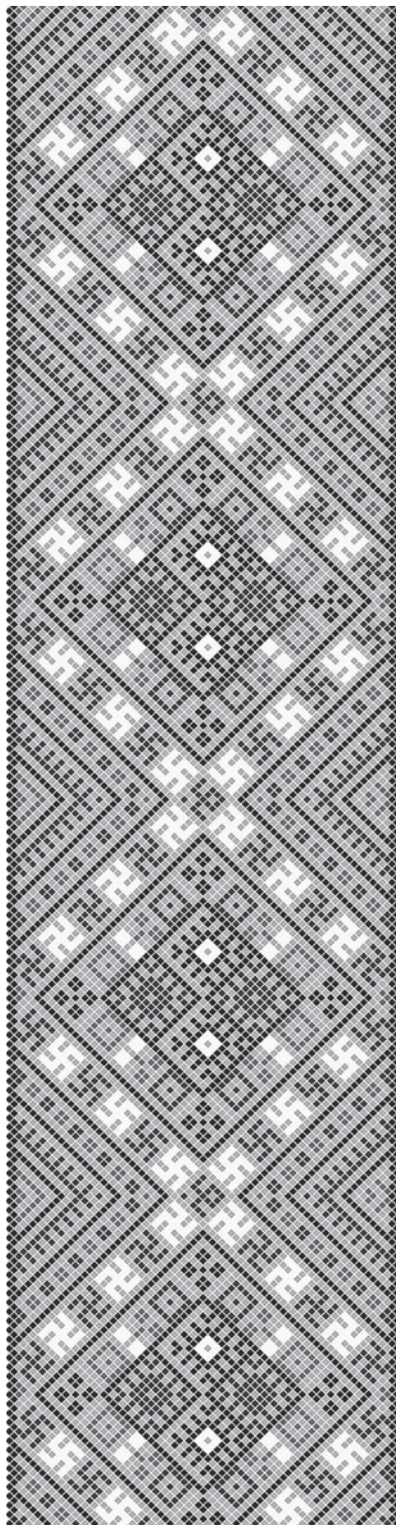
Плетение лаптей в дер. Койвукюля прихода Токсова. 1929 год.
Фотография из архива Музея Северных окрестностей Ленинграда.

видим урбанизированный народ: городские финны превысили число сельских финнов более чем в 2 раза! Так, по переписи населения 2002 года, из 34364 россиян, признавших себя финнами (в том числе ингерманландцами) лишь 10606 осталось традиционно проживать в деревнях, а 23758 финнов стали горожанами. Немного иным выглядит соотношение сельских и городских жителей в пределах самой Ингерманландии, но и здесь большинство финнов проживает в Санкт-Петербурге и городах Ленинградской области — 6507 человек, в деревнях и посёлках — 5397 финнов.⁶⁶ Вследствие этого система хозяйствования и сам перечень профессий у ингерманландских финнов изменились кардинально.

Починка лодки в окрестностях гор. Зеленогорска. 1950-е годы.
Личный архив В. Толстопятовой-Хейнонен.

ДЕРЕВНИ И ДОМА

ДЕРЕВНИ

С XVII века и вплоть до 1930-х годов ингерманландские финны были почти исключительно сельскими жителями. Традиционной формой их расселения в Ингерманландии были деревни.

Ещё с самого начала переселения финнов в Ингерманландию здесь стали возникать однодворные поселения на «пустошах» (т.е. на местах запустевших деревень), и на «свободных местах» (т.е. на полях, оставшихся без хозяев после ухода русских и ижор). Это процесс усилился особенно после русско-шведской войны 1656–1658 годов, когда во многих, особенно восточных уездах Ингерманландии местного православного населения практически не осталось. Так, в Ореховском погосте во второй половине XVII века однодворные деревни составляли примерно треть всех деревень. В дальнейшем такие поселения стали небольшими деревнями из нескольких дворов. Селились финны и в более крупных деревнях со смешанным составом населения.

В первой половине XVIII века после возвращения Ингерманландии под власть России возникло множество русских деревень, жители которых были переселены сюда, главным образом, из Московской, Ярославской и Архангельской губерний. Иногда русские деревни были основаны на месте сгоревших в ходе Северной войны

деревень (Путилово, Красное Село). В других случаях, для строительства русской деревни проживавших там финнов переселяли в другое место (Мурино, Лампово). Так, село Сарское (будущее Царское Село) решено было «огородить природными россиянами», поскольку «на туземцев — ижорян и латышей (т.е. финнов, исповедывавших «латинскую» — лютеранскую веру — *О.К.*) никак не можно было полагаться». Для этого было сведено 10 финских деревень. Для заселения слободы Пулковской было разорено 11 финских деревень, слободы Кузминой — более 15 деревень.⁶⁷ Порой финские крестьяне стонялись даже на необработанные лесные и заболоченные земли.

В конце XVIII века русские и финские деревни резко отличались по внешнему виду. По сохранившемуся свидетельству, русские деревни имели регулярную застройку, были многолюдными и относительно более зажиточными, чем финские — небольшие, разбросанные и очень бедные, производившие впечатление упадка.⁶⁸

Улица в дер. Спанккова (Шпаньково) прихода Спанккова.
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

На структуру финской деревни повлияли и административные факторы: так, в 1727 году при проведении ревизии в Петербургской губернии было принято решение сосредоточить всё финское население не только в отдельных деревнях, но и едиными территориальными группами.⁶⁹ Вероятно, так сложились многие финские деревни с типично русской уличной и рядной планировкой, где была довольно высокая плотность застройки, и расстояние между соседними домами составляло 10–15 м (а в некоторых деревнях даже и 3–5 м).

К этому же времени относится, видимо, возникновение смешанных русско-финских деревень с такой же планировкой. Только на Карельском перешейке повсеместно сохранялась традиционная финская планировка — свободная, кустовая и кучевая. Наиболее характерной чертой финской деревни являлась «свободная застройка», отражавшая индивидуализм финского крестьянина. Дома при этом были расположены не единообразно, как у русских (фасадом к дороге или вдоль дороги), но совершенно произвольно. Расстояние между домами обычно составляло более 30 м. Кроме того, в формировании финской деревни в Северной Ингерманландии важную роль играл ландшафт. Дома были, как правило, тщательно «вписаны» в рельеф местности, то есть приурочены к выгодным неровностям рельефа — к сухим возвышенным местам, к склонам холмов и ложбинам между ними. Такие деревни имели мало сходства с деревней в русском понимании и воспринимались (в том числе картографами) как группа хуторов или группа деревень. Такая планировка в других местах Ингерманландии встречалась уже как реликт (например, в деревнях Низковицы, Горки, Куйтелево).⁷⁰

По приблизительным подсчётам, к 1919 году в Ингерманландии было 758 чисто финских деревень, 187 деревень с русским и финским населением и 44 деревни, где жили финны и ижоры.⁷¹ При этом практически не было деревень, где финны-эурямёйсет жили вместе с русскими, и финны-савакот — с ижорами. Но довольно часто эурямёйсет соседствовали с ижорами, а савакот — с русскими. В некоторых деревнях, где финны жили совместно с водью, ижорами или русскими, иногда возникали разные концы — «русский конец», «ижорский конец» и т.д. В Северной Ингерманландии чересполосного расселения не было.

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

В XIX веке в Центральной и Западной Ингерманландии основным вариантом финского жилища был так называемый «западно-русский комплекс» (длинный дом и соединённый с ним крытый двор). В Северной Ингерманландии сохранялась старинная традиция, когда большие каменные или деревянные дворы ста-

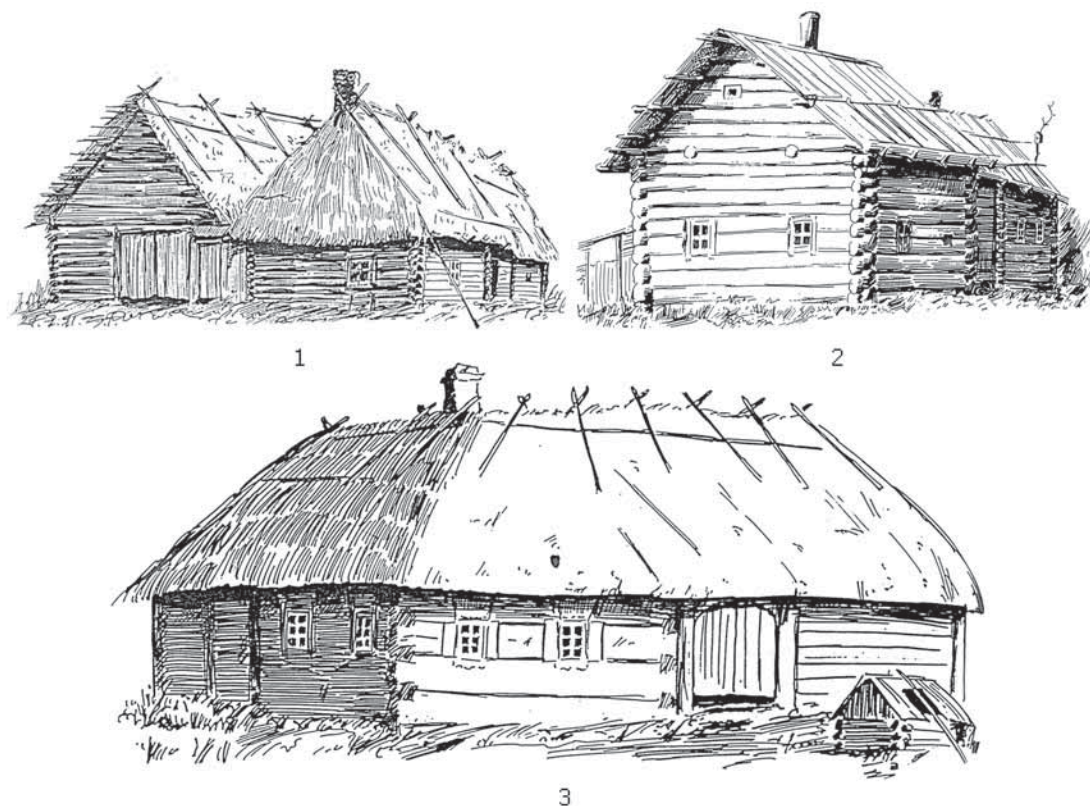
Финский дом в дер. Керстово прихода Новосолкка.
Фотография С. Паулахарью. 1911 год. Музейное Ведомство Финляндии.

Финский дом в дер. Вяаскюля (Новое Калище) прихода Каприо.
Фотография С. Паулахарью. 1911 год. Музейное Ведомство Финляндии.

вились отдельно от дома (только в приходе Кельтто и, частично, в Ряпяювя были дома русского типа).

В большинстве финских деревень к югу от Невы в конце XIX — первой половине XX века строили дома на среднем или низком подклете. В прошлом финские избы были однокамерными и двухкамерными, когда к жилому помещению *pirtti* (*pirtti*) пристраивались холодные сени *porstua* (*porstua*). И даже когда постройки стали трёхкамерными, жилой часто была лишь одна половина, а помещение по другую сторону сеней служило клетью *romuhuone* (*romuhuone*).⁷² С течением времени вторая половина стала летней избой, а иногда и «чистой» половиной жилища. В первой половине XX века финны уже повсеместно возводили дома на две избы через сени либо пятистенки с поперечной пятой стеной, а над ними возводили двускатные, трёхскатные или, реже, четырёхскатные крыши стропильной конструкции.

Жилые постройки ингерманландских финнов:

1 — изба из дер. Кирконкюля прихода Серепетта; 2 — черная изба постройки 1797 года из дер. Коронсаари прихода Лемпаала; 3 — дом с двором из дер. Толкки прихода Каприо. По рисункам С. Паулахарью. 1911 год. Архив Общества финской литературы (SKS).

Одноэтажные дворы состояли из собственно двора и хлева с сеновалом на чердаке. В более раннее время они стояли отдельно, но уже в конце XIX — начале XX века их стали пристраивать к дому сзади (и получалась так называемая одно-рядная связь дома и двора), сбоку (двурядная связь). В редких случаях, дом с примыкающими хозяйственными постройками образовывал открытый дворик внутри (П-образная связь).⁷³

К северу от Невы, в приходах Кельтто и Ряяпювя, были распространены и многокамерные жилища, что связано с сохранением больших семей. Там и после отмены крепостного права в семье порой было 20 и даже 30 человек, и для женатых сыновей к избе пристраивали новый сруб.

На самом севере Ингерманландии, под влиянием соседней Финляндии, строили и так называемые «засыпные» дома, где внутрь стен, сделанных из двух рядов досок, засыпали опилки с золой. Сарай и хлева стояли отдельно от такого дома.

Ещё до середины XIX века дома финнов были по большей части курными (с печами, топившимися «по-чёрному»), с низкими потолками и высокими

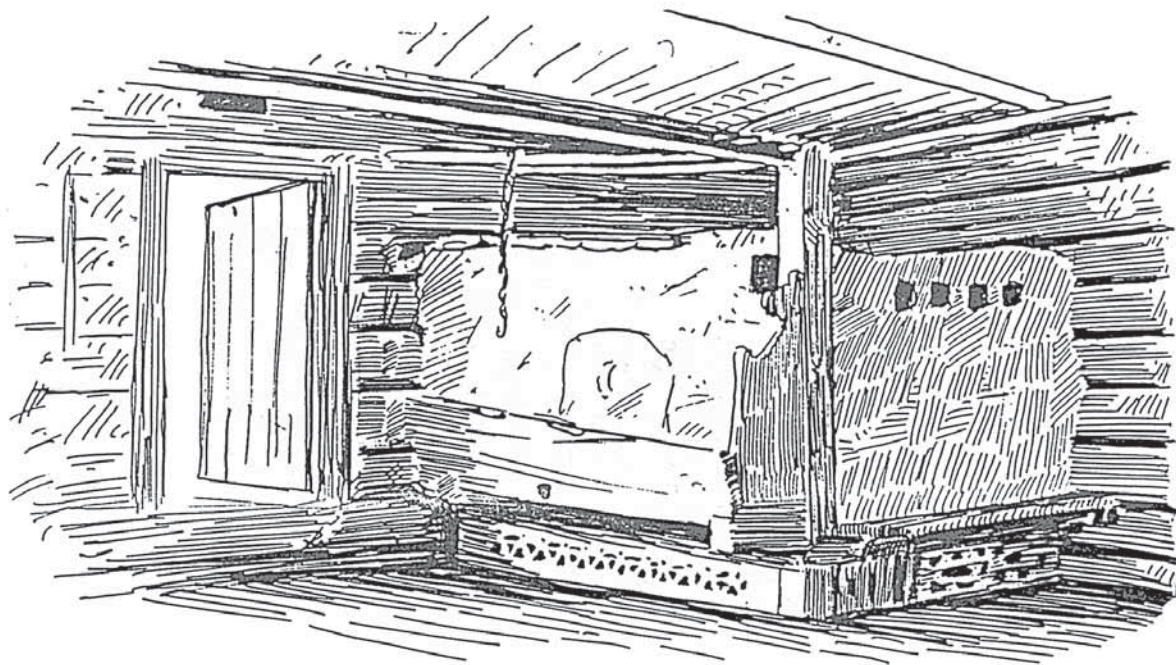
Дом семьи Пукки в дер. Виркила (Вирки) прихода Кельтто.
Фотография С. Паулахарью. 1911 год. Музейное Ведомство Финляндии.

порогами. Вместо окон прорубались световые отверстия, закрывавшиеся деревянными задвижками, лишь у богатых крестьян в избах были слюдяные окна. Кровельным материалом служили солома, позднее — щепа.

Избы, топившиеся по-чёрному, сохранялись даже в непосредственной близости от Петербурга, так что порой «из волокового окна можно видеть золотые купола церквей столицы».⁷⁴ Много таких изб строилось даже в конце XIX века, но особенно долго, вплоть до начала прошлого века такие дома бытовали у финнов-эурямёйсет.

Курные печи типа духовых складывались на деревянном или каменном опечье. На шестке оставляли место для подвешного котла, который вешали на специальный крюк *хаахла* (*haahla*) — на таком крюке делались зазубрины, и котёл можно было подвешивать на разную высоту. Для подогрева пищи на шестке пользовались также треногим таганком.

Убранство в доме было простым: один или несколько столов, табуреты, скамейки и шкафы. Спали на лавках и на печи, позднее — на пристроенных к задней стене избы нарах — *роватум* (*rovatit* < рус. кровать). На Кургальском по-

Печь чёрной избы крестьянина Коттинена из дер. Симетса (Зимитицы) прихода Молосковитса. Рисунок С. Паулахарью. 1911 год.
Архив Общества финской литературы (SKS).

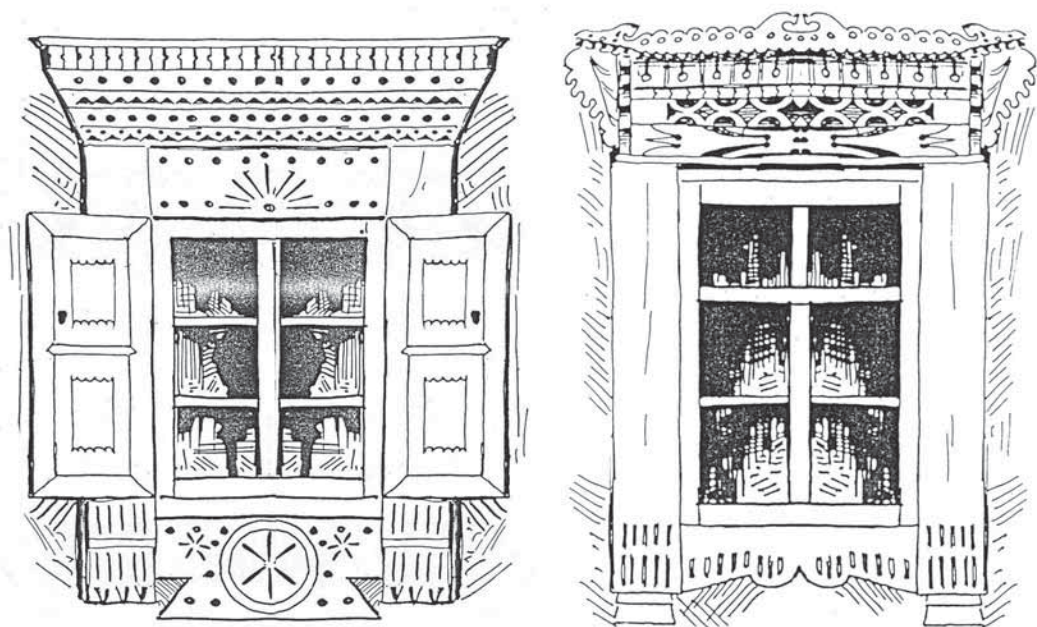
луострове и в нижнелужских деревнях в финских домах можно было увидеть раздвижные диваны с шестью ножками, причём две ноги были прикреплены к выдвижной части дивана. На ночь диван раздвигался, и получалась широкая кровать, на которой могли спать двое. На день опять диван сдвигался, постельные принадлежности укладывались в сиденье и прикрывались съёмной крышкой.⁷⁵

Дом начала XIX века из дер. Папинконту прихода Тюрё.
Фотография А.А. Беликова. 1929 год. Архив Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Дети и в начале XX века спали на соломенных тюфяках на полу, а для новорожденных были подвесные люльки. Освещалась изба лучиной. Но уже к концу XIX — началу XX века финские дома стали более современными. Их возводили уже на фундаменте и прорубали большие окна. Во многих деревнях окна снаружи стали снабжать ставнями и украшать резными наличниками (довольно часто их делали русские резчики, ходившие по деревням артелями). Эти наличники и ставни, украшенные сквозной и углублённой резьбой в каждой финской деревне имели свои отличия. Только в Северной Ингерманландии резьба не получила большого распространения.

Со временем убранство ингерманландского дома менялось. Вместо «чёрных» печей сельские мастера стали складывать новые печи с дымоходами, и над шестком печи стали делать вытяжные колпаки пирамидальной формы, шесток превратился в плиту с подтопком. Сказалось и влияние дачников и городской культуры в целом: на чистой половине ставили печи типа голландок, полы в домах застилались домоткаными половиками, на окнах появились занавески, покупалась «городская» мебель.

Наличники окон финских домов: слева — из прихода Серепетта; справа — из прихода Лииссиля. По рисункам С. Паулахарью. 1911 год.
Архив Общества финской литературы (SKS).

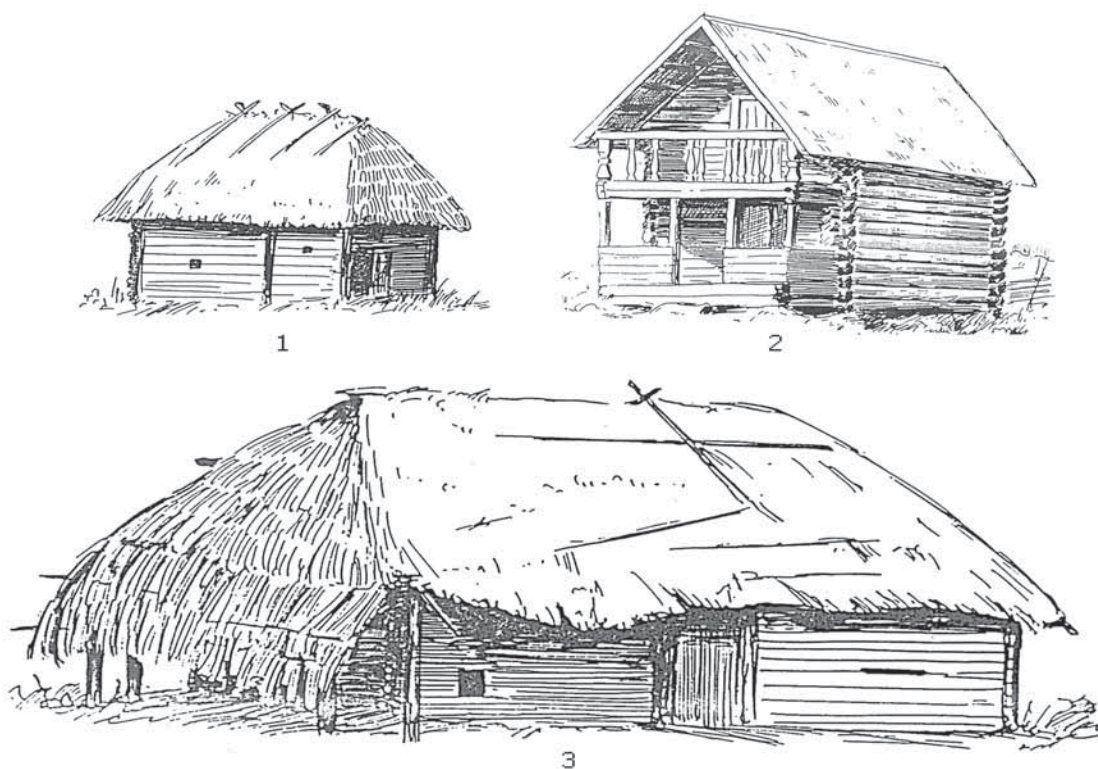
Лишь в конструкции бань, хлебов и сараев ещё долго ничего не менялось. Традиционно хозяйственные постройки строились из брёвен. Но в Западной и Центральной Ингерманландии обилие камня направило местное население на его использование, как строительного материала, для возведения, главным образом, скотных дворов. До сих пор во многих деревнях можно увидеть остатки дворов

Ветряная мельница. Дер. Кикеритса (Кикерицы) прихода Новосолкка.
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

из крупных валунов на известковом растворе. Величина камней и солидные размеры стен производят внушительное впечатление. Нарядным выглядит сочетание камней различных оттенков со светло-жёлтым, почти белым, известковым раствором, в который вкраплены в качестве декоративного материала мелкие куски гранита тёмного и чёрного цвета, оконные и дверные отверстия и ворота, обрамлённые красным кирпичом.⁷⁶ Гораздо реже стены скотных дворов возводили из более тонких брёвен, чем избы, и для защиты от холода и ветра снаружи прикрывали пучками хвороста, вертикально поставленными и тесно прилегающими друг к другу.⁷⁷

Возводились в финских деревнях и ветряные мельницы из известняка.

Хозяйственные постройки ингерманландских финнов:

1 — чёрная баня из дер. Тиховитса (Тиховицы) прихода Скуоритса;

2 — клеть из дер. Химаккала (Химаколово) прихода Токсова;

3 — рига из дер. Кирконкюля прихода Серепетта.

По рисункам С. Паулахарью. 1911 год. Архив Общества финской литературы (SKS).

ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ

Кухня ингерманландских финнов сохранила в себе черты традиционного питания прибалтийско-финских народов и впитала в себя значительные влияния русской деревенской и петербургской городской кухни.⁷⁸

Опишем обычный для конца XIX — XX века распорядок приёма пищи в ингерманландской семье. Рано утром, сразу после подъёма обычно пили кофе *кохви* (*kohvi*) на чистом молоке или добавляя его. Такой кофе делали или из молотого корня цикория, или из прожаренных зёрен ржи. Около 8–9 часов утра (а иногда и раньше) ели приготовленный на печи завтрак *муркина* (*turkina*). Обычно это был варёный картофель с льняным или подсолнечным маслом. Между завтраком и обедом пили чай (но не во всех деревнях). Около 1–2 часов дня устраивали обед *лоунат* или *пяйвяллинен* (*lounat, päivällinen*). Обычно ели суп, кашу, а завершали обед чаем (хотя в некоторых домах сначала пили чай, а потом уже съедали обед!). Около 4 часов дня многие ингерманландские финны опять пили чай, а по воскресеньям почти повсеместно пили покупной кофе. После 7 часов вечера ужинали. На ужин *илтайнен* или *илтайн* (*iltainen, iltain*) обычно ели обеденную подогретую еду или готовили новую на молоке.

За столом обычно собиралась вся семья, и отец, сидящий во главе стола, читал молитву и нарезал хлеб каждому. Во время еды разговаривать было

нельзя, детям говорили: «Закрой рот, как яйцо!». Иначе ребенок мог получить ложкой по лбу! Еду на ночь со стола убирали (могли оставить лишь горбушку хлеба и Библию), особенно опасно было забыть на столе нож — ведь тогда мог придти «злой дух».

Основной пищей ингерманландских финнов с середины XIX века был картофель (его в разных деревнях называли по-разному: *karttol*, *kartoffel*, *kartuska*, *omena*, *potatti*, *tarttu*, *muna*, *maamuna*, *maaomena*, *pulkka*, *peruna*) и капуста — они считались даже важнее хлеба. По понедельникам обычно пекли на всю неделю чёрный хлеб *лейня* (*leipä*) из кислого ржаного теста в форме высоких ковриг. Часто делали и лепешки из ржаной или ячменной муки *лепоска*, *руйскаккара*, *хятэкаккара* (*leposka*, *ruiskakkara*, *hätäkkara*), обычно их ели с яичным маслом. Похлёбки были самые разные, но самой распространённой были щи из кислой капусты *хаапакуаль* (*haapakual*), реже варили гороховый суп *хэрнэрокка* (*hernerokka*), картофельный суп с мясом *лихакэймму* (*lihakeitti*), уху, похлёбку из сухих грибов. Каши *путро* или *куасса* (*putro*, *kuassa*) варили чаще всего из ячменя (перловой крупы), также из пшена, гречи, манной крупы, редко — из риса. В печи тушили квашеную капусту, запекали брюкву, репу, картофель. Ели также квашеную капусту, солёные грибы, солёную и вяленую рыбу. Много было молочных продуктов: молоко, простокваша, творог, хотя большую их часть везли на рынки.

Особой любовью пользовался овсяный кисель *кауракииссели* (*kaurakiisseli*), его ели и тёплым, и холодным, и с молоком, и со сливками, и с растительным маслом, и с ягодами, с вареньем, и с жареными свиными шкварками. Пили обычно чай *чайю* (*tsaaju*), зерновой кофе *кохви* (*kohvi*), летом — квас *таару* (*taari*).

Праздничная еда была иной: пекли пшеничный хлеб *пулкат* (*pulkat*), самые разные пироги — открытые *ватпускат* (*vatruskat*) и закрытые *пииракат* (*piirakat*), с начинкой из риса с яйцом, капусты, ягод, варенья, рыбы и мяса с рисом. Варили студень *сюльттю* (*syltty*), делали жаркое из мяса и картофеля *лихапэрунат* или *пэрунапайсти* (*lihaperunat*, *perunapaisti*). Кроме обычных блюд, финны делали «крепкое молоко» (кислое молоко, запечённое в печи) — его часто ели с молоком и сахаром или делали начинкой для ватрушек. Для пасхального стола также готовили соленое молоко, смешивая со сметаной и солью, и ели вместо масла и сыра с хлебом, картофелем или блинами. Покупали к праздничному столу городские колбасы *калпасси* или *ворсти* (*kalpassi*, *vorsti*), солёную сельдь *сельтти* (*seltti*), сыр *сиуру* (*siiru*). По праздникам варили клюквенный кисель, домашнее пиво *олут* (*olut*) (особенно перед Юханнусом), пили покупной кофе, привозили из города вино.

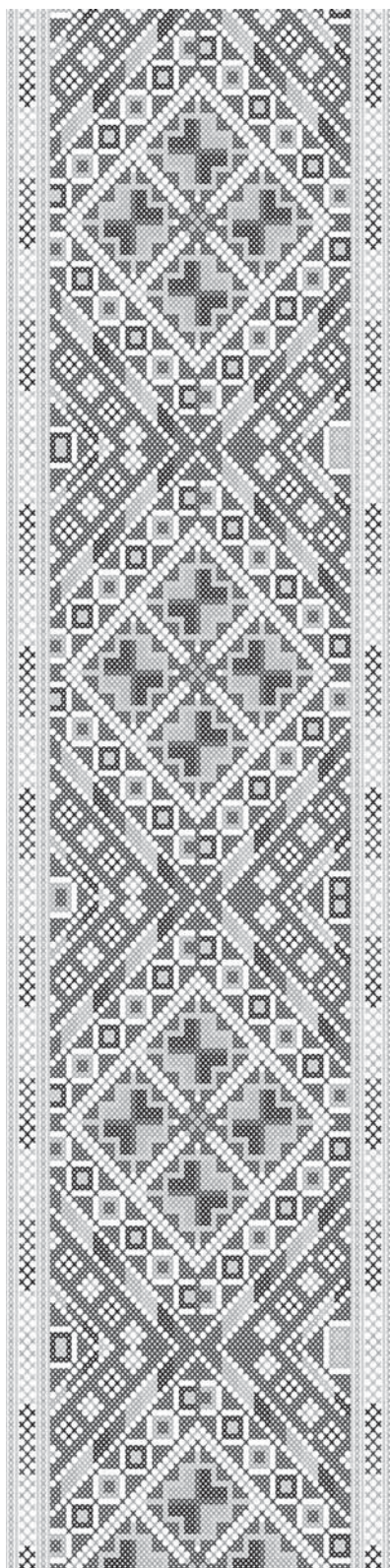
Издавна для хранения и приготовления еды ингерманландские финны чаще всего использовали деревянную и берестяную посуду, изготовленную дома (см.

цветную иллюстрацию XVIII). У сельских бондарей покупали клёпаные ушаты и бочки. С ярмарок привозили глиняные горшки и миски от сойкинских ижор из Сомеро или новгородскую посуду. В каждом доме был самовар, причём часто в нем варили не чай, а кофе! По праздникам на стол выставляли «городские» фаянсовые чашки с блюдами.

Просеивание муки в дер. Лясиня (Клясино) прихода Серепетта.
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

ОДЕЖДА

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Мужской костюм у всех ингерманландских финнов был схож (см. цветные иллюстрации IX, X и XII). Лишь в отдалённых деревнях Северной Ингерманландии и по берегам нижнего течения реки Луги дольше сохранялась старинная белая одежда. Мужчины носили летом полотняные, зимой — суконные штаны *хоусут* (*housut*). Рубаха *пайта* (*paita*), сшитая из небелёного или белого холста, имела прямой разрез на груди и застёгивалась на одну пуговицу или на завязки. У финнов, живущих по берегам реки Луги, рубаха могла быть украшена вышивкой понизу и на груди.

Верхней одеждой у финнов служили белые, серые, коричневые или синие длинные суконные кафтаны *виумма* (*viitta*), сшитые в талию, с клиньями, расширяющимися от пояса. Тёплой одеждой была поддёвка *поттиэikka* (*pottiekka*) и овчинная шуба *туркки* (*turkki*). Финны-эурямёйсет особенно долго сохраняли старинные шляпы *ляппя* или *лияппя* (*lääppä, liäppä*), похожие на шляпы питерских извозчиков. Эти широкополые шляпы с невысокой тульей делали из войлока чёрного, серого или коричневого цвета, и украшали шёлковой или бархатной лентой с пряжками из олова или серебра. Финны-савакот с конца XIX века стали носить городские фуражки и кепки. Обувь обычно была кожаная, домашнего изготовления —

ууламтисааннаам (uulattisaappaat), но носили и высокие покупные сапоги.⁷⁹ Это считалось признаком богатства владельца, и часто на ингерманландских дорогах можно было встретить босого финна, несущего сапоги за спиной и одевавшего их только при входе в деревню или город.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Народная одежда ингерманландских финок была невероятно красива, красочна и разнообразна. Она неизменно вызывала восхищение у всех, кто когда-либо видел её. Известный исследователь фольклора Ф.А. Саксбек во время своей поездки по Ингерманландии писал в своём путевом дневнике: «Приятно было утром на Троицу видеть женщин, сидящих на церковной горе. Там были белые, красные и синие краски, словно цветы на поле».⁸⁰

Изготовление одежды, особенно праздничной, требовало от мастерицы большого знания, значительного времени, огромного искусства и точного глаза. Ингерманландские финки шили свою одежду, в основном, весной, когда дни становились светлее, а до посевных работ ещё оставалось время.

Кроме главного разделения женского костюма на одежду финок-эурямёйсет и финок-савакот, почти в каждом приходе были свои отличия и цветовые предпочтения, формы кроя и любимые орнаменты вышивок.

Одежда финок-эурямёйсет

Одежда финок-эурямёйсет признавалась самой нарядной в Ингерманландии. Она сохранила многие древние черты костюма Карельского перешейка и поэтому отличалась сложным старинным покроем и большим количеством вышитых элементов. Петербургская финская газета *Pietarin Sanomat* в 1870 году писала про костюм эурямёйсет: «Это было действительно что-то прочное и уважаемое, собственно народное, что-то, что напоминает в душе о древнем народном женском благородстве, о девушках и женщинах нашей Калевалы».⁸¹

В Ингерманландии в каждом приходе, где жили финны-эурямёйсет, женская одежда была немного разной. Обычно говорили, что «в Тюрё она была более грубого вида, в Хиетамяки — более красивая, а в Туутари — самая красивая». При этом самой нарядной считалась женская эурямёйсская одежда Центральной Ингерманландии (см. цветную иллюстрацию XII) .

У финнов был обычай обновлять новые одежды при хождении в церковь. И именно церковная одежда *кирккопуку (kirkkopuku)* была из всех одежд самой

важной, ценной и лучшей. Когда новый костюм был сшит, прежняя церковная одежда становилась будничной.

Костюм финки-эурямейсет состоял из рубахи *пайта* или *рэккопайта* (*paita*, *rekkopaita*), сарафана *хартуусхамэ* (*hartiushame*) или юбки *хамэ* (*hame*), передника, пояса и головного убора

Мы подробно опишем костюм, который носили в приходах Тюрё и Туутари в конце XIX века (см. цветную иллюстрацию XIII).⁸² Также упомянем об особенностях одежды финок-эурямейсет других приходов.

Финка-эурямейнен из прихода Тюрё в праздничной одежде. 1877 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

Основу костюма составляла рубаха *рэккопайта* (*rekkopaita*). Её верхняя плечевая часть, так называемая *улисэт* (*yliset*), изготавливалась из льняной тонкой узорчатой ткани *муртикайнэн* (*murtikainen*), которую ткали из 6 нитей, чаще всего «в ромбик». Низ рубахи *алисэт* (*aliset*) обычно делали из более толстой ткани. Главным украшением такой рубахи было *рэкко* (*rekko*) — расположенная на груди у ворота деталь в форме прямоугольника или усечённого конуса (см. цветную иллюстрацию XIV). *Рэкко* было невероятно красиво, и его изготовление требовало очень большого времени. Его искусно вышивали яркими красными, жёлтыми, зелёными и синими нитками в гобеленовой технике, «косым стежком», «крестом», «настилом». В праздничной одежде *рэкко* вышивали тонкими шерстяными нитками, а для повседневной одежды годились льняные и хлопковые нити. Ворот рубахи *каулус* (*kaulus*), украшения верхней части рукавов и их нижние края были вышиты нитями, всегда такими же, как и *рэкко*. Сами рукава были длинными и широкими, внизу либо были свободными, либо стягивались в сборку в 3–5 см от края, либо (в более поздних вариантах) заканчивались манжетами. В летнюю жару был обычай подтягивать низ рукава к верхней части локтя, отчего они красиво ниспадали широкими складками. Рубаху у ворота скрепляли круглой пряжкой *солки* (*solki*), серебряной или посеребренной. С возрастом размер используемой *солки* уменьшался.

Праздничная юбка-сарафан *хартмуусхамэ* (*hartiushame*) изготавливалась из тёмно-синего или чёрного плотного сукна, а её верхняя часть, располагавшаяся выше пояса — так называемая *хартъюксэт* (*hartjukset*) — шилась из пурпурно-красного тонкого сукна, вышитого по краям разноцветной шерстью. В приходе Спанккова в украшении краёв использовали даже жемчужины. Такие нарядные яркие суконные юбки-сарафаны носили только по праздникам, а для будничной одежды и, особенно, для одежды девочек их часто шили из грубой шерсти или льна красного или сине-фиолетового цвета. Спинка юбки-сарафана — *сэлкямя* (*selkämä*) — была вышита тонкими многоцветными нитями, а внизу на неё нашивали особую деталь *лишти* (*listi*) из тёмно-красного толстого сукна или из расшитого цветистого бархата. Подол юбки *хэльмустин* (*helmustin*) был украшен узкой полосой красной ткани.

Такую юбку-сарафан по праздникам дважды опоясывали тонким поясом *вирон вюо* (*vironvyö* — «эстонский пояс») с длинными кистями *тёнпяят* (*töppäät*) или *тёнпёт* (*töpöt*), которые свисали, доходя порой до края передника. В будни носили другой пояс — *лаппавюо* (*lappavyö* — *пряжковый пояс*). Этот красивый и тяжёлый пояс был сделан из домашней свиной кожи, на нём были нанизаны узорные медные пряжки, число которых увеличивали с течением времени и изменениями фигуры. Такой пояс входил в приданое невесты и, кстати, был обычным хорошим средством воспитания в руках матери, когда детей следовало наказывать.

Финки-эурямейсет из прихода Тюрё: 1 — девушка и замужняя женщина в летней одежде, справа — девушка в зимней одежде; 2 — замужняя женщина в зимней одежде; 3 — замужняя женщина в летней одежде; 4 — замужняя женщина в осенней одежде. 1877 год. Музейное Ведомство Финляндии.

Нарядным дополнением одежды был сделанный из тонкой ткани передник *полле* (*polle*). Его украшали понизу полосой разноцветной вышивки и широким цветным кружевом *круусева* (*kruuseva* — от русск. *кружево*) или бахромой. По праздничным дням, и, непременно, в свадебные дни носили белые узорчатые перчатки, вязанные из тонкой льняной пряжи.

Волосы у всех женщин всегда были подстрижены. Эурямёйские девушки обычно делали прямой пробор посередине, лишь у девушек из прихода Тюрё была чёлка, за что над ними в соседних приходах посмеивались и пели:

<i>Tyröss' on tytöt kopeat,</i>	<i>В Тюрё девушки спесивы,</i>
<i>liinaharjat, laukkiotsat,</i>	<i>Льняные гривы, подрезанные лбы,</i>
<i>käyvät Kaarostan katua.</i> ⁸³	<i>Ходят по улице Кааросты.</i>

На девушках были особым образом сделанные головные украшения *сэппаль* или *сяппаль* (*seppel, säppäl'*), по форме напоминающий обруч. Этот необычный головной убор делали из красного сукна, часто украшали бисером и перламутром, а посередине пришивали ряд оловянных «кнопок» с острыми шипами. По мнению самих финнов, девушки носили *сяппаль* как средство защиты от парней. Замужние женщины тоже подстригали волосы, оставляя сбоку длинную прядь, за которую крепили к голове особое приспособление *сюкерёт* (*sykeröt*), на котором держался и сохранял форму головной убор. *Сюкерёт* делали из железной проволоки, вокруг оборачивали льном, чтобы ржавчина не испортила одеваемый поверх головной убор. Такой убор под названием *хунту* (*huntu*) шили из снежно-белого тонкого льна. Этот головной убор был настолько прост и изящен, что известный исследователь Ингерманландии А. Альквист назвал хунту «короной и цветком сути эурямёйсет».⁸⁴

Замужние женщины на голову поверх *хунту* ещё надевали платок *корвелус* (*korvelus*) или *корвариену* (*korvarienu*), который часто делали из зелёной атласной ткани, а края на нём были обычно красные или цветастые.

На ноги натягивали чулки, а поверх — ноговицы *кальсут* (*kalsut*), разновидность гетров. Зимой их делали двойными: из красного сукна на холстинной подкладке. Летом же женщины часто ходили босиком, надевая на ноги лишь белые льняные *кальсут*. *Кальсут* закрепляли на ногах узкими оборами *паулат* (*paulat*), зимой — чаще всего тёмно-синими шерстяными, летом — белыми льняными. Финны-савакот, считавшие финнов-эурямёйсет слишком «архаичными» в костюме, смеялись над костюмом эурямёйсет, пародируя особенности их диалекта: *Mie ko nakroin mein kakrapelloss kalsun paklat kaklassain* (*Я когда смеялась, шла на овсяное поле с завязками от кальсут на шее*).⁸⁵

Часто использовали и узорчатые вязаные носки. На ногах обычно носили кожаные туфли домашнего изготовления *липоккеам* (*lipokkat*). По праздникам многие девушки стремились надеть сшитые из чёрной кожи туфли *сикерит* (*sikerit*) с острыми носами, с краями, украшенными красной юфтевой кожей. На месте пятки нашивали кожаные украшения различного цвета, оттуда же уходили и завязки, крепящие обувь к ногам. Каблуки были часто подбиты большими каблучными гвоздями — и часто на вечерних посиделках именно перестук таких каблучков на дощатых полах служил главным сопровождением танцев. Для лесных работ (особенно в Северной Ингерманландии) использовали плетёную из бересты обувь — лапти и ступни *вирсут* (*virsut*).

В прохладную летнюю погоду и в праздники финки-эурямёйсет носили короткий белый льняной полукафтан *костоли* (*kostoli*), сшитый в талию и расклешённый от пояса (см. цветную иллюстрацию XIII). В таком наряде шли в церковь первый раз в году летом, на Вознесение, и этот праздник в народе называли «костольным» (*kostolipyhä*). Шили *костоли* чаще всего из белой покупной диагонали, и часто вдоль полочек до талии располагали узкие полосы вышивки шерстяными нитями. Вышивка на *костоли* невероятно красива — «точечным» крестом, тамбурным швом, косыми стежками мастерицы настолько искусно вышивали эту простую по покрою одежду, что она становилась настоящим произведением искусства!

Весной и осенью эурямёйские женщины надевали длинный или полудлинный кафтан *виитта* (*viitta*), который был сделан из тонкой грубой шерсти (см. цветную иллюстрацию XI). Это «пальто» было очень женственно по покрою и удивительно красиво по отделке. Стоячий воротник виитты делали из пурпурно-красного тонкого сукна. Правую полочку украшали красными и синими нитями, а на уровне пояса пришивали небольшой кусок замши *сяамюскя* (*säämyskä* — русск. *замша*), на который нашивали застёжку-крючок. Края рукавов и верхушки больших складок на спине были также отделаны жёлтой замшей и украшены красными, синими и зелёными нитями. Позднее появились и синие виитты: их носили весной и летом, а белые — осенью и зимой. На плечах обычно завязывали платок *риепу* (*riepu*) или *каулаваате* (*kaulavaate*), а поверх надевали бусы *рипукка* (*ripukka*), часто в две нити.

Главной зимней одеждой для эурямёйской женщины была шуба *туркки* (*turkki*). Её шили из тёмно-синего тонкого сукна, а подкладкой была овчина чёрного цвета. Вокруг шеи и спереди пришивали *котсикам* (*kotsikat*) или *котикам* (*kotikat*) (от русск. *котик* — *кошачий мех*), а по краям рукавов — тёмно-серый мех «заграничного зверя». Шубу плотно подвязывали разноцветным поясом *вюо* (*vyö*). Поверх шубы носили ещё жёлтые янтарные бусы *янттари-хэльмия* (*janttari-helmiä*).

Финны-эурямейсет из дер. Коронсаари прихода Лемпаала.
По рисункам С. Паулахарью. 1911 год. Общество финской литературы (SKS).

В Северной Ингерманландии финки-эурямейсет носили такую же украшенную вышивкой рубаху *рэккопайта* (*rekkopaita*), а поверх надевали длинную юбку из синей, чёрной или коричневой полушерсти, по подолу которой шёл волан из красной покупной ткани или цветная покроя, тканая на берде (см. цветную иллюстрацию IX). На такой юбке закладывали более 40 складок, а тонкий притачной пояс застёгивали на пуговицу. На голову местные финки крепили *хунту* (*huntu*) — в этих северных деревнях он имел совсем иную форму и напоминал небольшой гофрированный полотняный кружочек, который прикреплялся к волосам в верхней части лба. С таким *хунту* на лбу замуж-

няя женщина могла ходить и с непокрытой головой, а если надевала платок, то так, чтобы *хунту* оставался виден.

В западных районах Ингерманландии финки-эурямёйсет льняную рубаху вышивкой не украшали и носили обычную однотонную или полосатую юбку из шерсти или полушерсти. Девушки поверх длинной косы повязывали ленту, а замужние женщины надевали белые полотняные чепцы с кружевом по краю, присборенные и стянутые сзади лентой, или белые головные уборы, похожие на русскую «кичку» без жёсткого каркаса.

Эурямёйсет очень долго сохраняли свой особый костюм и говорили, что «меняющий свою одежду и меняющий свою веру находятся в одном и том же месте». Но в конце XIX века их старинный костюм стал изменяться самыми быстрыми шагами. Раньше эурямёсская одежда делалась от начала до конца дома, только платки обычно покупали у торговцев. Но уже в 1870-х годах стали покупать сукно на плечевую часть сарафана, жемчуг для *сяппели* и «кнопки» у ходивших карельских корабейников *лаукку-рюссит* (*laukku-ryssit* — *сумочно-русских*). В их товарных лотках находили и ткань для *хунту*, и покупные цветные нитки (они даже получили у местных финок особое название *риккаатлангат* (*богатые нитки*)). В те времена стали покупали у торговцев готовые шубы, чаще всего «из города» (*linnasta*) — из Петербурга. Вместо старинного кафтана *виитта* появились русские *коухтам* (*kouhtat*) и *канотим* (*kapotit*). Во многих деревнях девушки стали ходить одетыми, как савакот, хотя их матери были эурямёйсет.⁸⁶

ОДЕЖДА ФИНОК-САВАКОТ

Костюм финок-савакот был иной: они носили рубаху *пайта* (*paita*), держащуюся на талии юбку *хамэ* (*hame*), лиф *лииви* (*liivi*) или кофту *танкки* (*tankki*), передники и головные уборы разнообразной формы (см. цветную иллюстрацию XV).

Рубаху *пайта* (*paita*) шили из белого льняного полотна с разрезом посреди груди, застёгивающимся на пуговицу или скреплённым круглой застёжкой *солки* (*solki*). Обычно рубахи не вышивались, но иногда по вороту располагали полосу незатейливой вышивки. Рукава рубах были широкими, чаще всего полудлинными. Манжеты, отороченные красивым кружевом, вязаным крючком или на коклюшках, завязывались у локтя так, чтобы нижняя часть руки была открыта. Поверх рубахи надевали безрукавный лиф *лииви* (*liivi*) или кофту *танкки* (*tankki*). Их часто шили также из сукна или покупной ткани. Лифы отделявали тесьмой, застёгивались они или по всей длине, или в двух местах — на груди и на

тали. Кофты спереди, вдоль сплошной застёжки, и вокруг шеи украшались белым рюшем. Юбки *хамэ* (*hame*), собранные на талии в сборку, шили из шерстяной или полушерстяной ткани, однотонной, полосатой или клетчатой. Иногда в праздники надевали по две юбки, причём верхняя могла быть из ситца. Передники обычно были белые, украшенные белым или чёрным кружевом, иногда с затканными полосами или с вышивкой. Девушки заплетали волосы в косу, на голову повязывали ленту. Замужние женщины носили мягкие чепцы *лакки* (*lakki*), плотно покрывавшие голову и отделанные по краю кружевом.

Девушки-савакот Людия Татти, Мария Кайява и Мария Татти
из приходов Кельтто и Ряпявья. Фотография М. Туомиринне. 1926 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

Самой яркой считалась одежда женщин-савакот из числа так называемых «настоящих государственных» (*varsinaiset vallanomat*) из финских приходов Кельтто, Ряпяювя и Токсова, расположенных к северу от реки Невы. Когда-то эти земли принадлежали князю Григорию Потемкину, и ещё во времена крепостного права местным крестьянам запрещалось вступать в брак за пределами княжеских владений. Но здешние финны и не стремились к этому, считая себя более высокими по положению, чем окружающее население. Одежда женщин этих деревень, по покрою обычная для финок-савакот, выделялась своими яркими цветами. Особо следует отметить местные названия цветных тканей: здесь не говорили «светло-красная» или «тёмно-синяя» ткань, как в Финляндии. Местные финки как бы подчёркивали личное творчество каждой мастерицы, давая тканям такие названия, как, например, «юбочная ткань невесток из дома Костерила», «ткань церковной юбки свекрови из дома Паавола» или «ткань передника Анни, жены Симо» и т.д.⁸⁷

Финки-савакот из прихода Кельтто. Фотография С. Паулахарью. 1911 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

И всё же самым главным здесь был красный цвет: «Чем краснее, тем лучше!». Особенно красива была летняя одежда, которую носили с Вознесения почти до зимы, до осеннего праздника *Миккели*. Полушерстяную ткань для юбок ткали яркими красными квадратами или, реже, полосами, добавляя для контраста жёлтые, синие или зелёные нити. Лифы и кофты тоже шили из красной клетчатой или цветастой ткани, отделявая их по краю яркой зелёной или голубой лентой. Такие лифы очень выгодно подчеркивали красоту статных ингерманландских финок: они застегивались у ворота и на талии, образуя на груди расходящимися краями лифа овальные просветы. И передники тоже делали из красной «клетки». Часто из города специально привозили дорогой красный клетчатый шёлк, и обладательницы шёлковой одежды на деревенских танцах в свои хороводы не пускали девушек в ситцевых юбках. В праздники и женщины, и девушки для демонстрации своего богатства надевали по несколько лифов, так, чтобы край нижнего был виден из-под верхнего, и было ясно, сколько их надето. Наплечные платки у девушек были также красных тонов. Девушки носили на голове венец *пинтэли* (*pinteli*) из красной шёлковой ленты с вышитыми цветами, с длинными концами, спускающимися по спине, или красные косынки. Женщины покрывали голову белым чепцом с кружевом по краю. В праздники носили «господскую обувь» — хорошие покупные башмаки на высоком каблуке.⁸⁸

Похожей на эту была женская одежда савакот и в приходе Туутари (окрестности Дудергофа). Юбки здесь были полосатые, с красными, белыми, синими и зелёными полосами, а лифы и кофты — ярко красные, обычно шёлковые. Девушки заплетали волосы в две косы и укладывали в пучок на темени, а вокруг него обвязывалась красная лента, концы которой спускались на спину⁸⁹. Женщины покрывали голову мягким чепцом *лакки* (*lakki*), собранным в сборку.

В приходе Ярвисаари и Марккова женщины предпочитали зелёные и жёлтые цвета в одежде. И даже головной убор в форме русского повойника здесь шили из зелёного покупного атласа.

В западных частях Ингерманландии, по берегам реки Луги и на Кургальском полуострове, финки так же, как воедь и ижора этих мест, надевали «ижорские» рубахи с украшенными красным ситцем поликами и красивейшей вышивкой с архаичными узорами птиц, женщин и замысловатыми геометрическими орнаментами. Но, в отличие от местных православных, замужние финки не носили красивые головные полотенчатые уборы *саппано*, а покрывали голову чепцами или особым образом (с узлом сзади) повязывали платки. В конце XIX века местные финки стали носить летом «круглые» сарафаны русского типа сначала из домотканого льна синего, чёрного, реже коричневого цвета, позднее из цветной набойки и яркого покупного ситца.

Финны-савакот из прихода Ярвисаари: слева — Хильма Хусу (Адель), Катрина Клеметтиля и Ээва Мустонен из дер. Старостина и Метсяпиртти в 1954 году; справа — семья Лиски из дер. Муйя в 1916 году. Музейное Ведомство Финляндии.

Финка за прялкой. Нижняя Луга. Фотография Н. Прытковой. 1926 год. Российский этнографический музей.

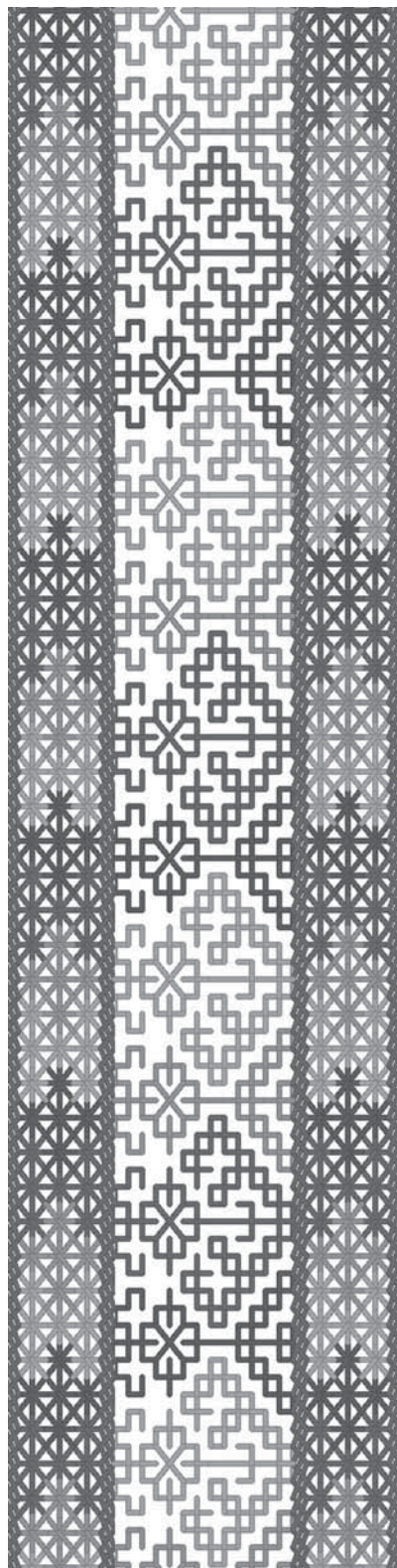
Зимой же по-прежнему надевали шерстяные и полушерстяные юбки чёрного, красного, зелёного и синего цвета, чаще всего с яркими разноцветными широкими и узкими полосами (см. цветную иллюстрацию XVI). При этом, в зависимости от деревни, полосы на юбках могли располагаться и вертикально (как в деревнях Нижней Луги), и горизонтально (как на Кургальском полуострове). Под юбку надевали нижнюю белую льняную юбку с полосой вышивки понижу.⁹⁰

Верхней одеждой финок-савакот, нижнелужских и кургальских финнов также служили с весны до осени полукафтаны и кафтаны *viimma* (*viitta*), зимой — шубы *turkki* (*turkki*).

Финки из дер. Струппова (Струппово) прихода Косемкина:
Сохви Яконен в летней одежде и Вальпури Варкки в зимней праздничной одежде.
Фотография В. Алава. 1892 год. Музейное Ведомство Финляндии.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

Ингерманландские крестьянские семьи имели в XIX веке значительный численный состав. Особенно к северу от Невы, в приходах Кельтто и Раяпявя, долго сохранялись большие семьи, и в одном дворе могло жить по 20–30 человек — женатые сыновья со своими семьями не покидали родительский дом. По всей Ингерманландии финские семьи были многодетны, и очень часто финны брали на воспитание детей из петербургских приютов, что было выгодно, так как оплачивалось казной. Таких приёмных детей называли *руунулапсет* (*ruunulapset* — *дети казны*), и со временем из них вырастали православные крестьяне с русскими именами и фамилиями, но говорившие только по-фински.⁹¹

О внутрисемейных отношениях почти нет сведений, но встречаются сведения о непререкаемом авторитете родителей, в первую очередь отца, и о тяжёлом положении невесток в больших семьях.

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В родинных обрядах ингерманландских финнов переплелись и традиционные народные верования и обычаи, и лютеранские нормы поведения. Рожали детей обычно в бане при помощи местной повитухи или одной из старших женщин двора. И именно поэтому рожениц у финнов называли *саунаваймо* (*saunavaimo* — *банная*

Семья Миеттинен из Метсяпиртти (Нечеперь) прихода Ярвисаари. 1905 год.
Личный архив Х. Кутеповой-Миеттинен.

жена). Исключительно редко роды происходили в хлеву или сарае. В течение дня роженицу с ребенком переводили домой. Маленьким детям при этом объясняли, что новорожденного нашли как Божий подарок под банной лавкой, или мать принесла его из города в молочном бидоне. После родов по приглашению свекрови замужние деревенские женщины с угощением (маслом, колбасами, яйцами, сладкими булками и ватрушками) и подарками ходили на «смотрины» *ротинам* (*rotinat* < рус. «родины») и по традиции дарили деньги «на зубок» — *хаммасрах* (*hammasraha*).⁹² В первые дни жизни, до крещения, ребёнок был беззащитен: его могли «подменить», ему были опасны различные «злые силы». Поэтому при первом купании в воду подсыпали соль или клали серебряную монету, а в постель прятали нож или ножницы. «Подменыши» были всегда больными и часто «слабы на голову», у них была большая голова и тонкие ручки, они много ели, но не разговаривали и плохо учились ходить. Чтобы вернуть назад своего родного ребенка, знающие бабки издавна советовали поступить так: посадить «подменыша» на деревянную хлебную лопату и сделать вид, что хочешь отправить его в горящую печь. Тогда непременно явится «плохой человек» и вернёт здорового ребенка, а «подменыша» заберёт.

По старинным верованиям, маленьких детей заставляли плакать *юоньиткетмайя* (*yönitkettäjä* — *ночная плакательная заставляльщица*) и *вальвоттайя* (*valvottaja* — *недавальщица засыпать*). Их мог наслать гость «с дурным глазом». Для защиты от них в деревнях прихода Коприна ребёнка как бы рождали заново — продевали сквозь рубаху, которая была на матери при родах. А в приходе Хиетамяки плачущего новорожденного передавали из рук в руки сквозь ступени деревянной лестницы-стремянки. Помогали и заговоры «шепчущих бабок». Их лучше всего было произносить на закате солнца в бане или во дворе. Так, в приходе Молосковицы был записан заговор от «ночной плакательной заставляльщицы»:

*Yöitku itkettäjä,
Paha henki, vaikuttaja!
Itketä maita, itketä soita,
Itketä kylmiä kiviä!
Luovu pois luomaton,
Erkane pois, nimetön,
Ristitystä, kastetusta
Lapsesta viattomasta.
Mie siun laitan tuuleen tuhisemmaa,
Vitsikkoon vinkumaa.*⁹³

*Заставляющая ночью плакать,
Злой дух влияющий!
Заставь плакать землю и болота,
Заставь плакать холодные камни!
Отступись, несозданный,
Згинь, безымянный,
От крещёного, окропленного
Дитя невинного.
Я тебя пушу по ветру с шипением.
В кустарник со свистом.*

Финн с внучкой из дер. Орпонья (Арбонье) прихода Купанитса.
Фотография А.А. Беликова. 1929 год. Архив Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Боясь подмены или ранней смерти, ребёнка старались окрестить как можно быстрее. И в течение двух первых недель жизни крёстные отец и мать несли ребёнка в церковь. В ингерманландских семьях крёстные значили очень много, и связь с ними поддерживалась всю жизнь. Ранним утром предпасхальной вербной субботы в первую очередь именно к своим крёстным бежали дети, желая им всего самого лучшего. И в сваты парни чаще всего приглашали своих крёстных отцов. В старости о крёстных должны были заботиться не только родные дети, но и крестники. А когда крёстный отец или мать умирали, крестники снаряжали гроб и ставили им кресты на могилу.

При крещении дети получали и свои имена. Первенцам обычно давали имена бабушки и дедушки. До начала XX века у ингерманландских финнов в ходу были библейские имена в финском фонетическом оформлении: *Аатами, Аанрами, Антреас, Иисакки, Йоосеппи, Моосес, Паавали, Сакари, Топиас* и *Туомас*. Давали мальчикам и старинные ингерманландские имена: *Туро, Уоло, Уоти*. Самыми распространёнными женскими именами были *Аале, Анна, Вальпури, Катри, Мариа, Сохви, Ээва*.

Несмотря на сильное влияние лютеранства, у ингерманландских финнов долго, вплоть до начала XIX века сохранялись древние обычаи. Роженицы приносили первое молоко к жертвенным местам. Существовали и священные рощи, куда нужно было принести новорождённых детей. Именно такой можжевельовый лес под названием Уккола когда-то находился в 5-6 верстах от церкви прихода Серепетта. Этот лес местные жители считали святым, так что «никто не осмеливался даже лист с дерева сорвать». В этом лесу все собирались в Петров день, и, кроме еды и питья, каждый пришедший приносил и камень. Именно к этой огромной куче камней (высотой с двухэтажный дом) приносили и новорожденных детей, и телят.⁹⁴

До крестин ребёнка держали или в корзине, или рядом с матерью, и лишь после церковного обряда в дом вносили подвесную люльку или колыбель-качалку. В ней ребенок спал обычно до полутора-двух лет, пока не наступала пора укачивать следующего новорожденного и петь ему колыбельные песни:

<i>Tuuti lasta nukkumaan,</i>	<i>Укачай дитя, чтоб спал,</i>
<i>Suurel vuorel kukkumaan.</i>	<i>На большой горе куковал.</i>
<i>Tule uni uunin päältä,</i>	<i>Приди сон с полати.</i>
<i>Tuo unta tullessasi.</i>	<i>Принеси с собою дрёму.</i>
<i>Sijo lapsen silmät kiinni,</i>	<i>Закрой ребёнку глазки,</i>
<i>Kuro lapsen kulmat kiinni.</i>	<i>Смежи его бровушки.</i>
<i>Siul on kultaiset kätöset,</i>	<i>У тебя золотые ручки,</i>
<i>Pehmiäiset peukaloiset...</i> ⁹⁵	<i>Мягонькие пальчики...</i>

Финские колыбели *каткют*: слева — колыбель-качалка из прихода Вуоле; справа — подвесная колыбель из прихода Марккова. По рисункам С. Паулахарью. 1911 год. Архив Общества финской литературы (SKS).

С раннего возраста детей приучали к труду. Поэтому ребёнку давали не только привычные куклы и игрушки (см. цветную иллюстрацию XVII), но обычно дед мастерил маленькие грабли, вилы и вальки, с которыми дети ходили в поле и к речке. Ребёнку в домашнем стаде выделяли телёнка или овцу, о которой он должен был заботиться. К 13-14 годам парни уже становились самостоятельными пастухами овец *лампури* (*lampuri*) или подпасками при выгоне коров. Девочки к 8 годам уже умели прясть, вязать носки и рукавицы, вышивать, плести сети.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Молодые люди считались взрослыми, когда овладевали определёнными трудовыми навыками. Но для получения разрешения на венчание они должны были пройти конфирмацию (обряд сознательного вступления в церковную общину), и вся молодежь в возрасте 17-18 лет две недели обучалась в конфирмационной школе при приходской церкви. Именно поэтому уровень грамотности у ингерманландских финнов был очень высоким.

Ингерманландские девушки обычно выходили замуж в 17–20 лет. Дочерей следовало выдавать замуж по старшинству. И если первой выходила замуж младшая сестра, то старшую называли обидным прозвищем *раси* (*rasi* — *поваленный*,

но ещё не сожженный для пожоги лес). После 23-24 лет девушка могла уже рассчитывать только на брак с вдовцом. Парни обычно женились в 20-23 года, и даже в 30-35 лет их не считали «старыми холостяками». ⁹⁶

Как правило, невесту выбирали родители парня, и, в первую очередь, они обращали внимание на то, хорошо ли она работает, богатое ли у неё приданое, уважаема ли её семья. При этом красота девушки была не столь важна. Присмотреть невесту можно было и на совместных деревенских работах, и на выездах на дальние покосы, и на прогулках у церкви в дни церковных праздников. Зимой молодежь встречалась вечерами на посиделках, где девушки занимались рукоделием, а парни приходили к ним в гости. В конце XIX века среди финнов Северной Ингерманландии ещё сохранялся старинный обычай «ночного» сватовства — его называли «ночной бег» или «ночное хождение» — *юююоксу* или *ююялан кяунти* (*yöjuoksu, yöjalan käynti*). Летом девушки спали не в доме, а в клетки, они ложились на кровать одетыми, и парни имели право посещать их по ночам. Молодые люди

Родители жениха благословляют молодых, стоящих на коленях на шубе.

Дер. Малккила (часть дер. Алапурскова) прихода Скуоритса.
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

могли сесть на край кровати, даже лечь рядом, но дальше дело не заходило. Слишком активных парней, нарушивших эти правила, могли исключить из сообщества деревенских парней. Традиционный ночной обход дворов был групповым, при этом с девушкой оставался лишь один, а остальные парни шли дальше, в клеть соседей. Но в конце XIX века парни ходили уже поодиночке. Родители девушек, как правило, не одобряли этот обычай. Порой, заслышав подозрительный шум, они могли даже спустить собак! А парни, как бы в отместку, после каждого посещения клетки оставляли ножом зарубку на дверной балке. Обычно такие ночные посещения к браку не вели, но, бывало, после таких «хождений» парень засылал сватов именно в посещаемый дом.⁹⁷

Сватовство у ингерманландских финнов долго сохраняло древние черты тех времён, когда проживание на отдалённых хуторах и в маленьких дальних деревнях не давало возможности близко познакомиться молодым людям и их семьям. Сватовство было многоступенчатым, с повторными визитами сватов, с посещением невестой дома жениха. Это давало обеим сторонам время на раздумье и не приводило к поспешному решению, что в целом было характерно для финского характера. Даже первому приезду сватов нередко предшествовал тайный запрос, будут ли приняты сваты — его называли «первое сватовство» — *этукосиминен* (*etukosiminen*) или «тонкие лапти» *хиенот вирсум* (*hienot virsut*). Только потом начиналось официальное сватовство. Свататься ехали на лошадях, даже если невеста жила в той же деревне. Этот обряд известный исследователь Ингерманландии академик А. Шёгрэн называл «ехать с табаком» (*mennä tupakoille*). Позднее эту поездку стали именовать «оплачивание» — *рахоминэ* (*rahomine*) или «долгие лапти» — *питкят вирсум* (*pitkät virsut*), но старинный обычай угощения хозяев дома табаком сохранился. При этом невесте оставляли залог — обычно деньгами или кольцом. В ответ невеста давала парню шейный или нарядный носовой платок *нэстукки* (*nestukki*). Но у этого носового платка было необычное назначение — его жених закладывал за ленту шляпы при выходе в церковь. Через несколько дней девушка в сопровождении старшей женщины отправлялась в дом жениха «смотреть место для прялки» и возвращала парню полученный ею залог. Но это не означало её отказа, а позволяло парню отступить, если он по какой-либо причине передумал. Обычно же парень в скором времени нёс залог обратно, подтверждая своё предложение. Затем помолвку оглашали в церкви. На оглашение жених и невеста приезжали порознь, а затем жених со сватом отправлялись в дом невесты, где договаривались о дне свадьбы, числе гостей, обсуждали размер приданого.

Приданое невесты состояло из трёх частей: во-первых, родители ей давали корову-нетель, несколько овец и кур. Кроме того, невеста брала сундук с запасами белья, своими рубашками, юбками, зимней одеждой, свою прялку, серп и грабли.

Обряд «величания» свекрови: невеста с подружками везёт её в баню.
 Дер. Малккила (часть дер. Алапурскова) прихода Скуоритса.
 Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

Третьей частью приданого был короб с подарками новой родне и важным гостям на свадьбе: рубахи, пояса, полотенца, варежки, чепцы. Чтобы собрать нужное количество подарков, невеста часто прибегала к соседской помощи — обходила ближние деревни вместе с пожилой родственницей, которую называли *саува* (*sauva* — *посох*). Обычно им в подарок давали необработанную шерсть и лён, пряжу, готовые вещи или просто деньги. Этот старинный обычай взаимопомощи назывался «хождение волками» — *сусиминэн* (*susiminen*).

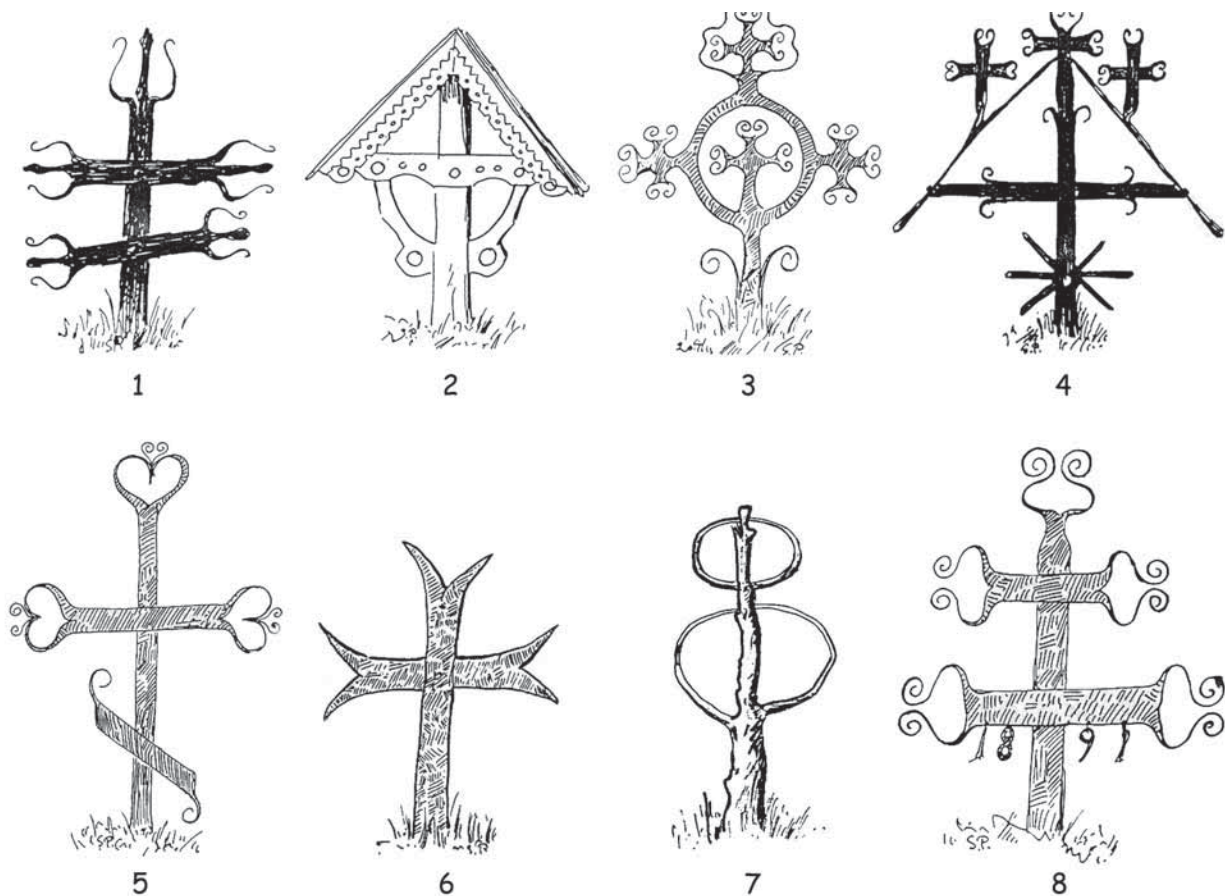
Сам свадебный обряд разделялся на две части: «уходы» *ляксияйсэт* (*läksiäiset*) проводили в доме невесты, а собственно свадьба *хяат* (*häät*) праздновалась в доме жениха, и гостей приглашали в оба дома отдельно. И «уходы», и свадьба сопровождалась древними обрядами «оберега», причитаниями невесты и многочисленными песнями.⁹⁸

ПОХОРОННЫЕ ТРАДИЦИИ

В похоронной обрядности ингерманландских финнов сильны нормы лютеранства, но сохранились и древние воззрения. Так, полагали, что перед смертью к умирающему могли приходить невидимые существа, и если человек в течение жизни преступал законы церкви, то они могли мучить его. В момент смерти тело человека покидал только дух *хэнки* (*henki*), в то время как душа *сиэлу* (*sielu*) ещё некоторое время находилась около тела и могла слышать слова живых. Поэтому к умершему относились одновременно и с уважением, и с боязнью его возврата и мести. Когда покойника в гроб выносили из дома, ложкой, которой он пользовался при жизни, трижды обводили вокруг гроба, затем хозяин или хозяйка дома её ломали и обломки бросали вслед гроба со словами «это твоя доля, другой не получишь». И воду, оставшуюся после мытья места, где лежал покойник, тоже считали принадлежащей мёртвому, и выливали её вслед унесённому гробу. Солому, на которой лежал покойник и жердь-мерку для гроба уносили в могилу. Гроб везли на повозке, куда нельзя было запрягать своих лошадей, но лишь соседских — иначе бы смерть осталась в доме умершего.⁹⁹

Хоронили покойных обычно на третий день на приходских лютеранских кладбищах в присутствии пастора. По народным представлениям ингерманландских финнов, загробная жизнь мало отличалась от земной. Поэтому покойника при похоронах нужно было проводить «с припасом»: ещё в конце XIX века в гроб клали хлеб и пироги, ножи и сети, изредка — деньги. И в наши дни этот древний обычай соблюдается в некоторых деревнях.

Основной принцип лютеранского захоронения — его безымянность и отсутствие индивидуализирующих черт. Ведь могила — лишь место захоронения телесной оболочки, утратившей душу с её личными проявлениями, и единственным надмогильным знаком должен служить четырёхконечный крест без указания имён и дат. При этом в Западной Ингерманландии на Нижней Луге традиционным деревянным крестам придавали индивидуальные черты с помощью графических знаков собственности — «домовых знаков» *талон меркум* (*talon merkit*) и, иногда, указания даты смерти. На рубеже XIX-XX веков в Ингерманландии стали распространяться удивительно красивые кресты самых разнообразных форм. В северных, восточных и центральных ингерманландских приходах деревенские кузнецы создавали настоящие произведения искусства — железные надмогильные кресты «прорастали» загадочными цветами, флюгерами, звенящими на ветру подвесками. В Центральной Ингерманландии изготавливали порой и необычные кресты из стволов и веток деревьев.¹⁰⁰

Намогильные кресты лютеранских финских кладбищ: 1 — из прихода Инкере; 2 — из прихода Спанккова; 3 — из прихода Серепетта; 4 — из прихода Лииссиля; 5 — из прихода Ропсу; 6 — из прихода Венйоки; 7 — из прихода Купанитса; 8 — из прихода Хиетаянки. По рисункам С. Паулахарью. 1911 год.
Архив Общества финской литературы (SKS).

О жизни после смерти в Ингерманландии ходило много рассказов. В приходе Молосковицы, как и во многих других местах, считали, что души умерших могут подавать голос, и когда завывает ветер, это, на самом деле, плачут забытые души. Финны многих деревень знали, что мёртвые могут получать еду от живых, и поэтому матери умерших детей никогда не ели первую землянику, выросшую на камнях — она должна была достаться мёртвым. Мёртвые могли ходить, особенно если во время похорон что-то не то было сказано, либо сделано неправильно, либо было обещано умирающему, но не выполнено. Такие покойники могли наслать болезни людям и скоту, принести в дом несчастья. По мнению ингерман-

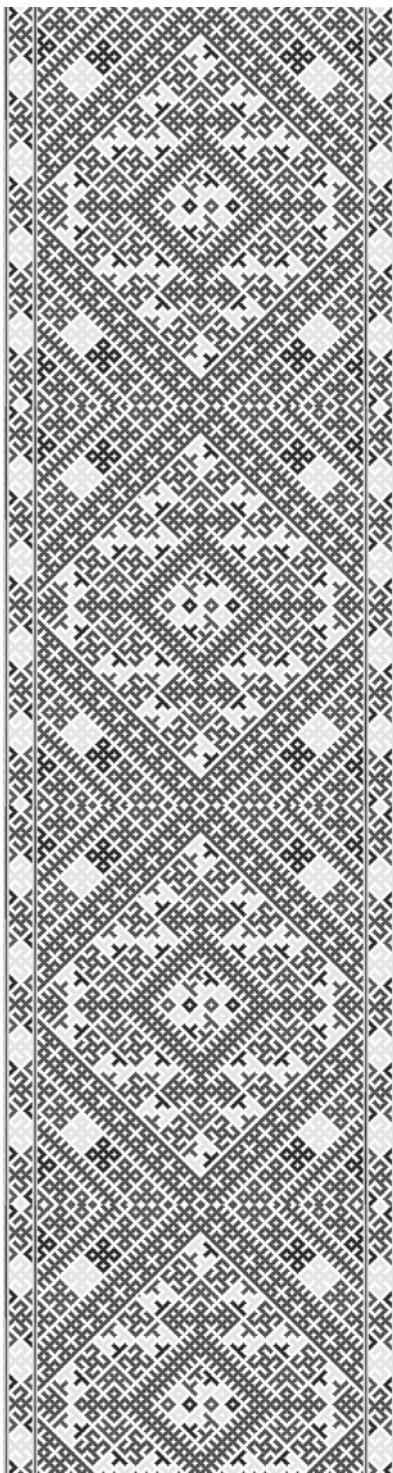
ландских финнов, этих «ходящих» покойников могли видеть «четырёхглазые» собаки, у которых над глазами были пятна, и на ночной вой таких собак обращали особое внимание.¹⁰¹

Обязательным было проведение поминок. Первыми были поминки через 9 дней, когда кто-либо из домашних посещал могилу. Самыми важными были шестинедельные поминки *куусвииккойсэт* (*kuusviikkoiset*). Готовили особую еду, варили пиво и обязательно мыли избу, как перед большими праздниками. Но уборкой можно было заняться лишь в четверг. И если было мало сил, то непременно надо было вымыть место под столом — «туда покойники приходят в гости». Важны были и годовые поминки, и общие для всех дни поминовения мёртвых.

Поминки на 9-й день на кладбище в дер. Калливиери (Калливере) прихода Косемкина.
Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

КАЛЕНДАРЬ И НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

В народном календаре ингерманландских финнов можно найти и древние магические языческие черты, и отголоски католического календаря, когда-то имевшего хождение в Финляндии, и строгие нормы лютеранского вероучения, в XVI веке охватившего северные страны. Видны в нём и влияния православных соседей — русских, ижоры и води. Счёт времени вёлся по месяцам и неделям, но главными «опорными точками» в годовой жизни ингерманландского финна были праздники. К ним привязывали начало полевых и домашних работ, по ним определяли будущую погоду и даже жизнь. Праздники делили год на определённые периоды, придавая чёткость, понятность и размеренность существованию.

Просто было запомнить годовой порядок, соединяя праздники и счёт по месяцам, как это делали когда-то в приходе Губаницы:

*Joulust kuu Puavali,
Puavalist kuu Mattii,
Matist kuu Muarujaa,
Muarijast kuu Jyrkii,
Jurist kuu juhanuksee,
Juhanuksest kuu Iilaa,
Iiliast kuu Juakoppii...*¹⁰²

От Рождества месяц до Павла,
От Павла месяц до Матвея,
От Матвея месяц до Марии,
От Марии месяц до Юрьева дня,
От Юрьева месяц до Юханнуса,
От Юханнуса месяц до Ильи,
От Ильи месяц до Якова...

Мы кратко расскажем лишь об основных праздниках ингерманландских финнов по календарному порядку их следования.¹⁰³

ЯНВАРЬ

Январь известен в Ингерманландии и под обычным финским именем «осевой месяц» *таммикуу (tammikuu)*, называли его и «первым сердцевинным месяцем» — *энсиммийнэн сюдэнкуу (ensimmäinen sydänkuu)* и «зимним праздничным» — *талвипюхяйнкуу (talvipyhäinkuu)*.¹⁰⁴

Уусивуоси (1.01)

Название новогоднего праздника в разных ингерманландских говорах звучало по-разному: и *уусивуоси (uusivuosi)* и *уувеввуувей (uuvvevvuuvvej)*. Отсчитывать начало года с первого января было у финнов давней церковной традицией. Празднование нового года началось в финских церквях ещё в 1224 году. Но в деревнях Ингерманландии в этот церковный праздник влились древние языческие верования. Так, полагали, что первые действия в новом году определяют год, и первый новогодний день является образцом всего последующего года. Каждое движение, каждое слово этого дня обрубает другие возможности, уменьшает выбор и создаёт устойчивый порядок. Поэтому важно было строго соблюдать последовательность хозяйственных работ, быть сдержанным в словах и доброжелательным к домочадцам и соседям.

И обязательно, как обычно происходило перед всеми важными праздниками, в канун нового года девушки гадали. Как и в домах русских и ижорских соседей, финки лили олово и по получившимся фигурам распознавали своё будущее, а самые смелые в тёмной комнате при свете свечей выискивали жениха в зеркале. Если девушка надеялась увидеть во сне жениха, то она делала из спичек колодезный сруб, который прятала под подушку. Во сне будущий жених должен был непременно появиться у колодца, чтобы напоить лошадь.

Были и «страшные» гадания: ходили «слушать» на перекрёстках — ведь именно там в новогоднее и пасхальное время и в канун летнего праздника *Юханнус* собирались духи. Но перед этим обязательно обводили круг вокруг себя, чтобы злые силы не тронули человека. Стоя в таком круге, подолгу слушали знаки приближающегося события. Если слышался треск или грохот повозки, это значило хороший урожайный год, а звук заточки косы был знаком будущего неурожая. Музыка предвещала свадьбу, стук досок означал смерть.

Гадание «кто первый выйдет замуж». Дер. Малккила (часть дер. Алапурскова)
прихода Скуоритса. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

Злые духи были подвижны и сильны особенно с Рождества до Крещения, но они не могли проникнуть внутрь через «крещёные» окна и двери. Поэтому на дверях и окнах хозяева делали крестовые знаки, обычно углём или мелом. А в Западной Ингерманландии в каждый праздник дом «крестили» по-разному: в Рождество — мелом, в новый год — углём, а в Крещение — ножом. Крестовыми знаками защищали также двор и сарай.

Все ждали наступления утра нового года и вглядывались в дверь, ведь если первым в дом зайдёт гость-мужчина, то тогда будет большой приплод у скота, но приход женщины всегда приносил несчастье.

В новогоднее утро следовало съездить в церковь, а на обратном пути домой устраивали езду на лошадях наперегонки, чтобы в этом году все работы выполнялись в срок. Верили, что самый быстрый наездник будет первым во всех делах целый год.

Новогодний день проводили обычно в семейном кругу. В этот день на стол ставили всё самое лучшее: мясное жаркое и селёдочный салат, студень, мясной

или грибной суп, рыбу в разных видах, ягодный компот и клюквенный кисель. Пекли капустные, грибные, морковные и ягодные пироги, любили пироги с яйцом и рисом и ватрушки с вареньем. В эти дни должно было быть много угощений, ведь если еда на столе заканчивалась до конца праздников, это говорило о том, что в дом придёт бедность. Вечером молодые собирались танцевать и играть, особенно предпочитали игру в залог (фанты), жмурки и хороводы.

Лоппийнэн (6.01)

Этот праздник посвящён описанному в Евангелии крещению Иисуса Христа Иоанном Крестителем в реке Иордан. У финнов-лютеран Крещение *лоппийнэн* (*loppiainen*) — церковный праздник. Но в Ингерманландии были и свои народные обычаи, связанные с этим днем. У православных соседей в этот день происходило освящение воды, и зачастую в крестных ходах можно было увидеть и финнов.

В финских деревнях Западной Ингерманландии, где долго сохранялись старинные обычаи, молодые девушки в Крещение пытались различными способами узнать свою судьбу. В крещенскую ночь девушки кричали на перекрёстке дорог: «Звучи, звучи голос дорогого, лай, лай, собака свёкра!». С какой стороны зазвучит голос, либо раздастся собачий лай, туда девушку заберут замуж.¹⁰⁵ Гадали и так: девушки в крещенский вечер брали зерно и насыпали его на землю. Сколько было девушек, столько кучек зерна делали, а потом приносили петуха. Чью кучку петух сначала клюнет, та девушка первой замуж выйдет. Можно было подмести вечером в канун Крещения пол, собрать мусор в подол, побежать с голыми ногами на перекрёсток дорог, а если не было в деревне перекрестка, то в начало дороги. Затем следовало положить сор на землю, встать на него и слушать: откуда собаки залают — оттуда и сваты приедут, с какой стороны колокола зазвонят, туда возьмут замуж.

ФЕВРАЛЬ

Этот месяц носил разные названия: «жемчужный месяц» *хельмикуу* (*helmikuu*), «второй сердцевинный месяц» *тойнэн сюдэнкуу* (*toinen sydänkuu*), «свечной месяц» *кюуннелькуу* (*kuunnelkuu* — это название, считают, было заимствовано из эстонского народного календаря).¹⁰⁶ Обычно на февраль выпадало празднование Масленицы.

Ласкиайнэн

Ласкиайнэн — это финская Масленица. Строгой даты этот праздник не имел, и его отмечали за 40 дней до Пасхи. Финское название этого праздника *ласкиай-*

нэн (*laskiainen*) происходит от слова *laskea* — *опускаться*. По мнению финских исследователей, это связано с идеей «опускания» «погружения» в пост (ведь во времена финского католицизма после этого дня начинался предпасхальный пост), а Пасха получила финское название *пясияйнэн* (*pääsiäinen*), что означает «выход» (из поста).

В народном календаре Масленица связана с женскими работами, и праздник считался «женским». Первую половину дня все работали, но было запрещено использование нитей и прядение, иначе, говорили, летом случится много плохого: или овцы заболеют, или коровы повредят ноги, змеи и мухи будут беспокоить, а может и «ударить грозой».

В этот день пол подметали много раз, и мусор выносили далеко, так как верили, что тогда поля будут чистыми от сорной травы. Домашние хлопоты старались закончить пораньше — «тогда и летние работы пройдут быстро и вовремя».¹⁰⁷ Потом все ходили в баню и садились за ранний ужин. Во время еды нельзя было разговаривать, иначе «летом насекомые замучают». На Масленицу всегда ели мясную еду в соответствии с поговоркой: «На Рождество надо пить, а на Масленицу есть мясо». Еды должно было быть много, так чтобы стол не пустел весь день, при этом говорили: «Пусть весь год столы будут полны, как сегодня!». А сами угощения должны были быть жирными: «чем больше жир будет блестеть на пальцах и ртах, тем больше свиньи летом мяса нагуляют, коровы будут лучше доиться, и тем больше хозяйки набивают масла».¹⁰⁸ Одним из главных угощений на столе были варёные свиные ножки, но оставшиеся после еды кости обязательно уносили в лес и закапывали под деревьями, считая, что тогда лён будет расти хорошо. Возможно, в этом обычае проступают черты древнего поклонения деревьям и принесения им жертв.

Главным развлечением было катание с гор во второй половине дня. Катание, богатый урожай и рост «особенно высокого» льна — всё сплелось в проведении Масленицы в Ингерманландии. В приходе Кельтто съезжая с горы кричали: «Хэй, хэй, хэй, длинного, белого, крепкого льна и прочного полотна, такого высокого льна, как эта гора!»¹⁰⁹ А финны из западной деревни Калливиери выкрикивали: «Катись, катись, масленица! Высокий лён катящимся, низкий — спящим, маленький — на скамейке сидящим! Кто не придёт кататься, у того лён вымокнет, к земле пригнётся!».¹¹⁰ Катались и на санках, и на дно старого корыта намораживали лёд, и в старом сите замораживали воду, и на нём можно было быстро и весело спускаться с горы, держа в руках кочергу или ухват, украшенный лентами, и соломенную куклу *ласкиайсукко* (масленичный дед).

В эти дни была сильна архаичная женская магия плодородия. В Северной Ингерманландии в приходе Мииккулайнен Масленицу отмечали по старинным

Катание на Масленицу в приходе Скуоритса. Фотография А. Хямяляйнена.
1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

обычаем, катаясь с гор «с голым задом», чтобы передать «рождающую силу» льну. А в Центральной Ингерманландии, женщины, побывав в бане, спускались голыми с горы с веником на голове, если хотели хорошего высокого льна.¹¹¹ При спуске с горы желали дому и другого богатого урожая: «Пусть рожь вырастет большой, как бараньи рога! И ячмень такой, как еловые шишки! И овцы будут шерстяными, как очёсы кудели! И коровы пусть доятся потоком!».

Там, где не было гор (да и там, где они были!), отправлялись кататься на лошадях в соседние деревни, оплачивая лошадь и труд возницы. И поэтому во многих местах этот день называли «великим катальным днем». Упряжь лошади украшали цветной бумагой и соломой, поверх седла привязывали большую со-

Масленица в Петербурге. Катание «на вейках». Живописная Россия I. Спб.- М., 1881 год.

ломенную куклу *суутари*, как если бы она управляла этой лошадью (подробнее о таких куклах мы расскажем при описании Рождества). О таких соломенных *суутари* пели: «Господь сидит на дуге, любимый на оглоблях, едет в городских лентах...».¹¹² В окрестностях Гатчины всю Масленицу возили с собой соломенного «масленичного деда» и кочергу с расписными лентами. За лошадью привязывали много санок друг за другом, при этом обычно девушки и юноши собирались в разные сани. Во время езды девушки пели катальные песни, в которых прославляли извозчика, лошадь, всех молодых и родные места. Ведь не случайно в Западной Ингерманландии говорили: «Кто не поёт на масленицу, тот и летом петь не будет».

Зимой, особенно в православную масленичную неделю, ингерманландские финны отправлялись в города работать извозчиками, где их знали под именем «вейка» (от финского *veikko* — *братец*). На финских санях можно было промчаться не только по петербургским улицам, но и по льду Невы, съездить в Царское село, Гатчину и Петергоф. Езда на «вейках» закончилась в начале первой мировой войны, когда и мужчины, и лошади были забраны на войну.

МАРТ

Основное название март *маалискуу* (*maaliskuu* — *земляной месяц*) получил потому, что в это время земля показывается из-под снега: «март землю открывает», «март землю показывает и ручьи наполняет». Другие названия месяца в Ингерманландии — *ханкикуу* (*hankikuu* — *месяц наста*) и *пальвикуу* (*pälvikuu* — *месяц проталин*).¹¹³

Мариан пяйвя (25.03)

Благовещение Девы Марии — *мариан пяйвя* (*Marian päivä*) — в финской Ингерманландии называли Красной Марией (*Puna-Maaria*). При этом обязательно обращали внимание на погоду: «Если на Марию земля не покажется, то и на Юрьев день лето не придёт». ¹¹⁴ В приходе Скворицы считали, «что в Марию на крыше, то в Юрьев день на земле», ¹¹⁵ а в приходе Косемкина на реке Луге говорили: «Если в красную Марию оттепель, то год будет ягодным». ¹¹⁶ На Марию девушки заботились о своей красоте и ели собранные в предыдущую осеннюю Марию клюкву и другие красные ягоды, чтобы щёки оставались красными весь год.

Пяасияйнэн

В финском языке название праздника Пасха — *пяасияйнэн* (*pääsiäinen*) — происходит от слова *päästä* (*освободиться, кончать*), что означало действие выхода или освобождение от поста, греха и смерти. Пасха не имеет строгой даты и обычно празднуется в апреле. Пасхальный период длился 8 дней и начинался в пальмовую или вербную субботу, за которой следовала страстная неделя *пиинавиикко* (*piinaviikko* — *неделя мучений*), когда нельзя было делать ничего шумного или пользоваться острыми предметами. Считалось, что в это время души покойников двигаются вокруг людей, забирая им предложенную еду и давая знаки о будущих событиях.

Первым днём было пальмовое воскресенье *пальмусуннунтай* (*palmusunnuntai*). Заранее собирали ветки вербы с красной корой и ставили в воду, чтобы появились листья. К веткам прикрепляли разноцветные лоскутки ткани, бумажные цветы и фантики от карамели, добавляли («для зелени») стебли брусники и ветки можжевельника. С «вербованием» связана мысль об очищении и изгнании злых духов, поэтому сначала вербовали себя, затем членов семьи и животных. Важно было вербовать рано, ещё до рассвета, когда злые силы начинали двигаться, поэтому часто вербующие застигали спящих врасплох.

В Ингерманландии был обычай дарить свой вербный букет, и такие «подарки» хозяйева клали за дверной косяк или между ставнями. Считалось, что эти вер-

бы придавали скоту здоровье и охраняли хозяйство, поэтому ими в Юрьев день (в день первого выгона скота) выгоняли животных на пастбище. После этого ветки бросали в воду или уносили на поле и сажали «расти», полагая, что это улучшит рост льна.

При вербовании пели песни, в которых желали здоровья и богатства, благополучия скоту и хорошего урожая:

<i>Kui monta urpaa,</i>	<i>Как много вербы,</i>
<i>Nii monta uuttii.</i>	<i>Так много ягнят.</i>
<i>Kui monta varpaa,</i>	<i>Как много прутьев,</i>
<i>Nii monta vasikkaa.</i>	<i>Так много телят.</i>
<i>Kui monta lehteä,</i>	<i>Как много листьев,</i>
<i>Nii monta lehmää.</i>	<i>Так много коров.</i>
<i>Kui monta oksaa,</i>	<i>Как много веток,</i>
<i>Nii onta onnea.</i>	<i>Так много счастья.</i>
<i>Kui monta oksaa,</i>	<i>Как много веток,</i>
<i>Nii mont orrii.¹¹⁷</i>	<i>Так много жеребцов.</i>

В качестве ответного подарка дети просили гостинцы *куостиа* (*kuostia*) — кусок пирога, ложку масла, иногда деньги. Но угощения забирали лишь через неделю, в пасхальное воскресенье.

Пасхальный четверг *киираторстай* (*kiiratorstai*) был днём очищения от греха и всего плохого. По мнению финнов, *киира* (*kiira*) — некая злая сила, существо, живущее во дворе, и его следовало в этот день прогонять в лес. Но исследователи считают, что это слово произошло от старо-шведского названия этого дня — *skirslapoordagher* (*очистительный, чистый четверг*).¹¹⁸ Финские крестьяне переосмыслили этот праздник и непонятное его название. *Киира* три раза обвозили вокруг дома, и делали на всех дверях комнат мелом или глиной круг, а в центре — крест. Верили, что после совершения таких действий злые силы уйдут, и змеи не появятся летом на дворе. В этот четверг нельзя было совершать никаких работ, связанных с кручением — нельзя было прясть и вязать веники, иначе опять не избежать прихода змей.

В пасхальную пятницу *питкяперьянтай* (*pitkäperjantai*) была запрещена любая работа. Ходили в церковь, но в гости ходить было нельзя. Считалось, что эта пятница и суббота *ланкалауантай* (*lankalauantai*) — худшие дни в году, когда все злые силы приходят в движение, а Иисус ещё спит в могиле и не может никого защитить. Кроме того, по миру начинают ходить и летать, нанося вред, ведьмы и злые духи. Также, как в рождественское и новогоднее время, от них защищали

двери и оконные проёмы, ставя крестовые знаки и благословляя постройки, животных и жителей. В эти дни хозяйкам и самим можно было прибегнуть к магическим действиям, чтобы увеличить своё богатство, особенно в скотоводстве, поэтому чаще всего колдовали над соседскими коровами и овцами. И утром следующего дня неосторожные хозяева могли найти у себя в хлеву следы чужого колдовства — выстриженную шерсть у овец, вырезанные или выжженные кусочки кожи у коров (колдовавшие соседи затем их прибавляли к дну своих маслобоек, чтобы перенять чужую удачу).

В пасхальную субботу у ингерманландских хозяек были предпраздничные хлопоты. В это время припасы уже заканчивались, а праздничный стол требовал богатого угощения. Особенно вкусны на Пасху были закрытые пшеничные пироги с рисовой крупой, с творогом или «крепким молоком». Обязательной пасхальной едой в ингерманландских деревнях также было яичное масло и крашеные куриные яйца. Яйца чаще всего красили либо луковой шелухой (и тогда получали оттенки красного цвета от бледно-розового до тёмно-кирпичного), либо листьями веников (получались красивые жёлтые и зелёные цвета).

И вот, наконец, наступало пасхальное воскресенье. Ясная погода утром говорила о будущем хорошем урожае зерна и ягод. Если солнце было в облаках, то ожидали, что заморозки погубят цветы и ягоды, и лето будет дождливым. А если шёл дождь, то все ждали холодное лето. Долго в Ингерманландии сохранялся старинный обычай, когда в пасхальное утро собирались смотреть восход солнца, при этом говорили, что «оно танцует от радости». Предусмотрительные хозяева рано утром обходили свой двор 3 раза, держа в руках острые железные предметы — косу, серп или топор. Полагали, что тогда летом змеи не будут заползать на двор.¹¹⁹ Потом все обязательно ходили в церковь на праздничную службу, и церковь в этот день едва вмещала жителей всех ближних деревень.

В пасхальное утро после церкви дети шли получать гостинцы. Войдя в избу, они здоровались, желали хорошей пасхи и объявляли: «Мы пришли гостинцы забирать». В домах было уже всё приготовлено, и делом чести было отдать то, что вербующие просили неделю назад: яйца, выпечку, сладости, фрукты или деньги.

На Пасху зажигали костры и начинали качаться на качелях. Костры *кокко* или *тюхявалкеа* (*kokko, pyhävalkea*) — старая дохристианская традиция. Их сооружали обычно в канун Пасхи на высоких местах вблизи полей, выгонов для скота и привычных качельных мест. Верили, что зажигание костров изгоняет плохую силу и защищает людей. В Ингерманландии были свои собственные

«колёсные» костры, когда старое просмоленное тележное колесо (иногда смоляную бочку) крепили к высокому столбу и зажигали, и оно долго горело как «ночное солнце».

В ингерманландских деревнях издавна было распространено качание на качелях. Этот древний весенний обряд был связан с культом плодородия и когда-то был распространён и у ижор, эстонцев, карел и многих других народов. Качание начиналось именно в Пасху, и качели *кэйнуйя* и *лиеккуйя* (*keiniija, liekkiija*) становились местом встреч для молодёжи всю весну и лето. Их ставили на опушке леса, на прогонах, в сараях и овинах. На самых больших качелях, сделанных из

Качели в дер. Киккеритса (Кикерицы) прихода Новасолкка.
Фотография А.О. Вайсянена. 1914 год.

толстых брёвен и больших крепких досок, могло усесться до 20 девушек и 4–6 парней стоя раскачивали их, держась за верёвки или оглобли, на которых было подвешено сиденье.

Качельные песни пели обычно девушки, при этом одна из них была запевалой *эйссялаулуйя* (*eissälauluja*), а другие подпевали, подхватывая последнее слово и повторяя строфу. Таким образом, можно было выучить новые песни. В Ингерманландии собрано около 60 качельных песен, певшихся на пасхальных качелях. Обычными темами таких песен было происхождение качелей, сделанных либо братом, либо гостем, качество качелей и советы качающимся. Так пела в 1901 году Мария Пурлакка из прихода Тюрё:

<i>Ko on liekki leppiäinen,</i>	<i>Когда качели славные,</i>
<i>Siit on velloine tekemä.</i>	<i>Они братом сделаны.</i>
<i>Ko on liekki kankiainen,</i>	<i>Когда качели кривые,</i>
<i>Siis on vierahan tekemä.</i>	<i>Они чужим сделаны.</i>
<i>Suuri kiitos, kost' Umala</i>	<i>Благодарение Богу</i>
<i>Meijen potrilte pojille!</i>	<i>Да нашим парням-молодцам!</i>
<i>Nostiit meill' kokon kopian,</i>	<i>Собрали всю нашу компанию,</i>
<i>Meijen kaijoille ka'ule,</i>	<i>На нашу узкую улицу,</i>
<i>Uhkihille uulitsoille.¹²⁰</i>	<i>На широкие улицы.</i>

Те молодые, которым не удалось попасть на качели, пели «круговые песни» *ринкивирсийя* (*rinkivirsiä*), кружась в хороводах и ожидая своей очереди.

С начала XX века столбовые качели стали исчезать, хотя местами их ставили ещё и в 1940-е годы.

АПРЕЛЬ

Финское название апреля *хухтикуу* (*huhtikuu*) произошло от старинного слова *huh* (*хвойная пожога*). В Ингерманландии этот месяц известен и под названием *махлакуу* (*mahlakuu*) — от слова *mahla* (*древесный сок*).¹²¹

Юрьён пнявя (23.04)

В Ингерманландии Св. Георгию приписывали успех в весеннем севе, и ему поклонялись как защитнику домашних животных. В Юрьев день *юрки* или *юрьён пнявя* (*jurki, jrjön päivä*) первый раз после зимы скот выгоняли на пастбище. Верили, что защита святого Георгия, как хозяина леса, «закрывающего рты вол-

кам», и хранителя скота, простирается всё время летнего выпаса до осенних дней *миккели* или *мартина*.

Ещё до начала выпаса скота, хозяйки и пастух совершали различные магические действия, которые должны были предохранить стадо от несчастных случаев и диких животных.

Самую сильную защиту давали железные предметы. Для этого топоры, лопаты, кочерги, ножи и другие железные предметы клали поверх или снизу ворот и дверей, через которые животные выходили на прогон. Охранять животных могли и «священные» деревья, а увеличению стада помогала магия. В начале XIX века писали: «Когда утром в Юрьев день коров на улицу выгоняют, сначала на прогоне берёт хозяйка нож между зубами и обходит 3 раза вокруг животных. Потом ещё берет рябину, отрубает ей вершину, составляет вместе, кладёт поверх ворот или дверей, ломает ветки рябины, под ними выгоняет животных наружу. Некоторые хозяйки залезают сами поверх ворот или дверей и выгоняют на улицу животных промеж ног». ¹²²

Верили, что и смола может защитить животных. Так, в приходе Тюрё перед выгоном коровы первый раз весной её мазали смолой у основания рогов, у основания вымени и под хвостом и говорили: «Будь такой горькой, как горька смола!». Считалось, что дикие звери не тронут такую «горькую скотину». ¹²³

Ещё осенью из урожая прошлого года выпекали большой «посевной хлеб» с изображением креста, который хранили всю зиму. А в Юрьев день всю богатство прежнего урожая и охранительную силу креста можно было передать домашним животным. Для этого хозяйки клали хлеб в решето, поверх его — соль и ладан, всё это несли в хлев, и там кусок хлеба давали коровам.

В юрьевские обычаи у ингерманландских финнов входило и обливание пастуха до выгона скота или во время возврата стада домой. Но чаще всего ведро воды выливали на любого встречного, веря, что это принесёт удачу и благосостояние.

МАЙ

В Ингерманландии этот месяц называли и «посевным месяцем» *тоукокуу* (*toukokuu*), и «месяцем листвы» *лехтикуу* (*lehtikuu*), и «месяцем молний» *саламакуу* (*salamakuu*). ¹²⁴ Обычно на май приходилось празднование Вознесения.

Хелаторстай

Вознесение *хелаторстай* (*helatorstai*) у ингерманландских финнов считается одним из самых главных церковных праздников. Его отмечают на 40-й день пос-

ле Пасхи в память о чудесном вознесении Христа. Название этого дня происходит из старо-шведского языка и означает «святой четверг».

Дни между Вознесением и Петровым днем (29.6) были самыми главными в крестьянском году. Это время, когда злаки начинают цвести, и все чрезвычайно боялись всевозможных губительных явлений, и не только погодных, но и со стороны умерших. Вообще в Ингерманландии почитанию покойников уделяли большое внимание. Но в это время их не только, как обычно, умиловляли принесением еды и питья в жертву, им ещё и угрожали праздничными кострами, веря, что покойники боятся огня. Кроме огня можно было использовать в качестве оберега железо и воду, красный цвет и сильный крик. И чем ближе подступало время цветения, тем больше возрастала напряжённость. Поэтому с Вознесения девушки начинали ходить в красных юбках и с красными платками на плечах вдоль деревенских улиц и полей, распевая громкие песни.

Хеллунтай

Троицу *хеллунтай* (*helluntai*) проводят через 50 дней после пасхи между 10 мая и 14 июня. Троица в Ингерманландии — не просто значимый церковный и народный праздник. Этот праздник сами ингерманландские финны считали более важным, чем даже *юханнус*! Он известен и под именем «праздники четырех» — *нэльяттюхят* (*neljättyhät*), потому что его празднование длилось 4 дня.

В канун Троицы во всех домах проводили большую уборку и после того ходили в баню. Не случайно финские собиратели фольклора отмечали: «Уборка и очищение комнат и людей имеют бóльшее значение здесь, чем в целом в Финляндии. Когда наступает какой-либо праздник, например, Троица, тогда женщины спешат убирать избы и стирать. Стены чёрных изб они отскребают добела ножами или другими железными предметами».¹²⁵ На этот праздник съезжались родственники и знакомые из соседних и дальних деревень и оставались праздновать несколько дней. Поэтому к этому празднику готовились основательно: готовили колбасы, жаркое, «сладкие супы», запекали в ржаном тесте ветчину, жарили рыбу. Но самым главным угощением были пироги, и известно, что иногда (как, например, в деревне Ристола прихода Тюрё) на троицины пироги в семье уходило до двух пудов пшеничной муки (а это почти 33 кг!).¹²⁶

После церковной службы главным общим событием в деревне было зажигание «святых» костров *хэлавалкиа* (*helavalkia*). Древнее происхождение этих костров доказывается тем, что они зажигались не обычным способом, а трением толстых сухих лучин друг о друга. Такие костры в приходах Венйоки и Лииссиля зажигали в Троицу все четыре вечера подряд.

Гуляние в Хеллунтай (на Троицу). Дер. Питкяля (Питкелево) прихода Спанккова. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

Когда парни заканчивали сооружать костёр, девушки собирались на деревенской улице, готовясь к праздничному гулянию. Они брали друг друга за руки, образовывали «длинный круг» и пели длинные «калевальские» песни. Запевала пела начальную строфу, и весь хор повторял или всю строфу, или только последние слова. Запевала выводила: «Приходите вы, девушки, к ночным кострам, хой!». Хор подхватывал: «Ай, ло-лээ, к ночным кострам, хо-ой!». К троицыну костру должны были придти все деревенские девушки, и никто не осмеливался уйти прочь, даже если бы хотел. В приходе Коприна собирались к костру под такую песню:

*Lähtekäät tytöt kokoille,
Vanhat ämmät valkialle!
Tuokaa tulta tullessanne,
Kekäleitä kengissänne!
Kuka ei tule tulelle,
Eikä vaarra valkialle,
Sille tyttö tehtäköön,
Rikinäksi ristiköön!*¹²⁷

*Собирайтесь девушки к кострам,
Старые бабки к кострам!
Приносите огонь приходя,
Головни в своих башимаках!
Кто не придёт к огням,
Не рискнёт (подойти) к кострам,
Тому девочку пусть сделают,
Сломанной пусть окрестят!*

Угроза могла звучать и так: «Пусть у того родится мальчик, станет гончаром!»,¹²⁸ — ведь работа гончара в деревнях считалась грязной и тяжёлой.

Вечер на Троицу был завораживающим зрелищем: сотни двигающихся ярко одетых девушек, равномерный глуховатый топот ног, резкий радостный голос запевалы и мощный многоголосно отзывающийся хор!

Когда девушки прибывали на костровое поле или костровую гору *коккомьяки* (*kok-kotäki*), парни зажигали костёр. На троицыных кострах сжигали просмоленные колёса, бочки, пни деревьев. Там следовало сжечь соломенных кукол *суутари* (подробнее о них читайте в описании Рождества), которых не сжигали на других праздничных кострах. Когда огонь разгорался, девушки останавливали свои хороводы и прекращали пение, и все взгляды были прикованы к костру в ожидании, когда вспыхнет *суутари*. И когда, наконец, пламя охватывало соломенное тело, все кричали так громко, «что их легкие могли бы разорваться»!¹²⁹ Не случайно финские исследователи писали, что, только услышав троицыны песни в Ингерманландии, можно представить себе, каков первоначальный смысл праздничного «святого крика».

ИЮНЬ

Июнь в Ингерманландии называли по-разному: и «месяц парового поля» *кэ-сякуу* (*kesäkuu*), и «летний месяц» *сувикуу* (*suvikuu*), и «месяц сева» *кюльвёкуу* (*kuylvökuu*).¹³⁰ Финны из Губаниц говорили об обычных июньских хлопотах: «Три спешки летом: первая спешка — посев яровых, вторая — звонкий сенокос, третья — привычное ржаное дело».¹³¹ Но самым главным событием июня всегда был древний праздник *Юханнус* — день летнего солнцестояния.

Юханнус (24.06)

Хотя праздник официально считался церковным (днём в честь Иоанна Крестителя), но он полностью сохранил свой дохристианский облик, и влияние церкви проступало лишь в его названии *юханнус* (*juhanнус*, от *Juhana* — *Иоанн*). В Западной Ингерманландии этот праздник называли *яани* (*jani*).

В этот праздник летнего солнцестояния важным было всё: и высокие праздничные костры, и песни до утра, и гадания о будущем, и защита от ведьм и сверхъестественных существ, и собственное тайное колдовство.

Главным деревенским делом в эти дни был костёр. В канун праздника поднимали на высокий столб смоляную бочку или старое тележное колесо на «костровых» полях, где ещё недавно горели «святые» вознесенские костры. В береговых деревнях поджигали старые лодки. Но совсем особые «ножные костры» (*sääri*

Девушки на празднике. Дер. Струппова (Струппово) прихода Косемкина.
Фотография В. Алава. 1892 год. Музейное Ведомство Финляндии.

kokko) строили в Северной Ингерманландии. Там ещё за неделю до Юханнуса парни и деревенские пастухи вбивали в землю 4 длинные жерди, которые образовывали квадрат в основании костра. Внутри этих «ног» клали сухие пни и другие бросовые деревья, которые образовывали сужающуюся кверху высокую башню. Костёр поджигали всегда от вершины, но только не спичками, а углями, берестой или лучиной, которые приносили с собой. Когда костёр сгорал, продолжали праздновать, пели, качались на качелях, танцевали.

Согласно дохристианским верованиям, злые духи и ведьмы становились активными и в ночь перед Юханнусом. Верили, что ведьмы способны забрать материальные предметы и пожить за счёт ближнего. Поэтому все бороны и дру-

гие орудия труда должны были быть положены верхом к земле, чтобы ведьмы не унесли хлебную удачу. А хозяйки располагали в окне хлева ухват, чтобы не приходили бы «чужие» доить молоко, и говорили: «Дои мой ухват, а не моих коров!». ¹³² В эту ночь можно было вспомнить и старинное колдовство: нужно было тайно, раздевшись догола и распустив волосы, сесть поверх маслобойки и «взбивать» в ней невидимое масло — тогда весь год коровы будут давать хорошие надои и масло получится хорошим.

Активными в юханнусову ночь становились сверхъестественные силы, особенно одна из них — *nåra* (*para*). *Påra* была в Ингерманландии одним из самых распространённых мифологических существ. Её видели в различных обликах: и огненным колесом, и пылающим шаром с длинным тонким горящим хвостом, и похожей на красную бочку, и в виде чёрной, как смоль, кошки. Она приходила забирать удачу, богатство, зерно с полей и из амбаров, молоко, масло и т.д., и поэтому различали денежные, зерновые и молочные *para*. Тот, кто крестил посуду с едой, мешки с зерном и прочие важные предметы, избегал её приходов. Но каждая хозяйка и сама могла создать себе *para*. Нужно было в ночь на Юханнус пойти в баню или ригу, прихватив с собой берестяной клубок, кусок скрученной бересты и четыре веретена. Из бересты делали «голову» и «тело», а из веретён — «ноги». Затем хозяйка, полностью раздевшись, имитировала «роды», покачиваясь над берестяным «зверем» и трижды приговаривая:

<i>Synny, synny, parasein,</i>	<i>Рождайся, рождайся, para,</i>
<i>Voita, maitoo kantamaan!</i>	<i>Масло, молоко носить!</i>

Особенно важны были на Юханнус гадания, и ими старались достичь счастья себе и благополучия хозяйству. Гадания уже начинались в канун праздника. В Западной Ингерманландии гадали о будущих событиях также при хождении в баню в канун праздника: «Когда вечером в Яани идут мыться, кладут вокруг веника цветы и кладут его в воду, и этой водой моют глаза. Когда после мытья выходят, кидают веник через голову на крышу. Когда на крыше окажется комлем вверх, говорят, тогда умрёшь, а если верхушкой вверх, тогда дальше жить будешь, а когда окажется боком, тогда заболеешь. А если его в реку бросить и ко дну пойдёт, тогда умрёшь, а поверх воды останется, тогда жить будешь». ¹³³ А девушки по положению веника определяли, куда они выйдут замуж: куда веник верхушкой лежит, в ту сторону замуж возьмут.

Также девушки собирали букеты из цветов 8 видов, клали их под подушку и ожидали появления будущего жениха во сне. А те, которые хотели выйти замуж, могли валяться голыми на ржаном поле, принадлежащем дому парня, пока ночная

Танцы *пширилейки*. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

роса не омоет их кожу. Целью было зажечь любовное желание в любимом, когда он позже ел бы хлеб с этого поля. Также верили, что юханнусская роса излечивает болезни кожи и делает лицо красивым. На перекрёстках дорог, где, полагали, собираются души, ходили слушать предвещающие знаки. С какой стороны раздавался звон колоколов, туда девушка выйдет замуж. А при зажигании «ножного» костра каждая девушка выбирала себе какую-либо из костровых «ног»: какая из ног упадёт первой после горения, та девушка выйдет первой замуж, а уж если «нога» останется стоять — то девушка в этом году останется незамужней.

ИЮЛЬ-АВГУСТ

Июль носил название «месяц сенокоса» *хэйнэкуу* (*heinäkuu*), а август — «месяц жита» *элокуу* (*elokuu*) или «гнилой месяц» *мятэкуу* (*mätäkuu*).¹³⁴ Главными заботами в это время было сенокос, сбор урожая и посев озимой ржи. Поэтому и праздники не отмечали, лишь в смешанных деревнях финны-лютеране присоединялись к православным ижорам и русским и праздновали Илью (20.07).

СЕНТЯБРЬ

Этот месяц в Ингерманландии называли и, как по всей Финляндии, «осенним месяцем» *сюускуу* (*syyskuu*), и «месяцем стерни» *сянкиккуу* (*sänkikuu*),¹³⁵ ведь в этот месяц с полей убирали весь урожай, и на полях оставалась лишь стерня. Полевые работы заканчивались, и финны говорили: «Репа — в ямы, бабы — в дом, дети — к печке».¹³⁶

Миккели (29.9)

Миккели был общим и особо почитаемым праздником по всей Ингерманландии. Хотя в католическое время этот праздник был связан с почитанием Св. Михаила, но в его проведении сохранились следы прежних осенних жертвоприношений. Речь идет об особых «миккельских» баранах — их выбирали ещё весной, не стригли, и съедали на празднике, сварив прямо в шерсти (поэтому такого барана называли ещё «шерстяным ягнёнком»).

Во многих финских деревнях *Миккели* был концом выпаса скота на пастбище, и в этот день пастухи праздновали окончание своей работы. Так описывали этот праздник в Северной Ингерманландии: «Праздник *Миккели* проводили в родной деревне широко. Пироги пекли и пиво варили. Родственники приезжали из близ-

ких мест и издалёка. Молодые были в день *Миккели* в пастухах. Это был такой старинный обычай, что пастух получал при заключении договора о плате свободный день, и его место занимали деревенские молодые. Вечером, когда коров пригоняли с пастбища и возвращали в деревню, начинался лучший праздник парней. Из дома в дом тогда ходили, много вёдер пива и пирогов оттуда приносили».¹³⁷

ОКТЯБРЬ

Октябрь был известен в Ингерманландии и под именем «месяц грязи» *локакуу* (*lokaakuu*), и «месяц еды» *руоякуу* (*ruojakuu*).¹³⁸

Катаринан пййвя (24.10)

В католические времена этот праздник был связан с культом Св. Екатерины. Раньше *катаринан пййвя* (*katarinan pöivä*) был в Ингерманландии одним из важнейших праздников, связанных с благополучием домашних животных. Для праздника ставили пиво из особенно тщательно отобранных составных частей, и если курам удавалось попробовать хотя бы одно зерно из солода для катарининового пива, то, считалось, это принесёт несчастье. Утром варили особую «катаринину» кашу, воду для которой следовало взять утром из колодца первой. Кашу относили в хлев и давали вместе с пивом сначала скотине, только затем — людям. Перед трапезой обязательно произносили: «Хорошая Катарина, красивая Катарина, дай белого телёнка, хорошо бы и чёрного, и пёстрый бы пригодился».¹³⁹ А чтобы сохранить скот, молились так: «Хорошая Катарина, красивая Катарина, ешь масло, кисель, не убивай наших коров».¹⁴⁰

Так как причиной смерти святой Катаринины было мученическое колесо, то в этот день нельзя было ни прясть, ни молоть муку на ручных жерновах.

НОЯБРЬ

Общее финское название этого месяца *марраскуу* (*marraskuu*) происходит от слова «мёртвая (земля)» или со значением «месяц мёртвых». В Ингерманландии также знали название «месяц изморози» *кууракуу* (*kuurakuu*).¹⁴¹

Пюхяйппййвя — Сиэлуйенпяйвя (01.11)

Под такими названиями праздновали день всех святых *пюхяйппййвя* (*pyhäin-pöivä*), а на следующий день — день всех душ *сиэлуйенпяйвя* (*sielujen pöivä*), хотя

часто в деревнях их объединяли в один праздник, который отмечали 1 ноября. В Ингерманландии культ мёртвых сохранялся долго среди и финнов-лютеран. Считалось, что осенью в тёмное время года возможен приход покойников в их прежние дома, и что умершие могут двигаться особенно ночью в канун праздника всех святых. Поэтому это время проводили в тишине, а в канун праздника на пол клали солому, чтобы «при ходьбе и ноги не стучали».

Якоайка

В древние времена финский год заканчивался в конце ноября, а следующий зимний месяц (современный декабрь) начинал новый год. Между ними был особый период *якоайка* (*jakoaiika* — *время раздела*), который проводили в разных местах в разное время, присоединяя его или к концу сбора урожая, или к осеннему забою скота. В Ингерманландии время раздела продолжалось со дня всех святых (01.11) до дня Св. Мартина (10.11). По погоде в это время гадали о погоде всего следующего года: погода первого дня соответствовала погоде в январе, второго дня — в феврале и т.д. Время раздела считали опасным — «болезни летят во все стороны». И это было благоприятным временем для гаданий о будущих событиях. Девушки ходили тайно «слушать» под окна изб: какое мужское имя услышишь трижды, с тем именем и получишь себе жениха.¹⁴² Если из комнаты слышалась ругань, то и последующая жизнь будет состоять из ссор, но если слышались песни или хорошие слова, то следовала согласная семейная жизнь. Подобно русским соседям, финки на дворе, повернувшись лицом к дому, кидали за спину обувь: куда ляжет обувь носком, туда и выйдет девушка замуж. Девушки делали из спичек «колодец» и помещали его под свою подушку, надеясь, что настоящий жених появится во сне, чтобы напоить своего коня. Гадали и парни: вечерами запирали на замок колодец, предполагая, что настоящая невеста придёт ночью во сне «забрать ключи».

Время раздела было старым праздничным временем, когда многие тяжёлые повседневные работы были запрещены. Нельзя было стирать бельё, стричь овец, прясть и резать животных — считалось, что нарушение запретов приведёт к болезням домашних животных. Это было временем отдыха, когда ездили к родственникам или делали лёгкие работы внутри дома. В эти дни мужчинам хорошо было чинить и вязать сети, а женщинам вязать носки. У соседей ничего не просили, но и ничего не давали из дома, так как верили, что на место отданного новое не придёт. Позднее эти опасения по поводу взятой собственности или потери удачи перешли на время Рождества и кануна нового года, как и многие другие обычаи и запреты.

Гадание по обуви «куда выйду замуж». Дер. Малккила (часть дер. Алапурскова) прихода Скуоритса. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год.
Музейное Ведомство Финляндии.

Мартинняйвя (10.11)

Издавна в Ингерманландии *мартинняйвя* (день Св. Мартина) считали таким же большим праздником, как Рождество или Крещение, ведь раньше в эти дни крепостным давали свободное время.

В Ингерманландии в этот день дети ходили в рваных одеждах «нищими Марти» из дома в дом, колядуя и распевая мартинские песни, водя хороводы и прося еду. У старшей запевалы был в коробе песок, который она разбрасывала по полу, желая дому удачи в хлебе и скоте. Часто каждому члену семьи что-нибудь желали: хозяину — «десять хороших лошадей, чтобы все в повозке ходили»,¹⁴³ хозяйке — «руки — хлеб месить, пальцы — масло замешивать, и полные амбары», хозяйским сыновьям: «снизу — шагающую лошадь, сверху — справный шлем», а

дочерям — «сарай, полные овец, пальцы, полные колец». ¹⁴⁴ Если колядующие не получали желаемых гостинцев, они могли пожелать хозяевам несчастий в семье, в земледелии и разведении скота или даже пожар в доме!

ДЕКАБРЬ

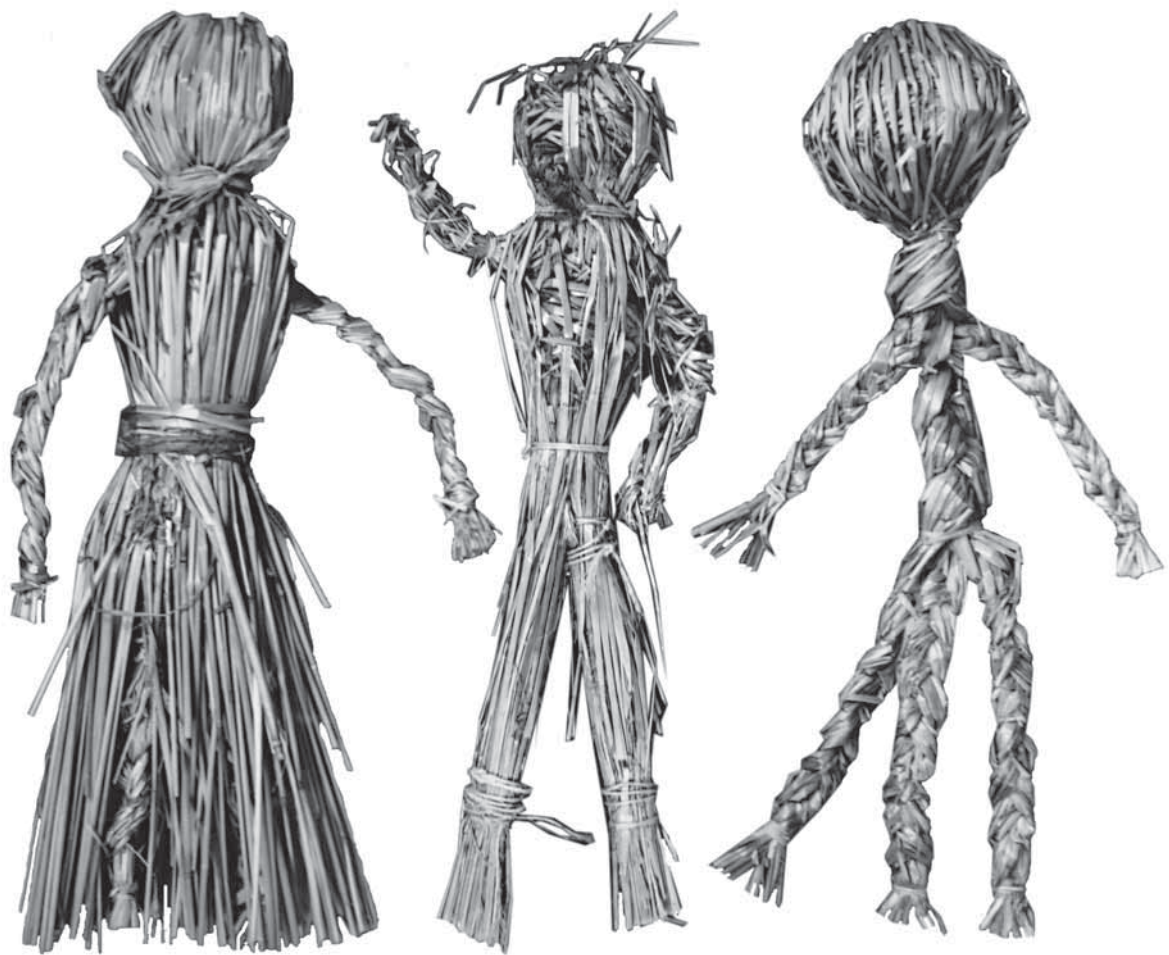
И вот наступал последний месяц в году, и, вместе с новым своим названием «месяц рождества» *йоулукуу (jouluuku)*, он сохранял в Ингерманландии и своё старинное имя «месяц зимы» *талвикуу (talvikuu)*. ¹⁴⁵ Главным зимним праздником у ингерманландских финнов с конца XIX века стало Рождество *йоулу (joulu)*.

Йоулу (25.12)

Среди лютеран Рождество *йоулу (joulu)* считалось самым большим праздником в году и его ждали как церковный и как семейный праздник: «Приходи, праздник, наступай, Рождество, уже избы вычищены, и одежды запасены». Подготовка к рождеству начиналась заранее (см. цветную иллюстрацию XX), а сам праздник продолжался 4 дня.

В канун Рождества топили баню и приносили в избу рождественскую солому, на которой спали в рождественскую ночь. Канун Рождества был очень опасен: многие сверхъестественные существа, злые духи и души покойников приходили в движение. Защитой от них были различные средства. Можно было положить над (или под) дверью железные или острые предметы. Можно было зажечь свечи или огонь в печи, и следить всю ночь, чтобы они не погасли. Но лучшим средством были охранительные магические знаки, которые рисовали на местах, которые следовало защитить. Самым распространённым знаком был крест, который делали смолой, мелом или углём на дверях почти всех домов в Ингерманландии и в Юханнус, и в «длинную пятницу» перед Пасхой, и, особенно, в Рождество. ¹⁴⁶ В канун праздника хозяин, заткнув топор за пояс, отправлялся делать крестовые знаки на всех четырёх сторонах дверей и окон избы, на воротах и окнах двора и хлева. В конце обхода топор клали под стол.

С темнотой зажигали свечи, читали рождественские тексты из Евангелия, пели псалмы. Затем следовал ужин. Рождественская еда должна была быть очень обильной, и если она заканчивалась в середине праздников, это означало, что в дом придёт бедность. Приготовление традиционной рождественской еды начиналось чаще всего с забоя скота. Обычно на Рождество резали свинью, иногда телёнка или барана. Заранее варили рождественское пиво, квас, делали студень

Соломенные куклы *олкасуутари*. Реконструкция Центра коренных народов по материалам коллекций Музея культур (Финляндия).

и запекали рождественский окорок. На рождественский стол ставился мясной или грибной суп, мясное жаркое, студень, солёная сельдь и другие рыбные припасы, колбаса, сыр, солёные огурцы и грибы, клюквенный кисель и ягодный или фруктовый компот. Пекли также пироги — морковные, капустные, рисовые с яйцом, ягодные и с вареньем.

Всё время рождественских праздников на столе лежал особый «крестовый» хлеб, на котором был нанесён знак креста. Хозяин отрезал от такого хлеба лишь кусок для еды, а потом, в Крещение, хлеб уносили в амбар. Там он хранился до весны, когда часть его получали пастух и скот в день первого выгона скота на пастбище, а другую часть — сеятель в первый день сева.

После ужина начинались игры с соломенной куклой *суутари* или *олкасуутари* (*suutari, olkasuutari*). Это слово сейчас переводится как «соломенный сапожник», но исследователи полагают, что оно происходит от русского слова «сударь». В каждом финском приходе Ингерманландии были свои традиции изготовления *суутари*. Чаще всего брали большую охапку ржаной соломы, перегибали её пополам, делая на месте сгиба «голову», а место «шеи» туго обвязывали мокрой соломой. Затем отделяли «руки» и привязывали их посередине, на месте пояса. «Ног» обычно было три, чтобы *суутари* мог стоять. Но были и такие *суутари*, у которых было две ноги или вообще не было ног.¹⁴⁷ Иногда делали столько соломенных фигур, сколько мужчин было в доме. А в приходе Венйоки и у каждой женщины был свой соломенный *суутари*.

Одним из самых распространённых способов игры с *суутари* был такой: играющие становились спиной друг к другу, держа длинную палку между ног. При этом один из играющих, находящийся спиной к *суутари*, старался опрокинуть его палкой, а стоящий лицом к соломенной кукле старался защитить её от падения.

У *суутари* старались разузнать какие-либо касающиеся дома важные вещи. В приходе Туутари у *суутари* делали на голове корону из колосьев, для чего из соломенного снопа выхватывали наобум горсть колосьев, и если число взятых колосьев было чётным, то в этом году можно было ожидать прихода в дом новой невестки.¹⁴⁸ С помощью *суутари* девушки гадали о событиях будущего года и таким образом: девушки на выданье садились вокруг стола, а соломенную куклу располагали стоймя посередине. Одновременно начинали трясти руками стол, и *суутари* начинал скакать, пока не падал в объятья какой-либо девушки, что предвещало данной девушке скорый выход замуж. После гаданий *суутари* усаживали в углу стола, а затем поднимали на матицу, где он хранился до Троицы.

В Ингерманландии долгое время сохранялись традиции прихода в канун Рождества *йоулупукки* (*joulupukki* — рождественский козёл). *Йоулупукки* одевался обычно в надетую навыворот шубу из овечьего меха и меховую шапку, его искусственная борода из пакли напоминала козлиную, а в руках он держал шишковатый посох. Такой *йоулупукки* должен был выглядеть в глазах маленьких детей довольно устрашающим, но страх побеждало ожидание подарков — игрушек, сладостей, новой одежды.

Ещё в конце XIX века рождественская ёлка была редким делом, её ставили только в домах священников и народных школах.

В рождественское утро вставали рано, так как служба начиналась уже в 6 часов. На службу ехали все — и совсем старые больные старики, и маленькие дети. Все надевали лучшую праздничную одежду, на лошадь накидывали нарядную

попону. До сих пор многие пожилые ингерманландки вспоминают, как необычайно радостно было катиться по скрипящему снегу при свете звёзд в ожидании чего-то удивительного, когда, не дожидаясь рождественской службы, все в санях тихо начинали петь рождественский псалом:

<i>Ma a on niin kaunis,</i>	<i>Земля так прекрасна,</i>
<i>kirkas Luojan taivas,</i>	<i>Божье небо ясно,</i>
<i>ihana on sielujen toivotie;</i>	<i>Прекрасна дорога надежд для душ;</i>
<i>maailman kautta</i>	<i>По всему миру</i>
<i>kuljemme laulain,</i>	<i>Мы идём, воспевая</i>
<i>taivasta kohti matkavie.</i>	<i>Дорогу на небо.</i>

Приходские церкви, украшенные еловыми ветками (ими устилали и полы церквей) в этот день не могли вместить всех приехавших. Из церкви ехали домой наперегонки, полагая, что у самого быстрого работы будут выполнены лучше всего. Рождество старались провести дома, в гости не ходили и случайно зашедшим гостям не радовались. Особенно пугал приход первым гостем женщины — тогда ожидался плохой неурожайный год. А если первым входил мужчина — то это непременно сулило счастье и удачу в хозяйстве. Нельзя было ничего и отдавать в этот день, даже огонь соседям — ведь тогда в наступающем году в своём хозяйстве добро «убавится».¹⁴⁹

Тапани (26.12)

В Ингерманландии праздновался второй рождественский день *тапани*, *стафана* или *тахвана* (*tapani, stafana, tahvana*), ещё при католицизме посвящённый Св. Стефану, которого почитали как покровителя лошадей. Ранним утром, ещё в сумерки, хозяева надевали чистую одежду и шли в конюшню поить животных, положив заранее в питьё серебряное кольцо или брошь — считали, что серебро может принести удачу в разведении скота. А потом хозяин на лошади въезжал в дом со словами: «Дома ли Стафана? Дайте-ка мужику и лошади водки и пива!» (по материалам начала XIX века).¹⁵⁰ Этот обычай сохранялся до середины XX века, когда деда обходили или объезжали на лошадях всю деревню, заглядывая в каждый дом и спрашивая: «Дома ли Тахвана?». И в каждом доме дедам подносили выпивку, а если нет — то пришедшие грозили развалить печку!¹⁵¹

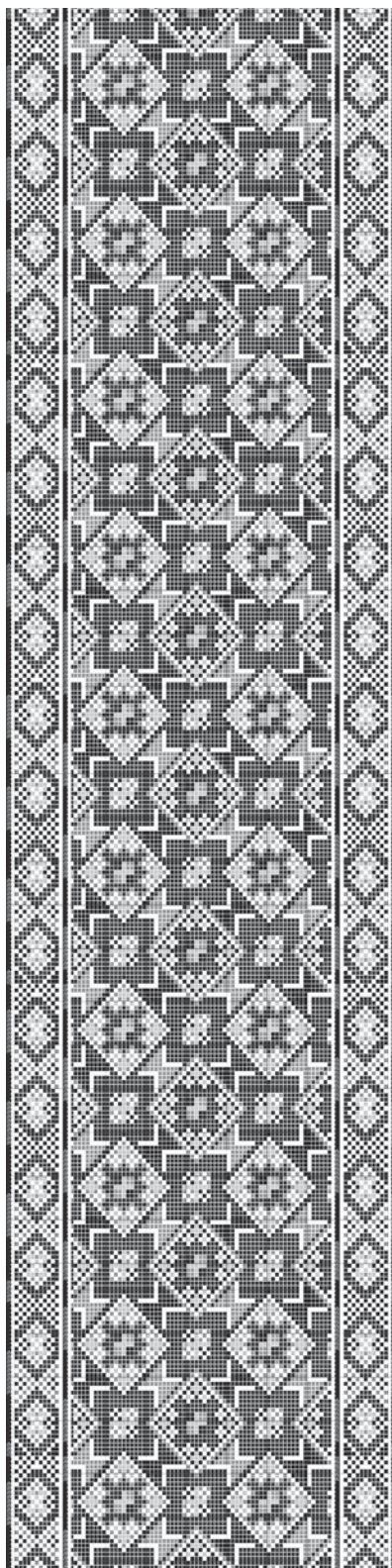
Но главным праздником *тапани* был для молодых — с этого дня начинались деревенские гуляния. Люди старшего возраста проводили время в молитвах, а молодые ходили из дома в дом колядовать (*kiletoimassa*) — пели восхваляющие песни в честь хозяев, которые в ответ давали пиво и водку. Этот обычай был за-

имствован у русских. В западных ингерманландских деревнях парни и девушки ходили также на посиделки с ряжеными (*igrissoil* — от русск. *игра*), которые проводили в деревенских домах. Заранее делали из бересты маски, лица красили углём или мелом, надевали кафтаны, на спину приделывали «горбы», в руки брали посохи. Одевались волками и медведями, парни могли одеться девушками, и наоборот. Это было шумное веселье: били в барабаны, громко пели, танцевали без устали. Ходили ряженные и в других местах, и до сих пор в приходе Туутари пожилые люди вспоминают, как важно было одеться так, чтобы тебя никто не узнал — тогда можно было в награду получить хорошее угощение.

На празднике. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

ФОЛЬКЛОР

Придя в XVII веке на новые земли — в Ингерманландию, жители Карельского перешейка и Восточной Финляндии не утратили свои древнейшие эпические песни. И даже в начале XX века можно было услышать старинный миф о происхождении мира из яйца птицы.

*Pääskyläine päivälintu,
Yölintu, lepakkolintu,
Lenteli kesöiset yöt,
Syksyiset yösyvämet,
Etsi maata maatakssee,
Pesosta munniiksee.
Valo vaskisen pesosen,
Muni kultasen munasen.
Mikä oli puolj valkuaista,
Se kuuks kumottamaa,
Mikä oli puolj ruskuaista,
Se tähiks taivosee.
Käi on ulkona ussein
Uutta kuuta katsomaas,
Ilmos ihhailemaas...*¹⁵²

*Ласточка дневная птица,
Ночи птица, мышь летучая,
Летала летними ночами,
Осенью глубокой ночью.
Искала место приземлиться,
И снести яйцо в гнездо.
Медное гнездо отлито —
Снесено яйцо золотое.
Что было белой половиной
Стало месяцем светящим,
Что было жёлтой половиной
Стало звёздами на небе.
Все наружу выходили
Новый месяц посмотреть,
Небосводом восхититься.*

— эту древнюю руну записали у Марии Васкелайнен из прихода Лемпаала в 1917 году.

У ингерманландских финнов в конце XIX — начале XX века фольклористы услышали древнейшие рунические песни о создании острова с девушкой, к которой сватаются разные герои, и о ковке золотой девы и различных предметов. Под звуки старинного музыкального инструмента *кантеле* можно было узнать историю о чудесной игре на нём. Звучали в ингерманландских деревнях древние песни о состязании колдунов в магическом пении и о превращении убитой белки в девушку. Всех слушающих пугали руны о сватовстве коварного сына Коёнена и его страшном убийстве своей невесты, и радовали песни о девушке Хелене, избравшей себе мужа из края солнца. Только в Ингерманландии так много пели о вражде родов двух братьев — Калерво и Унтамо — и о мести Куллерво — сына Калерво. Многочисленные войны, прошедшие через ингерманландские земли оставили свой след и в фольклоре: во многих деревнях исполняли песни о катящихся в крови колёсах под стенами крепостей, о коне, приносящем вести о гибели своего хозяина на войне.

В этих песнях были заложены не только архаичные представления о времени и устройстве мира и размышления о равноправии добра и зла. В них скрыта исконная музыкальность древних песнопений — речь идет о «калевальской» метрике. Это и почти абсолютный чёткий ритм — восьмисложный хорей, изредка перемежающийся дактилем. Это и народный способ финского песенного «думания» с его постоянными эпитетами, гиперболами и литотами, повторами и параллелизмами, метафорами и синонимами — со всем, что придавало рунам медлительное, но неотвратимое и мощное движение. Это и старинный закон аллитерации, когда в каждой строке все слова (или некоторые из них) имеют один и тот же начальный слог или одну и ту же ударную гласную — это придаёт каждой строке свою особую музыку. Ведь в «калевальских» песнях не было привычной для современного слуха рифмы, но начальное повторение одних и тех же звуков давало стихам несравненную мелодику (это как рифма не в конце, а в начале и внутри каждой строки):

<i>... Käi <u>sutena</u> <u>suuret</u> <u>metsät</u>,</i>	<i>Рыщет волком по лесам,</i>
<i><u>Karhuna</u> <u>kamalat</u> <u>korvet</u>,</i>	<i>По тайге бежит медведем,</i>
<i><u>Penikkana</u> <u>pellon</u> <u>reunat</u>,</i>	<i>По краям полей — щенком,</i>
<i><u>Oravana</u> <u>oksan</u> <u>reijät</u>,</i>	<i>Белкою по дуплам рыщет,</i>
<i><u>Kirppuna</u> <u>kiven</u> <u>alukset</u>...</i>	<i>Под камнями — блохою...¹⁵³</i>

— так в 1907 году Ева, жена Сакари, из прихода Лиссиля пела старинную песню о том, как искала мать свою похищенную на небо дочь.

И всё же у ингерманландских финнов традиционная для прибалтийско-финских народов калевальская эпика и обрядовые песни сохранились мало. Финская лютеранская церковь проявляла нетерпимость к другим ответвлениям христианства и жёсткость в преследовании язычества, настойчиво изгоняя народные дохристианские обычаи. Так, в 1667 году было утверждено специальное уложение, в соответствии с которым на свадебный обед разрешалось приглашать не более 2-3 человек,¹⁵⁴ а церковный «Протокол» 1872 года предписывал «отказаться от всяких суеверных и неуместных игр» на свадьбах.¹⁵⁵

Постепенно уходили из жизни и традиционные музыкальные инструменты ингерманландских финнов: *кантеле* (*kantele*), народная скрипка *йоухикко* (*jouhikko*), народная «виолончель» *вирсиканнель* (*viirsikannel*), осиновые дудки *хаапанилли* (*haapanilli*) и берестяные трубы пастухов.

Зато к началу XX века в финских деревнях Ингерманландии повсеместно зазвучали «новые» баллады — песни с рифмованным стихом. Эти новые песни открывали совсем иной мир — мир личных переживаний и тайных чувств. Они делали очевидным то, что веками скрывалось в сдержанных «калевальских» рунках. Теперь можно было простыми понятными словами открыто петь о любовных надеждах и горьких разочарованиях:

<i>Kaunis oli koivu ja kaunis oli kuusi</i>	<i>Красива была береза, и красива была ель,</i>
<i>Ja kaunis oli kukkiva tuomi.</i>	<i>И красива была цветущая черемуха.</i>
<i>Kaunihimpi heilani vartalo sorja,</i>	<i>Красивее стан моего милого,</i>
<i>Kun kevähällä koivu nuori...</i> ¹⁵⁶	<i>Как весной молодая береза...</i>

— пела в 1990 году Ольга Остонен из прихода Туутари песню, услышанную ещё от матери.

В начале XX века стали популярны однострофные хороводные песни *пирилейкки* (*piirileikki* — *круговые игры*). Появились, не без влияния культуры русских соседей, и ингерманландские частушки *лиекулаулут* (*liekulaulut* — *качельные песни*) — в них пели о деревенских нравах и обычаях, высмеивали «вредных языкастых» женщин, громко заявляли о понравившемся парне или о потерянной любви:

<i>Nyt se tuli jo piäsiäine,</i>	<i>Вот и пасха наступила,</i>
<i>Nyt saap liekus laulaa,</i>	<i>На качелях можно петь,</i>
<i>Saap istuu heilan polvilla</i>	<i>Милому сесть на колени,</i>
<i>Ja nosta käten kaulaa...</i>	<i>Рукой его обнять за шею...</i> ¹⁵⁷

— эту частушку среди многих других помнила Ева Талинен из прихода Мииккулайнен.

Матти Пуконен играет на осиновой дудке *хаапатилли*. Дер. Ропсу прихода Косемкина. Фотография А.О. Вяйсянена. 1914 год.

Пастух Симо Кайява из дер. Куллаанкюля прихода Косемкина играет на пастушьей трубе. Фотография А. Лайхо. 1937 год. Архив И.-Р. Ярвинен.

Обычно такие песни исполняли, раскачиваясь по 10-12 человек на больших пасхальных качелях. В прежние времена там звучали старинные эпические и обрядовые песни калевальской метрики. Но эти куплеты, сочинённые на ходу или специально придуманные заранее, стали так популярны, что их стали петь сначала на качелях, а потом и на гуляниях, и на вечеринках, и даже на работе!

Но самыми оригинальными были танцевальные песни *рёнтюскя* (*röntyskä*), которые сопровождали особые танцы. Их «играли» только на севере Ингерманландии — в приходах Токсова, Лемпаала, Хаапакангас и Вуоле. Рёнтюшки напоминают кадрили — танец состоит из нескольких фигур, которые исполняются не всеми участниками одновременно, а по очереди двумя или четырьмя парами или же «тройками», которые двигаются по реальному или воображаемому кругу. Направление движения — по часовой стрелке.¹⁵⁸ Вот черты рёнтюшек: «прямая спина, чуть откинута назад за счёт «бегущих» вперёд ног, свободно висящие руки, высоко вскинутая голова — так легче петь, дробящие и топающие во время приглашения ноги». Названия ранних рёнтюшек имеют разное происхождение. *Колми* (*kolmi* — *тройка*) — это танец одновременно троих участников. *Какунасси* (*kakunassi*), *тумала* (*tumala*) и *сисикка* (*sisikka*), возможно, произошли, от припевных слов русских плясовых песен — *как у наших (у ворот)*, *думала (гадала)*, *чижик*.¹⁵⁹ В языке поэзии и форме стиха рёнтюшек по-своему проявляется их задорный, бойкий характер. Это короткие четверостишия-частушки — «в основном лирические с сатирическим оттенком».¹⁶⁰ Напевы рёнтюшек создают непрерывную мелодию, которая служит инструментальным сопровождением. Кроме того, в рёнтюшках сохраняется древний певческий обычай — рунический подхват: хор подхватывает последние слоги сольной строфы, а солистка, в свою очередь, пропевает и последние слоги хоровой части. Таким образом, достигается большая слитность и непрерывность звучания. За смысловым четверостишием всегда следует лихой припев (рефрен), построенный на непереводимых сочетаниях типа *раали али илла лэй я раали али рала, сири, лири лири алла лири лари йо* и т.п.¹⁶¹

И хотя казалось, что эти танцы ушли из ингерманландской жизни безвозвратно, но воспоминания о довоенных весёлых танцах были так сильны, что в 1978 году в посёлке Рапполово на Карельском перешейке был создан фольклорно-этнографический коллектив «Рёнтюшки». Два десятка пожилых женщин по памяти исполняли те песни, танцы и игры, которые слышали и видели в своих деревнях и в финской школе 1920-30-х годов. Первый раз они выступили на летнем празднике Юханнус в токовском лесу, а потом без этого яркого, весёлого и истинно народного ансамбля не обходился ни один праздник. Сколько песен они знали! Как крепка память, силен голос и молод зазор были у Марии Корхо-

нен, Хилмы Ниемеляйнен, Саймы Хеккурайнен, Хилмы Бисс, Хелми Тувонен, Хилмы Федотовой и у многих других! К сожалению, «Рёнтюшки» перестали выступать в 2000 году — ушли из жизни многие его участницы. Но возрождённые ими танцы сейчас танцуют на всех ингерманландских праздниках и в России, и в Эстонии, и в Финляндии, но, прежде всего, в самой Ингерманландии!

Кроме своих, исконных лирических песен, имели хождение в ингерманландских деревнях и песни из Финляндии — они распространялись через лубки и песенники. Многие из них приобрели здесь свои «ингерманландские» черты. Особым вниманием пользовались финские тюремные песни — и их перепевали на особый лад, придавая им лирическое звучание. Учили финские песни и в приходских школах, а позднее — в финских школах до 1937 года.

Ансабль «Рёнтюшки» на праздновании летнего праздника Юханнус в 1979 году.

Развитию песенного искусства среди ингерманландских финнов способствовали летние песенные праздники. Они проводились с середины XIX века в различных приходах. Первый общеингерманландский праздник был организован в Пудости (приход Скуоритса) в июне 1899 года. Этот праздник проводился довольно регулярно вплоть до 1920-х годов, но потом был запрещён. И в период репрессий 1930-х годов, и в тяжелейшие военные годы, и в напряжённые послевоенные — на протяжении почти 60 лет — народные песни ингерманландских финнов не звучали нигде. Собираясь маленькими группами в домах, люди не вспоминали весёлые уличные песни и танцы. Для них воплощением национального духа стали церковные псалмы из молитвенных сборников — лишь они давали надежду и веру и в местах высылки по всему Советскому Союзу, от Хибин до Дальнего Востока, и в разорённых временах и властью родных деревнях.

В июне 1989 году эта, казалось, уже исчезнувшая традиция песенных праздников была возрождена на Юханнусе, который был проведён в приходе Кельтто. Этот летний праздник имел огромное значение — с новой силой зазвучали песни ингерманландских финнов, многие вспомнили забытые песни, другие — учили их заново. Стали создаваться народные хоры и песенные ансамбли при приходах и местных отделениях Общества ингерманландских финнов «Инкерин Литто».

Национальный характер ингерманландских финнов, их жизненный опыт, внимательность к мелочам и врождённое чувство юмора проступают и в народных поговорках и пословицах. Некоторые из них аналогичны известным русским поговоркам, в других ясно проступает своеобразие ингерманландского фольклора. В них мы видим исключительно уважительное отношение к работе, спокойный и вдумчивый взгляд на жизнь, природную мудрость, накопленную сотнями поколений финских охотников, рыбаков и крестьян. Мы приведём лишь некоторые из них, чтобы можно было представить глубину и яркость этого вида народного творчества в Ингерманландии.¹⁶²

Ko kuavut ni ens työ on jot nouse yllää (Когда упал, первое дело — подняться).

Kel on jano, sil on jalat (У кого жажда, у того и ноги).

Ahkeraal on yks tie, kaks asjaa (У усердного одна дорога, два дела).

Ei makkavan kissan suuhu hiir tule (Спящей кошке в пасть мышь не идёт).

Itse uot paras renki itselleis (Ты сам себе лучший работник).

Älä pie kiirettä kielel, pie kiire työlläis (Не будь скор языком, будь скор в своей работе).

Ajatus viep ajan, yrittös työn tekköö (Помыслы время занимают, а работа дело делает).

Älä unohtu, jot huomein on jo elämäis yhtä päivää lyhemp (Не забудь, что завтра твоя жизнь будет на один день короче).

Uamuhetk on kullan kallis (Утренний час дороже золота).

Vähän päivääs, paljon viikoos (Помаленьку за день, много за неделю).

Aina asjat ajallaan, viikon päivät vierekkäin (Всякое дело в свое время, всю неделю день за днём).

Anna linnuull muru, Jumala siull kaks (Дашь птице крошку, а Бог тебе две).

Etempänt etsit, likempänt löyvvät (Издалека ищешь, вблизи возьмёшь).

Paljon pyyvät, vähän suat (Много просишь — мало получишь).

Tulloo aika nii tulloo apu (Будет время, придёт и помощь).

Auta ain ahkeraa, laiskaa älä millonkaa (Помогай всегда усердному, ленивому — никогда).

Älä viso kivilöi vieraal pellol (Не кидай камни на чужое поле).

Hyvä on toisen persettä katsella, ko omajais et niä (Хорошо чужую задницу рассматривать, когда своей не видишь).

Uattele paljon, älä kaikiill luai (Думай много, а всем не говори).

Ikkäis elä, ikkäis opi, tuhmaan kuolet kuitenkin (Век живи, век учись, всё же дураком помрёшь).

Eivät kaik jauhot telkkunaks kelpaa (Не всякая мука для толокна годится).

Ei haukka sil mittää voi, ko syntyi ryöstölinnuks (Ястреб не виноват, что родился хищной птицей).

Älä kiitä uamust päivää äläkä ennev vuotta morsianta (Не хвали день с утра и невесту до года).

Mikä lintu varrain laulaa, sen kissa syöp (Ту птицу, что рано поёт, кошка съест).

Vässyy se hyväki hevone (И добрый конь устает).

Siintä koira ottaa mist soap (Оттуда собака возьмёт, откуда получит).

Silmä ottais, suu söis, nii ei mahu mahasee (Глаз взял бы, рот съел бы, а брюхо не вмещает).

Hulluloill ja herroill ei pie näyttää kesentekoista työtä (Дуракам и господам не надо показывать наполовину сделанной работы).

Hullui ei kynnetä ei kylvetä, ne kasvaat itsestä (Дураков не пашут, не сеют, они сами растут).

Eijjoo yhen syy ko kaks riitelööt (Не один виноват, когда двое ссорятся).

Millain isäntä, sellain koira (Какой хозяин, такая и собака).

Mitä koira ei niä, sitä ei hauku (Кого собака не видит, на того и не лает).

Kantokii kaunistuu ko kaunistetaa (И пень красивым будет, если украсят).

Huoletoin mies hevotoin, huolettomamp akatoin (Беззаботный мужик — без лошади, совсем беззаботный — без жены).

Tulloo mies meren takant muttei tule turpeen alt (Придет мужик из-за моря, не придет из-под земли).

Itku pitkääst ilost, paha kauvvan nauramisest (Плач — от долгой радости, зло — от долгого смеха).

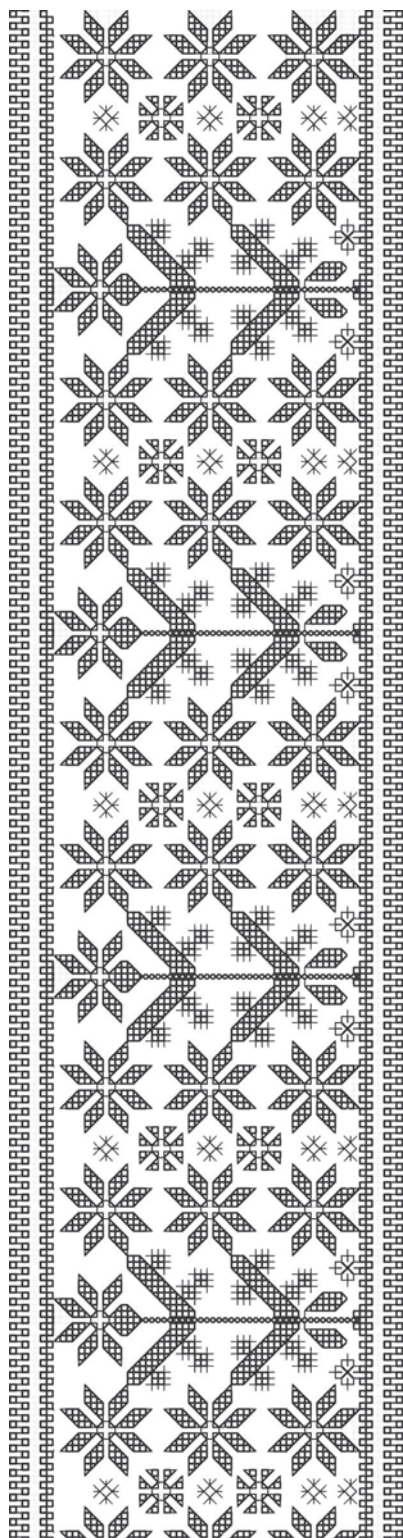
Siel on hyvä missei meitä (Там хорошо, где нас нет).

Фольклорное богатство ингерманландских финнов составляют не только древние руны, лирические песни, меткие пословицы и поговорки, но и сказки, былички, предания, рассказы о прежних временах и своей жизни — всё то, в чём сконцентрировались древний опыт и народная мудрость, века размеренной жизни и десятилетия страданий, глубинное чувство понимания природы и свои потаённые надежды.

Ольга Остонен из дер. Тайцы — одна из лучших финских народных певиц Ингерманландии конца XX века. Фотография В. Вязанена. 1996 год.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

У ингерманландских финнов существовали собственные диалекты, которые лингвисты относят к восточно-финским диалектам финского языка. В силу общности происхождения и географической близости ингерманландские диалекты имеют общие черты с карельским и савоским диалектами финского языка. На Карельском перешейке наблюдался плавный переход от карельских диалектов к ингерманландским, близким к ним был здешний диалект ижорского языка.

В XIX веке исследователи выделяли минимум два диалекта финского языка в Ингерманландии, савакский и эврейский (более архаичный). Последний был распространён в Центральной и Западной Ингерманландии, на нём говорили около трети ингерманландских финнов. Особый диалект финского языка сформировался в тесном взаимодействии с ижорским и водским языками на Нижней Луге и Кургальском полуострове.

Во второй половине XIX века диалектные различия в финском языке Ингерманландии начали постепенно стираться. Главными факторами унификации выступило школьное обучение и влияние лютеранской церкви. Школа и церковь являлись проводниками литературного языка, который, вытесняя наиболее архаичные языковые формы, не смог, однако, победить

господствовавшие в быту диалекты. Различия в финском языке между отдельными районами Ингерманландии во второй половине XX века сохранялись лишь на уровне говоров.

Характерными чертами фонетики ингерманландских диалектов финского языка являются:

а) наличие палатализованных согласных, например, *t'* (*äit'*), *l'* (*kyl'*), *s'* (*ves'*) и даже *k'* (*mäk'*). Интересно, что звук *t'* может быть и долгим — *kott'ii* (= *kotiin*) или в приходе Марково (Markkova) — *miun pit'tä* (= *minun pitää*).

б) дифтонгизация долгой гласной в первом слоге: *piä* (= *pää*), *kual'* (= *kaali*), *ies* (= *edessä*), *ei uo* (= *ei oo*).

в) наличие «экзотических» звуков, вроде *v*, *vv* или *ij* на месте литературного *d*. Например, *sovan peräst*, *pöyvvän al*, *en tiije*.

г) наличие аффрикаты *tš* (*tšaiju*).

К важнейшим семантическим особенностям можно отнести:

а) личные местоимения *mie*, *sie*, *hiä*, *myö*, *työ*, *hyö* вместо литературных *minä*, *sinä*, *hän*, *me*, *te*, *he*.

б) наличие суффикса *-loi-* в косвенных падежах существительных множественного числа, например, *talolois* (= *taloissa*), *tyttölöil* (= *tyttöillä*).

в) особое окончание глаголов в третьем лице множественного числа: *hyö män-nööt* (= *he menevät*), *pojat tekkööt* (= *pojat tekevät*).

г) наличие рудиментной *-p* на конце некоторых глаголов третьего лица единственного числа: *voip olla*, *suap tulla*.

д) удвоение согласной перед долгой гласной: *miul ei uo rahhaa*, *kaks kananmun-naa*, *mie en ossaa*, *miun pittää*.

е) наличие «полудолгой» гласной перед долгими согласными: *Suomēss*, *pojäll*.

ж) обязательное чередование *k* в сочетании *sk*: *mie en uso*, *sisot*.

Так же как во всех диалектах современного финского, в первом лице множественного числа вместо литературной формы на *-mme* в говорах Северной Ингерманландии используется пассивная форма глагола (*myö sanotaa*). В Центральной же Ингерманландии сохранилась более архаичная форма (*myö sanomma*).¹⁶³

В ингерманландских диалектах принято по-особенному сокращать слова. Например, в отрицательных формах перфекта единственного числа из *-nut* (*-nyt*) выпадает *u* (*y*): *en sanont*, *ei ottant*, «длинные» глаголы укорачиваются по-своему, например: *kiruttaa* вместо *kirjoittaa*.

Весьма типично для ингерманландских диалектов придание иного, чем в литературном языке, смысла многим словам. Так, глагол *maata* в Ингерманландии означает *спать*, а не *лежать*, как в финском литературном. Глагол *tahtoa* заменяет литературный *haluta* (*хотеть*). Слово *likka* (в финском литературном —

девчонка) означает девушку-домработницу, нанятую петербургской семьёй. Словом *kartano* в Ингерманландии называют двор крестьянского дома, а не поместье, как в Финляндии. Пласт собственных слов, отсутствующих в других финских диалектах, относительно невелик, примером может служить *piäline* (сливки) или *läsivä* (больной).

«Языковая память» с XVII века сохранила в диалектах прямые заимствования из шведского, из них самое удивительное — сохранившийся звук *k* на конце слов, обозначающих дни недели, например, *tiistak*, *lavvantak*.

Но несоизмеримо больше слов заимствовано (весьма мастерски!) из русского языка. Это такие, как *lat'jat* (платье), *liäppä* (шляпа), *sertakka* (чердак), *s'äirii* (жапуть), *jolkka* (ёлка), *kartsitsa* (горчица), *potrukka* (подруга), *isvossiekka* (извозчик), *uhvatta* (ухват), *rovatti* (кроватъ), *konikat* (коньки). Разумеется, именно из русского заимствовались слова, которые появились в позднее время, поэтому у ингерманландских финнов вокзал — это *vaksali*, вагон — это *vakona*, а мороженое — *morosina*. Встречаются и слова, в которых половина финская, а другая половина — русская: *mis-niput'* (где-нибудь).

Влияние русского языка на ингерманландские диалекты проявилось также в том, что фразы стали строиться и интонироваться по-русски, образовались своего рода языковые кальки. Типичные примеры: *Miten sinnuu kutsutaa?* (Как тебя зовут?); *Miun on häntä salka* (Мне его жалко); *Miul on jo kuusikymment vuotta* (Мне уже шестьдесят лет); *A sie asut Linnass?* (А ты живёшь в Петербурге?); *Kirutitko sie lehet?* (Выписала ты газеты?).

Ингерманландские диалекты постепенно выходят из употребления, их носители — пожилые люди. Из числа молодёжи очень немногие понимают диалектную речь, и лишь единицы (!) владеют ею. В ингерманландской периодической печати, в мемуарной литературе встречается немало диалектных фрагментов. Как ни печально, но ингерманландские диалекты обречены, методы преподавания диалектов не изобретены. Поэтому столь важной представляется выполненная в Петрозаводске Марией Муллонен работа по транслитерации записей диалектов, выполненных в 1960-70-е годы. Результаты этого труда вышли в виде книги, представляющей палитру народных ингерманландских говоров.¹⁶⁴ Большой архив текстов на ингерманландских диалектах хранится в Музейном Ведомстве Финляндии и в Университете в Хельсинки, в Архиве Карельского научного Центра Российской Академии наук.

Финский язык (но уже не в диалектной форме, а в виде литературного финского языка) в среде ингерманландских финнов продолжает жить благодаря усилиям ингерманландских союзов по его преподаванию и под всё возрастающим влиянием современного финского языка Финляндии.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Не будет преувеличением сказать, что художественная литература ингерманландских финнов зарождалась одновременно с началом выхода в Ингерманландии финноязычных газет. Уже в первой из них, в *Pietarin Sanomat*, в 1870 году зазвучало слово едва ли ни первого ингерманландско-финского поэта Яакко Ряйккёнена (1830–1882). Первое из известных его стихотворений датируется 1867 годом. В стихосложении Ряйккёнена отчётливо прослеживается традиция народной поэзии, его волнуют патриотические чувства, он пытается осмыслить взаимоотношения Ингерманландии и Финляндии, Ингерманландии и России.

До 1917 года в газетах и ежегодном финском календаре публикуют свои стихи ингерманландцы Габриель Суни (1843–1903), Пааво Ряйккёнен (1857–1935) и Аапо Весикко (1872–1935), а также некто, писавший под псевдонимом *Laita*. Стихотворение последнего *Jos linnulta siivet saisin* (*Если б получил от птицы крылья*), опубликованное в 1874 году, наполнено лиризмом, ощущением свободы и мрачным предвидением её утраты.

В начале XX века появляются первые пьесы, написанные ингерманландскими финнами. Сюжет многих отражает тяжёлые условия жизни крестьян, таковы произведения Матти Руотси, Томми Хирвонена, и, пожалуй, наиболее значительная пьеса *Nuori orja* (*Молодой раб*) Антти Тииттанена (1890–1927), увидевшая свет в 1923 году в Финляндии. Проблемой писателей-драматургов в Ингерманландии было то, что здесь отсутствовал профессиональный финский театр. Пьесы ставились любительскими труппами, преимущественно на народных праздниках.

Единственным драматургом-ингерманландцем, пьесы которого дошли до профессиональной сцены в Финляндии, был человек невероятной судьбы, социалист-утопист Матти Куриikka (1863–1915). Его пьесу *Viimeinen ponnistus* (*Последнее усилие*) с успехом поставили два театра в Финляндии. Он издал в Финляндии собрание своих пьес, одна из которых, основанная на легенде о финском происхождении императора Павла I, попала под запрет цензуры.

Бурные годы революции и Гражданской войны обострили социальные противоречия, но одновременно эмоционально зарядили писателей-ингерманландцев, которые отныне творили не только в Ингерманландии, но и в эмиграции в Финляндии.

Из писавших в России самым ярким ингерманландским литератором 1920–30-х годов, несомненно, являлся Топиас Гуйттари (1907–1953), писавший под псевдонимом Леа Хело. Его первые стихи были опубликованы в Ингерманландии в 1927 году, в дальнейшем жизнь Т. Гуйттари была связана с Карелией, где в довоенные годы у него вышло несколько сборников стихов и ряд прозаических

произведений. Разумеется, произведения Леа Хело наполнены пафосом социалистического строительства, хотя в его стихах и слышна боль о судьбе деревни. После войны Т. Гуйттари занимался, в основном, переводами русской литературы на финский язык. После смерти поэта в 1956 году вышел наиболее полный сборник стихов на финском языке этого талантливого автора. Заслуживает упоминания и творчество Юрьё Саволайнена, выпустившего в Ленинграде в 1935 году роман *Aikojen hyrskyissä (В вихре времён)*. В 1930-х годах в Ленинграде начинает публиковаться сын финляндского красногвардейца поэт и прозаик Ульяс Викстрём, в Карелии публикует свои ультрареволюционные прозаические произведения финский красногвардеец Оскар Йохансон.

Из произведений, увидевших свет в Финляндии, надо отметить сборник рассказов Антти Тииттанена *Oma Inkerini (Моя Ингерманландия)* 1921 года, и вышедший в 1923 году роман Эвертти Пярнянена *Antti Kivekäs (Антти Кивекяс)*, повествующий о полуполюгендарном партизане времён Северной войны А. Кивекясе. Сам Э. Пярнянен был, строго говоря, финляндским финном, но долгие годы прослужил пастором в приходах Ингерманландии. Его большой исторический роман, отмеченный несомненным литературным талантом, мог бы стать национальным романом ингерманландских финнов, но его потенциальные ценители остались по другую сторону границы. В 1930-е годы в Финляндии выходят полудокументальные рассказы об Ингерманландии уроженца Токсова Юхани Конкка. В 1939 году Ю. Конкка опубликовал в Финляндии автобиографический роман *Pietarin valot (Огни Петербурга)*, полный ностальгии по утраченной родине. В 1934 году в Финляндии вышли воспоминания чудом спасшегося от большого террора ингерманландского пастора Аатами Куортти. Его книги *Pappina, pakko-työssä, pakolaisena и Inkeriläisen papin kokemuksia Neuvostovenäjällä (Священник, лагерник, беженец. Судьба ингерманландского священника в Советской России)*, по существу, стали первыми в ряду многочисленных опубликованных позднее мемуаров финнов-ингерманландцев.

В послевоенные годы в Финляндии взошла звезда примы ингерманландской поэзии Аале Тюнни (1913-1997). Дочь Каапре Тюнни, родившаяся в Ингерманландии, начала писать стихи ещё до войны. Вышедший в 1947 году сборник стихов *Soiva metsä (Гудящий лес)* принёс ей огромный успех, читателей поразили глубокий лиризм и одновременно естественная простота стихов. Затем последовали ещё несколько выдающихся сборников и почётное звание академика. Свою любовь к Ингерманландии А. Тюнни выразила в замечательной книге мемуаров *Inkeri, Inkerini (Ингерманландия, моя Ингерманландия)* 1990 года.

В Советском Союзе в 1950–60-е годы ингерманландские писатели жили и творили в Карелии, только там в СССР издавалась литература на финском языке.

В поэтическом творчестве выделяется Тайсто Сумманен (1931–1988), родившийся в Ленинграде в семье финского красногвардейца и ингерманландской финки. Огромный талант Т. Сумманена расцвёл в период «хрущёвской оттепели». Его поэзия мощна, лирична и лишена пропагандистской направленности.

В поэтическом творчестве выделяются Пекка Пёлля, Унелма Конкка (литературный псевдоним — Катри Корвела), Армас (Олег) Мишин (литературный псевдоним — Армас Хири), Тойво Флинк. Особенно интересна судьба Армаса Мишина (род. 1935), который сначала писал по-русски, а затем, выучив забытый в военные годы финский, стал писать стихи и на языке своих родителей.

Прозаические произведения в Карелии по-фински писал ингерманландский финн Пекка Мутанен (род. 1935). Бесспорно, интересна его повесть о единственном среди финнов-ингерманландцев Герое Советского Союза Пиетари Тииккиляйнене *Poika Markkovan kylästä* (*Парень из деревни Марково*) 1983 года. Годы перестройки вдохновили этого автора на ряд публицистических произведений. Репатриировав в Финляндию, П. Мутанен написал книгу об ингерманландских финнах, служивших в финской армии в годы Второй мировой войны.

Важной частью литературной деятельности финноязычных писателей в Советском Союзе (позднее России) был перевод литературных произведений с финского на русский и с русского на финский. Пожалуй, вершиной такого труда последних лет является новый великолепный перевод на русский язык «Калевалы», выполненный в 1998 году в Петрозаводске Армасом Мишиным и фольклористом Эйно Киуру. К плеяде ингерманландских литераторов-петрозаводчан следует отнести и лучшего специалиста по финской литературе в России профессора Эйно Карху (1923–2008). Его перу принадлежат фундаментальные литературоведческие работы, но также и переводы, и ценные мемуары, опубликованные в журнале *Carelia*.

После снятия негласных идеологических запретов на ингерманландскую тематику в Финляндии, в 1990-е годы здесь публикуется «лавина» мемуарной литературы. Среди огромного количества книг содержательностью и литературным мастерством выделяются трилогии Эллы Ояла и Люули Ронконен. Обе также успешно выступают в поэтическом творчестве. Ингерманландская тема, неожиданно открытая финским читателем, интересует его настолько, что вышло несколько мемуаров записанных «со слов» ингерманландских информантов. Замечательные воспоминания написал на шведском языке в Швеции Оскар Химилляйнен.

В Финляндии живёт в последние годы пастор Арво Сурво (род. 1954), литературное творчество которого началось ещё в Ингерманландии. Здесь он написал ряд стихотворений, некоторые из которых он сам же положил на музыку и ис-

полнил под гитару. Уже в 1992 году в Финляндии вышел сборник его стихов *Itku Inkerille* (*Плач по Ингерманландии*). Блестящий знаток народной поэзии, А. Сурво в 2006 году опубликовал книгу *Suur-Synty Kiesus* (*Большое рождение Кюесуса*), в которой собрал, выстроив в смысловом порядке, народные руны, повествующие о зарождении в раннем средневековье христианского сознания у прибалтийско-финских племён.

В Эстонии и Швеции столь ярких, как в Карелии и Финляндии, литераторов-ингерманландцев в послевоенные годы не было. В Эстонии, впрочем, замечательные стихи на ингерманландском диалекте пишет Салли Саворина. В Швеции автобиографичную прозу по-шведски — Аня Монахоф, две её книги переведены на русский язык.

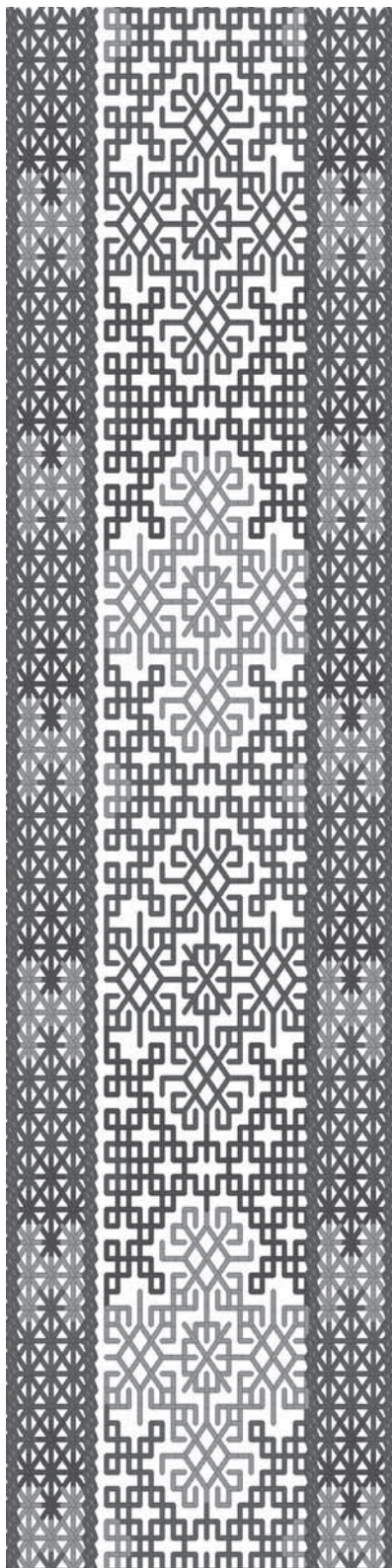
Ассимиляция и постепенная утрата финского языка ингерманландскими финнами в России проявилась и в литературном творчестве. Появились поэты-ингерманландцы, пишущие по-русски: достойно упоминая творчество Роберта Винонена, Анатолия Иванена, Виктора Того.

Подобно самому народу, разобщена языковыми барьерами и государственными границами и современная ингерманландская литература. К сожалению, уже нельзя говорить о её едином «литературном пространстве», которое «в норме» создаёт дополнительный творческий импульс.

На уроке финского языка в школе в приходе Колшана. Фотография А. Хямяляйнена. 1943 год. Музейное Ведомство Финляндии.

РЕЛИГИЯ

Можно утверждать, что лютеранское вероисповедание сыграло важную роль в формировании национального самосознания ингерманландских финнов. Именно лютеранская вера отличала ингерманландских финнов от других финноязычных народов Ингерманландии — води и ижоры. Именно она была тем «водоразделом», который отделял финнов и от русского населения. По-фински в Ингерманландии говорили, что есть *suomen kirkko* и *vennäin kirkko*, то есть *финская церковь* и *русская церковь*, а не «лютеранская» и «православная». Ходивших в *русскую церковь* ассоциировали с русской культурой. Финны же были «инородцами», как по культуре, так и по вероисповеданию.

К концу XIX — началу XX века в Ингерманландии насчитывалось более 30 финских лютеранских приходов. До открытия Колпанской семинарии все священники были родом из Финляндии, т.к. богословского лютеранского образования в Ингерманландии получить было негде. Хотя требования к кандидатам были высоки (фактически надо было владеть финским, шведским, русским и немецким языками — последний был официальным языком лютеранской консистории России), но желающих служить в Ингерманландии было много, здесь были богатые приходы. Необходимая церковная литература на финском языке также поступала из Финляндии. *Suomen kirkko*, таким образом, была

Финские лютеранские приходы Ингерманландии в 1930-е годы

Финские лютеранские приходы Ингерманландии в 1930-е годы.

действительно проводником финской культуры и финского литературного языка.

Именно поэтому ингерманландские финны воспринимали свою Церковь как национальную, а лютеранство стало важной частью их национальной идентичности.

Действуя на территории России, лютеранские приходы Ингерманландии, конечно, испытывали и влияние православного окружения. В лютеранстве, как известно, нет культа святых, но финские лютеранские храмы исторической Ингерманландии носят имена Св. Марии, Св. Иоанна, Св. Екатерины, Св. Георгия и т.д. И в некоторых приходах именины этих святых отмечались как праздничные дни по аналогии с престольными праздниками у православных. Заимствова-

Конфирмационная школа в приходе Кельтто. Фотография Е.О. Мурмана.
1902 год. Музейное Ведомство Финляндии.

ния из православной обрядности можно заметить в похоронной обрядности — в использовании ингерманландскими финнами свечей на похоронах, в праздновании поминок, в своеобразных формах надмогильных крестов.

В конце XIX — начале XX веков в среде ингерманландских финнов появляются новые движения евангельского толка — «свободная Церковь», баптизм, пятидесятничество (в том числе его крайняя разновидность — так называемые «прыгуны») и, отчасти, методизм. Зародились они под влиянием деятельности миссионеров-проповедников из Финляндии, Швеции и других европейских стран. Деятельность евангелистов активизировалась после большевистской революции, а в 1920 году приверженцы «свободной Церкви», баптисты и пятидесятники объединились в Союз Евангельских Христиан Ингерманландии¹⁶⁵. Союз объединял до 3000 членов и имел 20 молелен.¹⁶⁶

Период после становления независимой лютеранской Церкви Ингерманландии завершился разгромом её во второй половине 1930-х годов. Были репрессированы все священники, закрыты все храмы. Нормальное развитие Церкви и приходской жизни было нарушено. Репрессиям подверглись и активисты Со-

юза Евангельских Христиан Ингерманландии, который прекратил своё существование.

В этот период в среде верующих финнов-лютеран появляются женщины-проповедницы, которые, не имея на то формального права, проводили и крещения, и отпевания, а, главное, проводили молитвенные собрания, в том числе в местах ссылок. Имена некоторых проповедниц, например, Марии Каява и Катри Кукконен остались в истории ингерманландских финнов.

С 1930-х по 1970-е годы шла бурная секуляризация жизни в Советском Союзе. Людей отлучали от религиозного мировоззрения, не формируя, как следует, никакого иного. Утрата веры, естественно, наносила ущерб и национальному самосознанию. Этот период был периодом существенной русификации финнов-ингерманландцев, высланных с родных земель, лишённых традиционного жизненного уклада, оторванных от родного языка и культуры.

Настенная бумажная картина-изречение из Евангелия. 1930-е годы.
Музей коренных народов Петербургской земли.

Возрождение деятельности Церкви Ингрии началось в конце 1960-х годов. Первая церковная община была зарегистрирована в Петрозаводске в 1964 году — там финский язык имел официальный статус, и проживало значительное число ингерманландских финнов. В 1976 году были созданы и лютеранские общины на территории исторической Ингерманландии в Колтушах и Пушкине. Вначале службу вели пасторы из Эстонии, но в 1990 году было создано самостоятельное пробство Ингрии под юрисдикцией архиепископа в Эстонии. Первый пастор из числа ингерманландских финнов — Арво Сурво — получил духовный сан в Таллине в 1987 году. Именно он явился вдохновителем ингерманландского духовного и национального движения.

Официально Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии была зарегистрирована в 1993 году. Во главе её стоит епископ с местопребыванием в Санкт-Петербурге. При епископе действует Церковный Совет и Церковное правление.

В возрождающиеся приходы нужны были пасторы, их подготовкой занялся открытый в 1995 году в Колтушах Учебный центр (сейчас его официальное название — Теологический институт им. Лауриккалы). Молодые священники часто не владели финским языком, как и многие прихожане. Церковь Ингрии стала широко использовать русский язык в богослужебной практике. Всё больше прихожан Церкви вообще не имело финских корней. По данным исследования 1995 года в петербургском приходе Св. Марии среди прихожан старше 71 года финны составляли свыше 90%, тогда как среди прихожан в возрасте 16–30 лет — только 40%.¹⁶⁷

Ведя миссионерскую работу, например, в финно-угорских республиках Поволжья, Церковь также использует мордовский, марийский, удмуртский языки. Бывшая до войны фактически национальной, Церковь Ингрии перестала быть таковой в новейшее время. Проблема нехватки пасторов до сих пор не решена, и в приходах Церкви Ингрии служат также прикомандированные священники из Финляндии.

Значительное количество ингерманландских финнов за годы советской власти совсем отошли от религии. Многие под влиянием родственников и русского окружения пришли в православную Церковь. В Гатчине действует пятидесятнический приход, в котором немало финнов-ингерманландцев.

Официальная статистика конфессиональной принадлежности финнов-ингерманландцев отсутствует. По данным Церкви Ингрии, в сфере её влияния в России находится не менее 15 000 человек, однако, по крайней мере, треть из них — не финны. Степень религиозности и конфессиональная принадлежность ингерманландских финнов, живущих в Финляндии и Эстонии, никем специально не изучалась.

На службе в церкви. Фотография В. Вяйзянена. 1992 год.

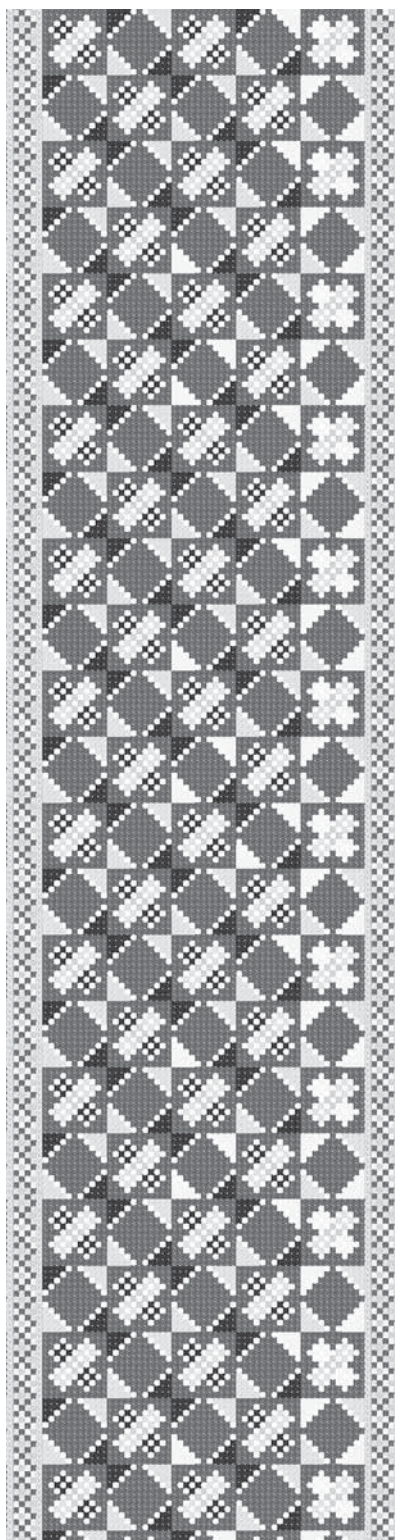
Церковь Ингрии является членом Всемирного Совета Лютеранских Церквей, занимая в нём по некоторым вопросам позицию, отличную от других. Церковь Ингрии, в отличие от подавляющего большинства других лютеранских Церквей, не признаёт священства женщин. Женщина-пастор, рукоположенная в Финляндии, не может служить в алтаре и причащать в лютеранских храмах Церкви Ингрии. Церковь Ингрии занимает также резко негативную позицию в отношении однополых семейных союзов. Более консервативная позиция Церкви легко объяснима, с 30-х годов религиозное сознание финнов-ингерманландцев было фактически «заморожено».

Сегодня деятельность Церкви Ингрии очень активна. Она объединяет около 80 приходов по всей стране. В исторической Ингерманландии действует 15 приходов. 4 раза в год издается журнал «Церковь Ингрии» на двух языках — русском и финском, а на радио регулярно проводится «Лютеранский час». Церковь Ингрии ведёт широкую молодёжную и диаконическую работу. Ей принадлежат три из шести построенных в Ингерманландии на финские средства дома по уходу за престарелыми. Благодаря активности церкви, только в исторической Ингерманландии восстановлено 8 старых лютеранских церквей, построено 6 новых (и ещё две часовни) (см. цветные иллюстрации XXI и XXII).

Пастор Арво Сурво — вдохновитель подъема Церкви Ингрии.
Фотография О. Коньковой. 2001 год.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Гильди Л.А. Расстрелы, ссылки, мучения. СПб, 1996.

Гильди Л.А. Судьба «социально-опасного» народа. (Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930-2002 гг.). СПб., 2003.

Григорьева И. П. Музыкальная культура ингерманландских финнов второй половины XIX и XX столетий: Исследование. СПб., 1995.

Егоров В.А. Эвреймы Лесколовского сельсовета // Сборник Ленинградского Общества Исследователей культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН). Л., 1929. С. 31–48.

Заднепровская А.Ю. Ингерманландские финны // Многонациональный Петербург. СПб., 2002.

Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990.

Карху Э.Г. История литературы Карелии. Т. 1. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. СПб., 1994.

Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории: Исследования и воспоминания. Петрозаводск, 1999.

Кепсу С. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб, 2000.

Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос в XX веке. СПб., 1999.

Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. СПб, 2003.

Народные песни Ингерманландии. Издание подгот. Э. Киуру, Т. Коски, Э. Кюльмясуу. Л., 1974.

Лескинен Х. Ингерманландия // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Сост. М.Йокиппи. Ювяскюля, 1995.

Смирнова Т.М. Национальность — питерские: Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб., 2002.

Таргайнен М.А. Ингерманландский излом. СПб., 2001.

Суни Л.В., Киуру Э.С. Финны // Мы живем на одной земле. Население Петербурга и Ленинградской области. Л., 1992. С.130–148.

Финны в России: История, культура, судьбы. Петрозаводск, 1999.

Финны-ингерманландцы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 469–521.

Шаскольский И.П. Переселение финских крестьян в Ингерманландию в XVII в. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 80–89.

Шлыгина Н.В. Финны-ингерманландцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 372–373.

Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalaisista murteista. Toim. M. Mullenen. Petroskoi, 2004.

Entisen Inkerin luterilaisen kirkon 350-vuotismuistojulkaisu anoin ja kuvan. Toim. A. Metiäinen ja K. Kurko. Helsinki, 1960.

Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements von Peter v. Köppen. St. Petersburg, 1867. B. 50–84.

Flink T. Pois Inkeristä, ohi Inkerin. Yliopistopaino. Helsinki, 1995.

Haltsonen S. Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. SKS. Tietolipas. 1965.

Hämäläinen A. Kadonnutta Inkeriä. WSOY, 1944.

Inkeri : historia, kansa, kulttuuri . Toim. Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo. SKS. 1991.

Inkerin bibliografia : luettelo vatjalaisista, inkeroisista ja Inkerin suomalaisia käsittelevästä kirjallisuudesta . Toim. Jarmo Elomaa. Helsinki, 1981.

Inkerin suomalaisten historia. Toim. S. Haltsonen. Jyväskylä, 1969.

Inkerin teillä. Toim. Laaksonen P., Mettomäki S.-L. SKS. Helsinki, 1990 .

Juntunen A. Suomalaista kulttuuria Nevan rannoilla. Turku, 1972.

Kansan lauluja Inkerinmaalta. Toim. A. Asplund. SKS. Pieksämäki, 1992.

Kuivanen L.-E. Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003.

Kuortti A. Inkerin kirkon yö ja aamu. SLEY-kirjat. 1990.

Kuronen A. Inkerin keittiö. Ruokaperinnettä ja -ohjeita. Helsinki, 2002.

Kuusi M. Maria Luukan laulut ja loitsut: Tutkimus lantisimman Inkerin suomalaisiperinteestä. Helsinki, 1983.

Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki : Otava, 1990.

Nevalainen P. Rautaa Inkerin rajoilla : Inkerin kansalliset kamppailut ja Suomi 1918–1920. Suomen historiallinen seura. 1996.

Näytteitä inkeriläismurteista . Toim. R. E. Nirvi. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 15. Helsinki, 1981.

Ojala E. Sananlaskuja, tarinoita ja miellehtymiä . Tampere, 2000.

Punalippu. № 8. Petrozavodsk, 1987.

Salminen V. Kertovien runojen historiaa: Inkeri. Helsinki, 1929.

Salminen V. Runonlaulajat ja tietajat. Helsinki, 1931.

Salminen V. Suomalainen Inkeri. Suunta, 1919.

Savolainen M. Inkerinmaa — joka on, mutta jota ei ole. Atena. 1997.

Sjögren A. J. Ueber die finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermannland. SPb., 1852.

Survo A. Itku Inkerille. Akateeminen Kustannusliike. 1992.

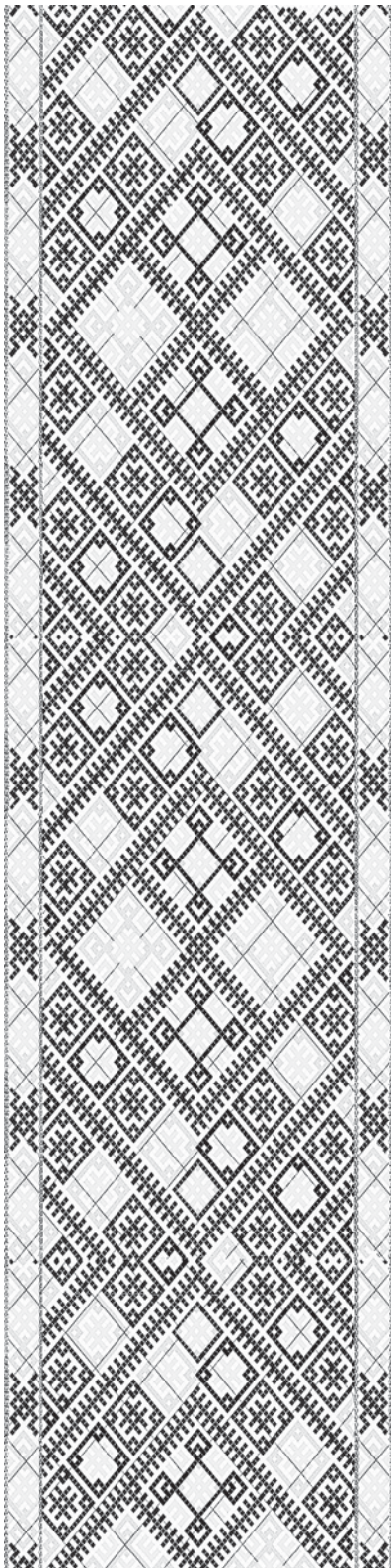
Survo A. Suur-Synty Kiesus Apokryfi Korpikansan Survon Arvon kertomana. 2006.

Tuuli E. Inkeriläisten vaellus: inkeriläisen väestön siirto 1941-1945. WSOY. 1988.

Vanha Tuutari : tuntemattoman tekijän käsikirjoitus 19. vuosisadan alusta. Toim. Sulo Haltsonen // Suomi 112. SKS. Helsinki, 1967.

Virtaranta P. Inkeriläisiä sananlaskuja ja arvoituksia // Castrenianumin toimitteita 18. Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki, 1978.

ССЫЛКИ

¹ *Saloheimo V.* Inkerinmaan asutus ja väestö, 1617-1700 // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. SKS. Helsinki, 1992. S. 67–82.

² *Ялканен Э.* Пасторы Скворицкого прихода и страницы истории прихода 1621–2001. Joensuu, 2002. С. 14.

³ *Folkestén T., Halttunen A., Jääskeläinen T.* 50-vuotismuisto kirkon kohtaloista Inkerissä. 50-årsminne av kyrkans öde i Ingermanland. ISK. Västerås, 1987. S. 8.

⁴ *Kuujó E.* Inkerin suomalaisasutuksen synnystä 1600-luvulla // Inkerin teillä. SKS. Helsinki, 1990. S. 140.

⁵ *Троицкий С.М.* О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источниковедческие проблемы народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 118–119.

⁶ *Flink T.* Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. Inkerin ja Pietarin suomalaisten sivistys-, kulttuuri- ja itse-tuntopyrkimyksiä vuosina 1861–1917. Turku, 2000.

⁷ Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 203.

⁸ Там же. S. 208.

⁹ *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб, 2003. С. 25–26.

¹⁰ *Коронен М.М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 105.

¹¹ *Таргуайнен М.А.* Ингерманландский излом. СПб., 2001. С. 284.

¹² Принима́й нас, Суоми-красавица. Сост. Е. Балашов. Часть I. СПб., 1999. С. 203–210.

- ¹³ *Таргуйайнен М.А.* Ингерманландский излом. СПб., 2001. С. 285.
- ¹⁴ *Киуру Э.С., Суни Л.В.* Очерк культуры российских финнов // Финны России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 52.
- ¹⁵ Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области. Сост. Богомолов Ф.И. и Комлев П.Е. Под ред. Нужного А.Ф. Л., 1936. С. 103.
- ¹⁶ *Inkerin suomalaisten historia.* Jyväskylä, 1969. S. 359.
- ¹⁷ *Nevalainen P.* Inkeriläiset ja Pietari // Suomi ja Pietari. Porvoo, 1995. S. 42.
- ¹⁸ *Сванидзе М.* Исторические хроники с Николаем Сванидзе: в 2 кн. СПб, 2007. С. 73.
- ¹⁹ *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб, 2003. С. 285.
- ²⁰ *Бугай Н.* Север в политике переселения народов // Север. Петрозаводск, 1991. № 4. С. 92–98.
- ²¹ *Mutanen P.* Poika Markkovan kylästä. Karjala, Petroskoi, 1983.
- ²² *Nevalainen P.* Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki : Otava, 1990. S. 62.
- ²³ *Бугай Н.Ф.* Ингерманландцы: под грифом «секретно» // Север, 1991, № 3. С. 127.
- ²⁴ *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб, 2003. С. 331.
- ²⁵ *Mullonen J.* Kyntimme vakomme Karjalan karuun Maankamaran // Carelia, 2009. № 1. S. 66.
- ²⁶ Punalippu. 1987. № 8.
- ²⁷ Решение Исполкома Ленинградского областного совета народных депутатов №26 от 30.01.1989.
- ²⁸ Временный устав Добровольного общества «Инкерин Лиитто». Утверждён 30.01.1989. Ст. 1.
- ²⁹ Постановление Верховного совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов», 29 июня 1993 г., № 5291-1.
- ³⁰ Национальный состав и владение языком, гражданство населения Санкт-Петербурга. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Федеральная служба государственной статистики. СПб., 2007; Национальный состав и владение языком, гражданство населения Ленинградской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Федеральная служба государственной статистики. СПб., 2007.
- ³¹ Оценки численности ингерманландских финнов в России получены путём умножения данных переписи о числе финнов на 0,95 (95% — приблизительная доля ингерманландских финнов в общей численности финнов в России-СССР).

³² Материалы всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 8, М., 2004.

³³ Авторы приносят глубокую благодарность психологу Леонтине Сакса за предоставленные ею материалы этносоциологического опроса и приведенные выводы.

³⁴ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Tallinn, 1970. Lk. 59.

³⁵ *Крюков А.В.* Из этнонимии Ингерманландии // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 106–118.

³⁶ *Sjögren A.J.* Ueber die finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermanland. St. Peterburg, 1833.

³⁷ *Егоров В.А.* Эврейцы Лесколовского сельсовета // Сборник ЛОИКФУН. Л., 1929. С. 31–48.

³⁸ *Крюков А.В.* Из этнонимии Ингерманландии // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 112.

³⁹ Там же. С. 117–118.

⁴⁰ *Saloheimo V.* Inkerinmaan asustus ja väestö 1618-1700 // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. SKS. Helsinki, 1992; *Kujo E.* Inkerin suomalaisasutuksen synnystä 1600-luvulla // Inkerin teillä. Toim. Laaksonen P., Mettomäki S.-L. SKS. Helsinki. 1990. S.135–142.

⁴¹ *Leskinen H.* Inkerin asutus ja väestöryhmät // Itämerensuomalaiset. Jyväskylä, 1995. S. 170–171.

⁴² Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements von Peter v. Köppen. St. Petersburg, 1867. S. 50–84.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. SKS. Tietolipas. 1965. S. 93.

⁴⁵ *Haltsonen S.* Keski-Inkerin äyrämöisnaisen vaateparresta // Kalevalanseura Vuosikirja 10. 1930. S.136.

⁴⁶ Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 184.

⁴⁷ *Tallqvist Th., Törneröos A.* Th. Tallqvistin ja A. Törneröosin kertomus runonkerumatkastansa Inkerissä v. 1859 // Runonkerääjimmme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle. Helsinki, 1904. S. 386.

⁴⁸ *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. SKS. Tietolipas. 1965. S. 95.

⁴⁹ Материалы по статистике народного хозяйства в С.- Петербургской губернии. Вып. 2. СПб, 1885. С. 94.

⁵⁰ *Mesiäinen A.* Maria Kajavan pitkä taival. Jyväskylä, 1990. S. 8.

⁵¹ Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 278; Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. SKS. Helsinki, 1992. S. 188.

⁵² *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. SKS. Tietolipas. 1965. S. 46.

⁵³ Российская национальная библиотека. Ф. 885, № 558, л. 231, 253 об., 266 об., 292.

⁵⁴ *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. SKS. Tietolipas. 1965. S. 46.

⁵⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 448, оп. 1, д. 24, л. 5.

⁵⁶ *Егоров В.* Работа Никулясского отряда // Бюллетень ЛОИКФУН. 1929. № 2. С. 16.

⁵⁷ Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 140.

⁵⁸ Там же. S. 136.

⁵⁹ *Karste-Liikkanen G.* Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämänkentässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918. Helsinki, 1968. S. 81–84.

⁶⁰ Там же. S. 88-89.

⁶¹ *Шлыгина Н.В.* Российские финны. Хозяйственные занятия и материальная культура // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 495.

⁶² *Ивлев В.В.* Промыслы крестьянского населения XIX века. Из справочника "Всеволожский район" // <http://www.around.spb.ru/history/vsev/promysel.php>.

⁶³ *Karste-Liikkanen G.* Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämänkentässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918. Helsinki, 1968. S. 146-148.

⁶⁴ Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. SKS. Helsinki, 1992. S. 190.

⁶⁵ *Tallqvist Th., Törneröos A.* Th. Tallqvistin ja A. Törneröosin kertomus runonkerumatkastansa Inkerissä v. 1859 // Runonkerääjien me matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle. Helsinki, 1904. S. 382.

⁶⁶ Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. Национальный состав и владение языками. Санкт-Петербург и Ленинградская область. Статистический сборник (выпуск 7). СПб, 2007.

⁶⁷ *Суни Л.В.* Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 8.

⁶⁸ *Георги И.-Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. 1794-1796. СПб., 1996. С. 483.

⁶⁹ Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969. S. 82.

⁷⁰ *Крюков А.В.* О расположении, структуре и типологии финских деревень в Ингерманландии (1830–1930 гг.) // Петербургские чтения — 97. Петербург и Россия. СПб, 1997. С. 201-223.

⁷¹ Inkerin evankelisluterilaisen kirkon 350-vuotias-muistojulkaisu. Helsinki, 1960. S. 92.

⁷² *Tallqvist Th., Törneröos A.* Th. Tallqvistin ja A. Törneröosin kertomus runonkerumatkastansa Inkerissä v. 1859 // *Runonkerääjämme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle*. Helsinki, 1904. S. 383.

⁷³ Ушаков Н.В. Традиционное жилище финноязычных народов Ленинградской области нач. XX в. // *Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы*. Л., 1990. С. 51–52; *Он же*. Жилище Санкт-Петербургской губернии начала XX века. СПб., 2004.

⁷⁴ *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. SKS. Tietolipas. 36. 1965. S. 96.

⁷⁵ *Габе Р.М.* Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // *Западнофинский сборник. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран*. № 16. Л., 1930. С. 153.

⁷⁶ Там же. С. 119–120.

⁷⁷ Там же. С. 124.

⁷⁸ *Kuronen A.* Inkerin keittiö. Ruokaperinnettä ja –ohjeita. 2002.

⁷⁹ *Haltsonen S.* Keski-Inkerin äyrämöisnaisen vaateparresta // *Kalevalanseura Vuosikirja* 10. 1930. S. 139.

⁸⁰ Цит. по: *Haltsonen S.* Keski-Inkerin äyrämöisnaisen vaateparresta // *Kalevalanseura Vuosikirja* 10. 1930. S. 145.

⁸¹ Цит. по: *Haltsonen S.* Keski-Inkerin äyrämöisnaisen vaateparresta // *Kalevalanseura Vuosikirja* 10. 1930. S. 139.

⁸² *Haltsonen S.* Keski-Inkerin äyrämöisnaisen vaateparresta // *Kalevalanseura Vuosikirja* 10. 1930. S. 135–146.

⁸³ Там же. S. 138.

⁸⁴ Там же. S. 138.

⁸⁵ Там же. S. 141.

⁸⁶ Там же. S. 139.

⁸⁷ *Sihvo P.* Varsinaiset vallan omat// *Inkerin teillä*. SKS. Helsinki, 1990. S. 102.

⁸⁸ Там же. S. 101–102.

⁸⁹ *Шлыгина Н.В.* Ингерманландские финны: этнографический очерк // *Финны в России: история, культура, судьбы*. Петрозаводск, 1998. С. 76–77.

⁹⁰ По материалам ингерманландских коллекций Эстонского Народного Музея (г. Тарту).

⁹¹ *Karste-Liikkanen G.* Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämäntähtäessä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918. Helsinki, 1968. S. 89–92.

⁹² *Kämpäs A.* Syntymään, lapsuuteen ja kuolemaan liittyneitä käsityksiä Keski-Inkerin Skuoritsassa // Рукопись. Архив Этнографического отдела Музейного Ведомства Финляндии.

⁹³ Suomen kansan vanhat runot IV:3, 4418.

⁹⁴ Vanha Tuutari // Suomi. 112:4. Helsinki, 1967. S. 35.

⁹⁵ *Kaukonen T.-I.* Lapsuus ja nuoruus Keski-Inkerin savakkokylissä // Inkerin teillä. SKS. Helsinki, 1990. S.190.

⁹⁶ Прибалтийско-финские народы. М., 2003. С. 509.

⁹⁷ *Saxbäck, F.A.* Saxbäckin matkakertomus runonkeruumatkastansa Inkerissä v. 1859 // Runonkerääjiemme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle. SKS:n toimituksia, 109. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1904. S. 322.

⁹⁸ Прибалтийско-финские народы. М., 2003. С. 510–512.

⁹⁹ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten vainajainpalveluksesta // Kansatieteellisiä tutkielmia Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia XXXV. Helsinki, 1914. S. 2.

¹⁰⁰ *Конькова О.И.* О некоторых локальных особенностях намогильных крестов в Ингерманландии // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб, 2004. С. 386–402.

¹⁰¹ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten vainajainpalveluksesta // Kansatieteellisiä tutkielmia Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia XXXV. Helsinki, 1914. S. 4.

¹⁰² *Virtaranta P.* Inkeriläisiä sananlaskuja ja arvoituksia // Castrenianumin toimitteita 18. Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki. 1978. S. 101.

¹⁰³ В этой главе использованы материалы полевых исследований О.И.Коньковой.

¹⁰⁴ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 9.

¹⁰⁵ Suomen kansan vanhat runot IV:3, 4542.

¹⁰⁶ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 20.

¹⁰⁷ *Alava V.* Архив Общества финской литературы (SKS). 1891. № 47.

¹⁰⁸ *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto. Helsinki, 1994. S. 63.

¹⁰⁹ *Nirvi R.E.* Näytteitä inkeriläismurteista // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 15.1981. S. 62.

¹¹⁰ *Alava V.* Архив Общества финской литературы (SKS). 1891. № 46.

¹¹¹ *Hämäläinen A.* Kansantieteellisiä lisiä Inkerin suomalaisten historiaan. VI–VIII // Inkeriläisten viesti. Nro 3-5. Helsinki, 1971.

¹¹² *Hämäläinen A.* Olkinukke Inkerin vuotuisjuhlissa // Kalevalaseuran Vuosikirja 46. Porvoo, 1966. S. 287.

¹¹³ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 35.

¹¹⁴ Suomalainen kansankalenteri Venäjällä. 1891. S. 31.

¹¹⁵ *Virtaranta P.* Inkeriläisiä sananlaskuja ja arvoituksia // Castrenianumin toimitteita 18. Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki. 1978. S. 101.

- ¹¹⁶ *Alava V.* Архив Общества финской литературы (SKS). 1891. № 921.
- ¹¹⁷ Suomen kansan vanhat runot III:1, 1051.
- ¹¹⁸ *Шлыгина Н.В.* Финны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 127.
- ¹¹⁹ Vanha Tuutari // Suomi. 112:4. Helsinki, 1967. S. 60.
- ¹²⁰ Suomen kansan vanhat runot IV:3, 4105.
- ¹²¹ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 50.
- ¹²² Vanha Tuutari // Suomi. 112:4. Helsinki, 1967. S. 60.
- ¹²³ Suomen kansan vanhat runot. IV:3, 4520.
- ¹²⁴ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 58.
- ¹²⁵ *Saxbäck, F.A.* Saxbäckin matkakertomus runonkeruumatkastansa Inkerissä v. 1859 // Runonkerääjimmme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle. SKS:n toimintuksia, 109. SKS. Helsinki, 1904. S. 383.
- ¹²⁶ *Kaukonen T.-I.* Lapsuus ja nuoruus Keski-Inkerin savakkokylissä // Inkerin teillä. SKS. Helsinki, 1990. S. 200.
- ¹²⁷ Suomen kansan vanhat runot. IV:3, 3436.
- ¹²⁸ *Hämäläinen A.* Kansantieteellisiä lisiä Inkerin suomalaisten historiaan. VI–VIII // Inkeriläisten viesti. Nro 5. Helsinki, 1971. S. 11.
- ¹²⁹ Там же. S. 10.
- ¹³⁰ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 70.
- ¹³¹ *Virtaranta P.* Inkeriläisiä sananlaskuja ja arvoituksia // Castrenianumin toimitteita 18. Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki. 1978. S. 102.
- ¹³² *Haavio M.* Архив Общества финской литературы (SKS). 1936. № 2620.
- ¹³³ *Alava V.* Архив Общества финской литературы (SKS). 1891. № 322.
- ¹³⁴ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 83, 87.
- ¹³⁵ Там же. S. 90.
- ¹³⁶ *Virtaranta P.* Inkeriläisiä sananlaskuja ja arvoituksia // Castrenianumin toimitteita 18. Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki. 1978. S. 103.
- ¹³⁷ *Varjovaara J.* Mikkelin juhla Inkerissä // Inkerinmaalla. Hameenlinna, 1989. S. 273–274.
- ¹³⁸ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 95.
- ¹³⁹ Vanha Tuutari // Suomi. 112:4. Helsinki, 1967. S. 57.
- ¹⁴⁰ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten praasnikoista // Suomalaisen kansanrunousseminaarin julkaisuja II. Helsinki, 1912. S. 67.
- ¹⁴¹ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 100.
- ¹⁴² *Nirvi R.E.* Näytteitä inkeriläismurteista // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 15.1981. S. 12.
- ¹⁴³ Suomen kansan vanhat runot III:2, 2826.

- ¹⁴⁴ Suomen kansan vanhat runot III:1, 231.
- ¹⁴⁵ *Kuivanen L.-E.* Inkerin vuotuisjuhlat ja ajantieto. 2003. S. 110.
- ¹⁴⁶ *Hautala J.* Tervaristi, rautarengas // Kalevalaseuran Vuosikirja 20–21. Porvoo, 1940. S. 66–67.
- ¹⁴⁷ *Hämäläinen A.* Olkinukke Inkerin vuotuisjuhlissa // Kalevalaseuran Vuosikirja 46. Porvoo, 1966. S. 279.
- ¹⁴⁸ Там же. S. 279.
- ¹⁴⁹ Vanha Tuutari // Suomi. 112:4. Helsinki, 1967. S. 60.
- ¹⁵⁰ Там же. S. 60.
- ¹⁵¹ *Hämäläinen A.* Этнографический рукописный архив Музейного Ведомства Финляндии. 1978. №18.
- ¹⁵² Карело-финский народный эпос. Книга I. М., 1994. С. 41.
- ¹⁵³ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990. С. 120.
- ¹⁵⁴ *Murman J.W.* Selitys häätavoista Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa. Inkerinmaalaisten häätapain pääjuuret// Pietarin sunnutailehti. 1871. №№ 36–38.
- ¹⁵⁵ *Laiho L.* Syitä Inkerin vanhan häälaulun kuolemiseen // Virittäjä. 1937. S. 441–444.
- ¹⁵⁶ Kansan lauluja Inkerinmaalta. Toim. A. Asplund. SKS. Pieksämäki, 1992. S. 130.
- ¹⁵⁷ Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 210, 399.
- ¹⁵⁸ *Григорьева И. П.* Музыкальная культура ингерманландских финнов второй половины XIX и XX столетий: Исследование. СПб., 1995. С. 42.
- ¹⁵⁹ *Мальми В.Г.* Народные танцы Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 13,15.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 19.
- ¹⁶¹ *Григорьева И. П.* Музыкальная культура ингерманландских финнов второй половины XIX и XX столетий: Исследование. СПб., 1995. С. 43,45.
- ¹⁶² За перевод ингерманландских пословиц и поговорок приносим глубокую благодарность Алексею Крюкову.
- ¹⁶³ *Коппалёва Ю.Э.* Финские говоры Ингерманландии // Финны России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 92.
- ¹⁶⁴ Elettiiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalaisista murteista. Toim. Maria Mullonen. Petroskoi, 2004.
- ¹⁶⁵ *Kolomainen M.* Inkerin ”toisinajattelijat”. Helsinki, 1989. S. 37.
- ¹⁶⁶ *Folkesten T., Halttunen A., Jääskeläinen T.* 50-vuotismuisto kirkon kohtaloista Inkerissä. 50-årsminne av kyrkans öde i Ingermanland. ISK. Västerås, 1987. S. 139.
- ¹⁶⁷ *Ylönen K.* Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä // Kirkon tutkimuskeskus. Sarja A. № 70. Jyväskylä, 1997. S. 135.

Академическая научно-популярная серия
«КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»

Конькова Ольга Игоревна
Кокко Владимир Адольфович

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ

Очерки истории и культуры

Научно-популярное издание

Редактор Никита Дьячков
Компьютерный макет Натальи Пашковской

Подписано в печать 02.06.2009.
Формат 220×240. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Гарнитура PeterburgC. Усл. п. л. 22. Уч.-изд. л. 25.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1180.

РИО МАЭ РАН
199034. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство «Лема»
199034. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24